

ЗА СЧАСТЬЕМ, ЗОЛОТОМ И СЛАВОЙ

Русская книга

А. Дюма
**УЧИТЕЛЬ
ФЕХТОВАНИЯ**

Луи Буссенар
**ГЕРОИ
МАЛАХОВА КУРГАНА**

Жюль Верн
**МИХАИЛ
СТРОГОВ**

Художник В. Я. Мирошниченко

Д96 А. Дюма, Луи Буссенар, Жюль Верн
Учитель фехтования /А. Дюма; Герои Малахова кургана/ Луи Буссенар; Михаил Строгов /Жюль Верн: Пер. с фр.; Худож. В. Я. Мирошниченко. — М.: Русская книга, 1994. — 480 с. — (За счастьем, золотом и славой).

В этой книге собраны исторические романы о России французских мастеров приключенческого жанра, почти неизвестные российскому читателю.

Выступление декабристов, Крымская война, восстание в Сибири — пусть вымышленное, но столь похожее на народные бунты, потрясавшие Россию на протяжении XVI — XIX веков...

Увлекательные события, драматические столкновения характеров, противостояние благородных стремлений к свободе и беззаветного выполнения долга, — все это помогает по-новому представить волнующее, порой трагическое прошлое нашего народа.

Д $\frac{470201010201-048}{М-105(03)94}$ инф.94 84.4

ISBN 5-268-01381-5 © Мирошниченко В.Я., 1994., оформление

Жюль Верн

МИХАИЛ СТРОГОВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ОТ МОСКВЫ ДО ИРКУТСКА

ГЛАВА I

БАЛ В БОЛЬШОМ КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ

— Получена новая телеграмма, ваше императорское величество.

— Откуда?

— Из Томска.

— Действует ли телеграф дальше Томска?

— Никак нет, его перервали вчера.

— Немедленно доложите мне, как только будет получена новая депеша.

— Слушаюсь, ваше императорское величество, — отвечал генерал Кисов.

Этот разговор происходил в два часа ночи, в самом разгаре бала в Большом Кремлевском дворце. Роскошные залы были переполнены танцующими; в воздухе носились звуки вальса, мазурки и польки, без перерыва исполняемых двумя военными оркестрами, и эхо веселых мотивов доносилось до стен старого Кремля, переживших на своем веку столько кровавых событий. Особы императорской фамилии принимали деятельное участие в танцах, подавая пример приглашенным. Раздались торжественные звуки полонеза, и танцующие выстроились парами. Сот-

Текст печатается по изд.:

Жюль Верн. Михаил Строгов: Роман. Пер с фр.
М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1900.

ни люстр, отражавшихся в зеркалах, заливали ослепительным светом роскошные туалеты дам и усеянные орденами мундиры военных и гражданских сановников. Громадный зал дворца с потускневшей от времени позолотой плафона, с богатыми штофными драпировками представлял достойную раму для этой блестящей картины. Издали дворец казался освещенный заревом — так велик был контраст между этим залитым огнями зданием и окружавшим его городом, погруженным в глубокий мрак. В темноте лишь смутно белели колокольни церквей да изредка сверкали фонари на судах, стоявших вдоль Москвы-реки. Августейший хозяин был в мундире егерского полка и своей скромной одеждой резко отличался от окружавших его сановников и своей свиты — блестящих конвойцев в живописных кавказских костюмах. Он переходил от одной группы к другой, но мало кого удостаивал беседой и рассеянно прислушивался как к веселой болтовне танцующих, так и к серьезным разговорам, которые велись между сановниками и иностранными дипломатами. Самые наблюдательные из них подметили некоторую озабоченность на лице державного хозяина, но никто не осмеливался об этом говорить, сам же он прилагал все усилия, чтобы не омрачить своим беспокойством веселый праздник. Когда государь прочел поданную ему генералом Кисовым телеграмму, лицо его стало еще мрачнее.

— Итак, — проговорил он, — со вчерашнего дня нет никакого сообщения с великим князем, моим братом?

— Никакого, ваше императорское величество, и я даже опасаясь, что скоро телеграммы будут доходить только до азиатской границы.

— Послано ли предписание войскам Иркутского, Якутского и Забайкальского округов двинуться к Иркутску?

— Этот приказ был отдан им в последней телеграмме, которую удалось переправить за Байкал.

— Есть ли еще сообщение с Енисейской, Омской, Тобольской губерниями и Семипалатинской областью?

— Точно так, ваше императорское величество, и в настоящее время известно, что бухарцы еще не перешли за Иртыш и за Обь.

— Есть ли известия об изменнике Огареве?

— Никаких, — отвечал генерал Кисов. — Неизвестно, перешел ли он границу или нет.

— Пошлите немедленно секретное предписание искать его в Пермь, Екатеринбург, Касимов, Тюмень, Ишим, Омск, Колы-

вань, Томск и во все телеграфные пункты, сообщение с которыми еще не прервано.

— Приказание вашего императорского величества будет исполнено, — отвечал Кисов.

Поклонившись государю, он смешался с толпой и вскоре исчез из дворца, никем не замеченный. События, о которых велся приведенный выше разговор, не для всех были тайной. Многие лица, занимавшие высокие административные должности, имели смутное понятие о происходившем, но всякий держал свои мысли про себя. Только двое из присутствовавших вели шепотом оживленный разговор о событиях дня. Из этих двух лиц один был англичанин, другой — француз. Оба они были художавы и высокого роста, но этим и ограничивалось их сходство, во всем же остальном эти два человека представляли самый разительный контраст. Первый был, подобно большинству своих соотечественников, невозмутимо-флегматичен, скуп на слова и на жесты, тогда как второй был олицетворенная живость: не только лицо его, но и все движения принимали участие в разговоре; а глаза его пронизывали насквозь и замечали все, что вокруг него происходит. Зато собеседник его мог похвастаться удивительно развитым слухом: он тотчас запоминал раз услышанный голос и безошибочно мог узнать его через десятки лет. Острое зрение и тонкий слух были весьма ценны для обоих, так как англичанин состоял корреспондентом «Ежедневного Телеграфа»; что же касается его коллеги, то он никому не сообщал, в какой газете или в каких газетах сотрудничает, а говорил в шутку, что переписывается со своей кузиной. Имя французского корреспондента было Альсид Жюливе, имя англичанина Гарри Блэнт. В качестве представителей печати оба они получили доступ во дворец и тут встретились впервые. Соревнование побудило их вступить в беседу, в которой каждый мог незаметно выпытать все, что известно другому.

— Не правда ли, какой роскошный бал? — заметил Жюливе. — Великолепный!

— Я уже телеграфировал об этом, — невозмутимо отвечал Гарри Блэнт.

— Впрочем, — продолжал его собеседник, — я сообщил моей кузине...

— Какой кузине? — спросил изумленный англичанин.

— Ах да, я вам еще не говорил, что состою в переписке с моей кузиной Мадленой. Она любит своевременные и точные

известия, а потому я считал долгом сообщить ей, что государь оказался мне чем-то озабоченным.

— Я этого не нахожу, — уклончиво заметил англичанин.

— А помните ли вы, господин Блэнт, что в 1812 году, когда императору Александру I в самом разгаре бала донесли, что Наполеон перешел со своим авангардом Неман, он остался на балу и выказал столько же хладнокровия...

— Сколько наш августейший хозяин, — перебил английский корреспондент, — когда генерал Кисов доложил ему, что изменники испортили телеграфную проволоку между азиатской границей и Иркутском.

— А вам это уже известно?

— Без сомнения.

— Впрочем, и у меня были на этот счет довольно точные сведения, — самодовольно заметил Альсид Жоливе, — и моя последняя телеграмма была из Нижнеудинска.

— А моя из Красноярска, — с не меньшим самодовольством возразил Блэнт.

— А знаете ли вы, какой приказ послан войскам в Николаевск?

— Знаю, равно и как и то, что тобольские казаки получили предписание выступить в город.

— Совершенно верно, господин Блэнт, и я завтра же поделюсь этими новостями с моей кухней.

— А я с подписчиками «Ежедневного Телеграфа», господин Жоливе.

— Как видно, нам предстоит интересные наблюдения, и мы, верно, еще не раз встретимся, — сказал француз.

Тут оба корреспондента расстались, в душе очень довольные тем, что, по-видимому, оказались противниками равной силы. В эту минуту двери в соседний зал растворились настежь, и взорам гостей представились накрытые к ужину столы, украшенные цветами и уставленные драгоценной серебряной посудой, севским фарфором и хрусталем, ослепительно сверкавшим при ярком освещении люстр. В то время как приглашенные размещались за столами, генерал Кисов вернулся во дворец.

— Какие известия? — с живостью спросил император, отведя его в сторону.

— Все те же, ваше императорское величество, телеграммы доходят только до Томска.

— Сейчас же пришлите ко мне курьера!

События, происходившие в Азиатской России, были такого свойства, что внушали серьезную тревогу, и потому не мудрено, что царь покинул своих гостей в самый разгар праздника. Последние полученные известия подтверждали его опасения; между подвластными России кочевниками Туркестанского края вспыхнуло восстание, грозившее охватить всю Сибирь — эту огромную область в пятьсот шестьдесят тысяч квадратных верст с двухмиллионным населением. В то время, о котором ведется наш рассказ, управление Сибирским краем было возложено на двух генерал-губернаторов; из них один жил в Иркутске, другой в Тобольске, главных пунктах Восточной и Западной Сибири. Железной дороги еще не существовало, и средством сообщения служили в летнее время тарантасы или телеги, а в зимнее время — сани. Единственным признаком проникавшей и в этот далекий край цивилизации был телеграф, соединявший пункты Восточной Сибири с Европейской Россией на протяжении восьми тысяч верст, но и этот способ передачи известий стоил очень дорого и производился гораздо медленнее, чем теперь. При самом начале восстания, зачинщики его позаботились порвать телеграфную проволоку под Томском, а несколько часов спустя и далее, по направлению к Колывани. Таким образом, единственное, что мог сделать царь для передачи своих повелений на восточную окраину Сибири, было послать туда курьера. Отдав генералу Кисову это приказание, он, стоя у окна, погруженный с своею невеселую думу, которая была прервана камер-лакеем, доложившим ему о приходе московского обер-полицмейстера.

— Расскажите мне, — обратился к последнему император, — все, что вам известно об Иване Огареве.

Полицмейстер поклонился в знак повиновения и начал свой рассказ.

— Это весьма опасный человек, ваше императорское величество; он всегда выдавался из среды прочих офицеров своим умом, но в то же время своим неукротимым характером и беспредельным честолюбием. Он дослужился до чина полковника, но два года тому назад, когда открылось его участие в тайном политическом обществе, он был, по приказанию его императорского высочества, великого князя, предан военному суду, разжалован и сослан в Сибирь. Через полгода он был прощен по всемилостивейшему манифесту и получил разрешение вернуться в Европейскую

Россию. Впоследствии Огарев вторично отправился в Сибирь, на этот раз добровольно. По возвращении оттуда он некоторое время жил в Перми, не имея определенных занятий. Там он сначала находился под надзором полиции, но так как в его поведении не было ничего подозрительного, то за ним перестали следить. В марте текущего года он выехал из Перми, но куда — неизвестно.

— Мне это известно, — прервал император. — Я получил несколько анонимных писем, которым начинаю верить, ввиду событий, происходящих теперь в Сибири.

— Ваше величество считаете Огарева причастным к бухарскому нашествию?

— Да, — отвечал государь, — и вот что я узнал: выехав из Перми, Огарев отправился в Сибирь, в киргизские степи, где с успехом пытался возбудить восстание между кочевниками. Оттуда он направился к югу, в Туркестан. В Бухаре и Қоқанде также нашлись предводители, примкнувшие к нему с целью вести туземные полчища в северную Сибирь, чтобы освободить ее от русского владычества. Сначала эта интрига велась тайно, но теперь восстание открыто вспыхнуло, и все пути сообщения между Западной и Восточной Сибирью преграждены. В последней телеграмме, посланной в Нижнеудинск, я отдал приказ собрать войска, находящиеся в Енисейском, Иркутском, Якутском, Приамурском и Забайкальском краях, а также двинуть на восток полки, стоящие в Перми и Нижнем Новгороде, но они встретятся лицом к лицу с бухарцами не раньше, как через несколько недель; тем временем брат мой не имеет никакого сообщения с Москвой. Он рассчитывает на помощь со стороны ближайших к Иркутску городов, но не подозревает, что Огарев, которого он не знает в лицо, составил заговор на его жизнь. Этот изменник питает беспощадную ненависть к великому князю как виновнику его разжалования и рассчитывает, прибыв в Иркутск под чужим именем, овладеть доверием моего брата и выдать город бухарцам. Великого князя надо немедленно известить об этом, послав к нему курьера, что я и приказал сделать.

— Посланный не должен терять ни минуты, — прибавил обер-полицмейстер. — Осмелюсь доложить вашему величеству, что Сибирь представляет удобную почву для восстания — как политические ссыльные, так и прочие преступники легко могут принять сторону нападающих.

Полицмейстер был прав, так как большая часть кочевого киргизского населения уже примкнула к восставшим.

Какого пункта достигли нападавшие в то время, когда это ужасное известие пришло в Москву, — никто не мог сказать: телеграфное сообщение, которое одно могло вовремя предупредить великого князя об измене Огарева, было прервано, и заменить его мог только курьер. От посланного требовалось много ума и мужества для того, чтобы беспрепятственно проехать страну, занятую мятежниками, но император не терял надежды отыскать такого человека.

ГЛАВА III

МИХАИЛ СТРОГОВ

Спустя несколько минут после того, как удался обер-полицмейстер, государю доложили о приходе генерала Кисова.

— Здесь ли курьер? — обратился к нему император.

— Да, ваше императорское величество, и это именно такой человек, какой нам нужен. Он уже давно служит в фельдъегерском корпусе и несколько раз с успехом выполнял трудные поручения. Он родом из Омска и знает Сибирь вдоль и поперек.

— Сколько ему лет? — спросил император.

— Тридцать лет, ваше императорское величество; у него железное здоровье и поистине золотое сердце, а вместе с тем он мужествен и хладнокровен, что необходимо для исполнения его трудной задачи. Словом, я могу за него поручиться головою.

— Как его зовут?

— Михаил Строгов.

— Пусть он войдет, — сказал царь.

Вошедший фельдъегерь был высокого роста, пропорционально и крепко сложен. Его мощная фигура казалась воплощением физической силы. Черты его лица были правильны и приятны; густые темные волосы слегка вились, а добрый и открытый взгляд красивых синих глаз невольно привлекал внимание к нему всякого. Грудь его была украшена Георгиевским крестом и несколькими медалями. В каждом слове и движении Строгова был виден энергичный человек, умеющий пользоваться обстоятельствами и неуклонно идущий к своей цели.

Строгов как сибирский уроженец хорошо знал не только местность, которую ему предстояло проехать, но также и наречия многочисленных народностей, населявших ее. Детство и раннюю молодость он провел в своем родном городе Омске, где старуха

мать его осталась доживать свои дни, овдовев лет за десять до начала нашего рассказа. Петр Строгов был страстным охотником и, воспитывая сына, старался закалить его. Еще мальчиком Михаил нередко сопровождал отца на охоту за дичью или помогал ему расставлять капканы для лисиц и волков, а лет одиннадцати уже выходил с рогатиной на медведя. Старик Строгов был на редкость счастливым охотником: он убил на своем веку более сорока медведей, а известно, что это число, по охотничьему поверью, считается роковым. Когда Михаилу было четырнадцать лет, он не только один убил медведя, но, содрав с него шкуру, пронес ее за несколько верст до дома, что ясно указывает на необычную для его возраста силу. Полученное им суровое воспитание приучило юношу стойко переносить голод, жажду и всякие лишения, а также развило в нем наблюдательность к окружающим явлениям природы. Строгов страстно любил свою мать, и когда был принят на службу в фельдъегерский корпус, то при прощании обещал старухе навещать ее, как только будет представляться возможность. Служба его шла очень успешно, особенно удачна была данная ему командировка на Кавказ, где в то время было еще много последователей Шамиля, пытавшихся снова возбудить горцев к восстанию. Ловкость и мужество, выказанные Строговым в это путешествие, были по достоинству оценены, и с тех пор его карьера была упрочена. Верный своему обещанию, он каждый отпуск ездил повидаться с матерью, пока не получил снова командировки на юг, где пробыл три года и откуда только что вернулся перед началом этого рассказа. Он рассчитывал на получение отпуска и уже начал собираться в дорогу, когда получил предписание явиться к императору. Исполняя это приказание, он и не подозревал, какое трудное поручение на него возложат. Наружность и спокойное достоинство, с каким держался Строгов, по-видимому, понравились государю.

— Как твое имя? — спросил он.

— Михаил Строгов, ваше императорское величество.

Предложив Строгову эти вопросы, государь присел к столу, написал несколько строк и, запечатав конверт своею печатью, вручил его курьеру.

— Вот письмо, — сказал он, — которое ты передашь великому князю в собственные руки. Тебе придется проехать страну, занятую мятежниками, которые будут стараться перехватить письмо. В особенности остерегайся изменника Огарева, с которым, может быть, встретишься дорогой. Тебе придется проезжать через Омск?

— Так точно, ваше императорское величество.

— Ты не должен видаться с матерью, иначе можешь быть узнан.

— Слушаюсь, ваше императорское величество, — отвечал Михаил Строгов после минутного колебания.

— От передачи этого письма, — продолжал император, — зависит спасение всей Азиатской России и, может быть, жизнь моего брата. Ручаешься ли ты за успех?

— Я доберусь до великого князя, ваше императорское величество, или буду убит, — отвечал Строгов.

— Ты не должен рисковать жизнью, она мне нужна!

— Я доеду живой, — уверенно отвечал молодой человек.

Эта уверенность в своих силах благотворно действовала на государя.

— Поезжай, Строгов, — сказал он, — и да будет с тобою благословение Божие и молитва русского народа!

Михаил Строгов отдал честь и вышел из кабинета.

ГЛАВА IV

ИЗ МОСКВЫ В НИЖНИЙ НОВГОРОД

Строгову предстояло проехать до Иркутска пять тысяч двести верст. Когда телеграфа еще не существовало в Сибири, то депеши доставлялись туда курьерами. В качестве царских посланных, они пользовались всякими льготами для скорейшего передвижения, но, несмотря на это, им приходилось употреблять на свое путешествие от четырех до пяти недель, а в исключительных случаях никак не менее трех. Зимой сообщение по Сибири было гораздо удобнее, так как санный путь значительно облегчал его, но и тут мешали метели, сильные туманы и нападение волков, которых голод часто заставляет выходить на дорогу целыми стаями. Михаил Строгов, как истый сибиряк, не боявшийся ни волков, ни морозу, предпочел бы путешествовать зимою, но у него не было выбора. Кроме того, что ему приходилось спешить, он должен был сохранять строгое инкогнито, опасаясь шпионов, которыми кишела охваченная мятежом страна. Поэтому генерал Кисов, вручая ему значительную сумму на путевые издержки, снабдил его также паспортом на имя иркутского купца Николая Корпанова для свободного выезда во все города Европейской и Азиатской России и с правом иметь при себе одного или двух спутников. Путешествуя

под видом частного лица, фельдъегерь не мог уже рассчитывать на то, чтобы получать почтовых лошадей скорее, нежели прочие смертные, и потому подвергался тем же случайностям и задержкам, как и всякий другой путешественник. Расстояние от Москвы до азиатской границы не представляло особенной трудности: тут он мог выбирать между железной дорогой, парходом и почтовым трактом. Утром 16 июля Строгов явился на вокзал к утреннему поезду. На нем была одежда небогатого торговца, но под платьем был спрятан револьвер и большой охотничий нож. По его расчету, часов через десять он уже должен был достигнуть Нижнего Новгорода.

В том вагоне, куда сел Строгов, было довольно много народу; он притворился, будто дремлет, а сам продолжал зорко следить за своими спутниками и прислушиваться к их разговорам. Соседи его, по большей части купцы, едущие на Нижегородскую ярмарку, принадлежали к различным национальностям; между ними были евреи, персы, армяне, калмыки и т. д., но почти все говорили по-русски. Разговор их касался нашествия бухарцев, киргизского восстания и тех мер, которые были приняты русской полицией для ограничения ввоза продуктов из Азии.

Эти меры должны были очень невыгодно отразиться на ярмарочной торговле.

— Говорят, что цены на чай поднялись, — заметил один из купцов, костюм которого обличал в нем перса.

— Тем, кто торгует чаем, бояться нечего, — возразил с недовольным видом старый еврей, — а вот что касается бухарских ковров, так с ними дела плохи.

— А вы ждете транспорта из Бухары? — спросил перс.

— Из Самарканда, и в этом вся беда. Разве можно рассчитывать на провоз товара по стране, охваченной восстанием!

— Ну что делать, — сказал третий путешественник, — не получите вы своих ковров, не выручите и барыша за их продажу.

— Вам хорошо говорить, — возразил жид, — сейчас видно, что вы сами не торгуете.

— Зато я покупаю ваши товары, — заметил, смеясь, его собеседник, — правда, в небольшом количестве и только для своего личного употребления.

— Этот субъект мне что-то подозрителен, — шепотом сказал перс своему соседу. — Будем осторожнее, а то как раз наскочишь на шпиона.

В другом отделении вагона тоже говорилось о событиях дня, но уже с другой точки зрения. Путешественники опасались трудности достать почтовых лошадей и с ужасом говорили, что скоро полиция будет препятствовать переезду даже на паромовых и железных дорогах, так что попасть в восточные города Сибири сделается невозможным. Как видно, тема разговора была во всем поезде одна и та же, но все говорившие высказали необычайную сдержанность в своих суждениях, что было тотчас же замечено одним из путешественников. Это был, очевидно, иностранец, совершенно незнакомый с местностью, по которой проезжали. Он беспрестанно открывал окно и высовывался из него, чем крайне раздражал своих спутников, спрашивал названия местечек, через которые проходила дорога, интересовался предметами их торговли и промышленности, числом жителей и т. д., и все полученные сведения заносил в свою записную книжку. Это был уже знакомый нам француз, корреспондент Альсид Жоливе, а цель его расспросов, очевидно, была сообщить что-нибудь интересное своей кузине. Но его болтовня заставляла соседей остерегаться его как шпиона, и ему пришлось занести в свою книжку следующую заметку:

«Путешественники весьма молчаливы и в разговоре о политике от них слова не добьешься».

В поезде было еще другое лицо, столь же заинтересованное разговором спутников, как и наш француз: это был Гарри Блэнт, ехавший в другом вагоне и не подозревавший присутствия в поезде своего коллеги. Англичанин всю дорогу молчал, зато он внимательно слушал своих соседей, которые, не считая его опасным, разговаривали при нем, не стесняясь. Ему было что послушать, и наблюдения свои он выразил так:

«Путешественники очень встревожены событиями дня, они только и говорят что о войне и судят о действиях правительства чрезвычайно смело».

Между тем полицией были приняты все меры, чтобы схватить Огарева, который, как предполагалось, еще не успел выехать из Европейской России. На каждой большой станции вагоны осматривались, и если кто-либо из едущих казался подозрительным, его задерживали для обыска. Во Владимире в тот вагон, где сидел Строгов, вошло несколько новых пассажиров, между прочим, молодая девушка лет семнадцати, которой пришлось сесть как раз напротив нашего героя. Она была среднего роста и очень стройная, но ее миловидное личико было печально. Должно быть, будущее представлялось ей в мрачных красках, хотя по ее лицу

было видно, что это энергичная натура, готовая бороться с жизнью, несмотря на свою молодость. Молодая путешественница была, очевидно, небогата: весь ее багаж состоял из небольшого саквояжа, который она держала в руках. Одежда ее была также очень скромна: широкий дорожный плащ, темное платье, очень просто сшитое, прочная обувь, очевидно предназначавшаяся для продолжительного путешествия, и соломенная шляпа, из-под которой выбивались роскошные золотистые волосы. Строгов, рассеянно взглянувший на девушку при ее появлении, тотчас почувствовал в ней характер, сходный с его собственным, и это заставило его приглядеться к ней внимательнее. Он не искал случая завязать разговор, но, когда путешественник, сидевший рядом с девушкой, задремавши, толкнул ее, Строгов его разбудил и попросил не беспокоить соседку. Тот сначала покосился на непрошеного защитника, но, видя по его лицу, что он шутить не намерен, предпочел пересесть подальше. Молодая девушка посмотрела на Строгова, и ее взгляд выразил немую благодарность. Верст за двенадцать не доезжая Нижнего, поезд едва не сошел с рельсов на крутом повороте. Пассажиры, испуганные сотрясением, вскочили со своих мест и, как только поезд остановился, бросились из вагонов, хотя скоро выяснилось, что никакого несчастья не произошло. Строгов, взглянув на свою молодую спутницу, с удивлением заметил, что она спокойно осталась сидеть на месте и только слегка поблдедела.

«Эта девушка не из робких», — невольно подумал он.

Происшествие это заставило поезд опоздать часа на два, но к вечеру он благополучно достиг Нижнего Новгорода. Все прибывшие должны были предъявить свои паспорта, не выходя из вагонов. Осматривавший их чиновник, посмотрев паспорт, поданный ему молодой девушкой, спросил ее:

— Вы едете из Риги в Иркутск?

— Да, — отвечала она.

— Какою дорогой?

— На Пермь.

Услыхав этот разговор, Строгов почувствовал невольное страдание к своей юной спутнице, которой предстояло совершить в полном одиночестве такую длинную и опасную дорогу. Он хотел подойти к ней, но как только дверцы вагона открылись, молодая девушка легко прыгнула на землю и скрылась в толпе, прежде чем он успел ее остановить.

Чем дальше к востоку, тем путь нашего героя становился медленнее и затруднительнее, так как в Нижнем путешествие его по железной дороге прекращалось.

Тотчас по прибытии в этот город Строгов отправился на пароходную пристань, чтобы узнать, когда идет пароход в Пермь. Оказалось, что ему надо ожидать следующего дня, что было крайне неприятно нашему герою. Отыскать себе пристанище на ночь было тоже нелегко ввиду того, что все гостиницы оказались переполненными. Наконец Строгову удалось найти свободный номер в гостинице «Константинополь». Поужинавши, он не лег спать, а пошел бродить по улицам, окутанным прозрачными сумерками летней ночи. Мысли его невольно обратились к молодой девушке, бывшей в течение нескольких часов его спутницей. Ему пришло в голову, каким неприятностям она легко могла подвергнуться одна среди разноплеменной толпы, наполнявшей Нижний во время ярмарки. Он охотно выступил бы ее защитником, но по какому праву и притом, где разыскать ее?

«Уже теперь, — думал он, — положение ее незавидно, что же будет дальше? Как доберется она до Иркутска и зачем туда едет? Она слышала тревожные толки в вагоне, но не выказала ни удивления, ни испуга; следовательно, ей уже было заранее известно о восстании. Причины, побуждающие ее к путешествию, вероятно, очень важны, если заставили ее решиться на этот путь, зная, с какими опасностями он сопряжен. Но при всем ее мужестве она едва ли достигнет цели своей поездки — препятствия и утомление наверно сломят ее».

Занятый своими мыслями, Строгов машинально двигался вперед, пока усталость не дала себя почувствовать. Он присел на скамейку возле одного из деревянных барачков, выстроенных на месте торгового. Вдруг чья-то рука, опустившаяся на его плечо, заставила его вздрогнуть.

— Что вы тут подделываете, барин, — раздался возле него грубый голос, и герой наш, подняв голову, различил в нескольких шагах от себя какую-то высокую фигуру.

— Отдыхаю, — отвечал он.

— Что же, вы и ночевать тут хотите? — продолжал свои расспросы незнакомец.

— Может быть, — возразил Строгов с оттенком нетерпения.

— Дайте-ка взглянуть на себя, — продолжал неотвязчивый собеседник.

— Это совершенно лишнее, — спокойно сказал фельдшер и из предосторожности отступил на несколько шагов.

Теперь он разглядел незнакомца: это был, очевидно, цыган, которых так много на всех ярмарках. Возле барака стояла одна из тех повозок, какие служат этим кочевникам для переездов. Дальнейший разговор бы прерван появлением женщины, которая высунулась из дверей барака и крикнула по-цыгански:

— Оставь его, это, наверное, шпион. Иди скорее, ужин на столе!

— Твоя правда, Сангарра, — отвечал цыган, — притом мы все равно завтра уедем.

— Завтра? — воскликнула та с удивлением.

— Конечно, — продолжал ее собеседник, входя в барак и запирая за собой дверь. — Ты сама знаешь, куда мы едем и кто нас посылает!

Строгов, знавший цыганское наречие, понял их разговор, но не придал ему особенного значения и скоро о нем позабыл.

Вернувшись к себе в номер, он лег в постель и скоро уснул. Наутро, напившись чаю, он заплатил по счету и вышел, намереваясь позавтракать где-нибудь поближе к пристани. Уверившись, что пароход «Кавказ» отчалит ровно в полдень, он пошел, как и вчера, бродить по городу. Перейдя понтонный мост, соединяющий город с левым берегом Волги, он очутился недалеко от того места, где ночью встретился с цыганами.

Тут начинаются ярмарочные постройки, состоящие из деревянных зданий, разделенных широкими изгородями. Каждый род торговли занимал отдельный квартал: там были деревянные, железные, мясные, рыбные, пушные, мануфактурные ряды. Среди лавок толпилась масса народу, осматривая, выбирая, прицениваясь к разнообразным товарам, предлагаемым торгующими. Тут можно было встретить представителей всех наций, как европейских, так и азиатских. Шум и суматоха еще увеличивались барабанным боем и духовой музыкой, которые неслись из балаганов, где непрерывно давали представления фокусники, акробаты и укротители зверей.

Между зрителями, наблюдавшими это интересное зрелище, оказались и знакомые уже нам корреспонденты, господа Блэнт и Жоливе. Встретившись, они несколько не были удивлены, но обменялись холодными поклонами и не вступали в разговор. Их мнения о Нижнем Новгороде совершенно расходились: француз

посчастливилось найти порядочный номер и недурной обед, поэтому он отозвался о Нижнем весьма благосклонно, тогда как Блэнт, которому не удалось нигде найти пристанища, собирался разгромить в своей газете город, где путешественники были лишены самого необходимого комфорта.

Посторонний наблюдатель легко мог бы видеть, что на этот раз, несмотря на видимое оживление, в среде торговцев было заметно беспокойство. Волнения в Средней Азии очень невыгодно отразились на торговле теми товарами, которые привозились оттуда.

Был еще и другой признак, указывавший, что не все обстоит благополучно, это — полное отсутствие солдат, которые в ожидании внезапной тревоги были все собраны в казармах.

Вдруг в толпе разнесся слух, что генерал-губернатор получил очень важную депешу из Москвы и немедленно потребовал к себе полицмейстера. Строгов стал прислушиваться к ходившим в толпе толкам о том, что, пожалуй, закроют ярмарку, когда полицмейстер вдруг показался на подъезде губернаторского дома с какой-то бумагой в руке и громко прочел следующее:

«Приказ нижегородского генерал-губернатора:

1) Всем русским подданным воспрещается выезжать из губернии под каким бы то ни было предлогом;

2) Всем инородцам предписывается выехать из пределов ее через двадцать четыре часа».

ГЛАВА VI

БРАТ И СЕСТРА

Эти меры, несмотря на их неудобства для частных лиц, были вызваны необходимостью: они имели в виду если не предупредить, то хотя бы затруднить выезд Огарева из пределов Европейской России, и таким образом лишить Феофар-Хана самого опасного его пособника. Вместе с тем второй пункт приказа изгонял всех прибывших из Центральной Азии торговцев, равно как и цыган и прочих бродяг, которые принадлежали к монгольским народностям и потому легко могли оказаться шпионами.

Начались поспешные сборы: балаганы ломали, холст, натянутый над лавками, складывали и убирали в наскоро запряженные фургоны. Полицейские строго следили за исполнением указа и торопили тех, кто медлил.

Михаил Строгов, выслушав чтение указа, вспомнил загадочные слова цыгана, с которым встретился ночью: «Ты сама знаешь, — сказал тот позвавшей его женщине, — куда мы должны ехать и кто нас посылает». Слова эти как будто указывали на то, что принятая правительством мера была заранее известна этим кочевникам и, по-видимому, оказывалась им на руку. Внезапно молодого человека осенила другая мысль, заставившая его забыть все остальное: он вспомнил свою молодую спутницу и невольно воскликнул:

— Бедное дитя! Теперь уж ей ни за что не удастся перейти границу.

Строгов стал раздумывать, не может ли он оказать ей какую-нибудь помощь. Цель путешествия обоих была одна и та же. и на пути в Пермь они, по всем вероятностям, должны были встретиться. Желая оказать беззащитной девушке услугу, фельдшер в то же время сообразил, что и она может быть ему полезна как спутница, так как присутствие ее рассеет всякие сомнения в тождестве его с купцом Корпановым, каковым он значился в паспорте. Поэтому он твердо решил отыскать ее во что бы то ни стало, употребив на эти розыски те два часа, которые еще оставались до отплытия парохода. Он осмотрел все улицы, заглянул в церкви, но нигде не нашел молодой рижанки. Измученный поисками и почти потеряв надежду на успех, он зашел в канцелярию полицмейстера, чтобы предъявить свой паспорт. Хотя ему был разрешен свободный проезд всюду, но лучше было заранее удостовериться, что никаких препятствий не возникнет. В приемной полицмейстера оказалось громадное скопление народа. С помощью сунутого сторожу рубля нашему герою удалось проникнуть в канцелярию. Вставши в очередь, он огляделся и вдруг увидел ту, которую так долго и безуспешно разыскивал. Молодая девушка сидела в стороне на скамейке, и ее поза выражала немое отчаяние. Очевидно, она пришла сюда, чтобы показать свой паспорт, еще не зная ничего об изданном указе, но так как никаких исключений не допускалось, то ей было отказано в пропуске. Подняв голову, молодая девушка вдруг увидела подходившего к ней Строгова, и ее лицо озарилось слабой надеждой. Она встала ему навстречу и уже готова была просить его о помощи, как вдруг его отозвал один из сторожей, сообщив, что его требует полицмейстер. Он должен был удалиться, к безграничному отчаянию девушки, терявшей в его лице последнюю надежду. Однако через несколько минут Строгов вышел из кабинета полицмейстера и направился прямо к ней.

— Сестра, — сказал он, — поедem, мы можем беспрепятственно продолжать дорогу.

Она поняла все и, протянув своему спутнику руку, молча последовала за ним.

ГЛАВА VII

ВНИЗ ПО ВОЛГЕ

«Кавказ» собирался отчаливать. Пары были разведены, и пассажиры спешили занять свои места, прежде чем раздастся свисток и мостки будут сняты. Далеко не всем желавшим уехать удалось пробраться на пароход: многочисленный наряд полиции наблюдал за порядком и пропуск был безжалостно прегражден тем из путешественников, которые не удовлетворяли условиям только что изданного указа. На палубе в числе прочих отъезжающих стояли Михаил Строгов и молодая рижанка. Их пропустили беспрепятственно, так как в его бумагах значилось, что Николай Корпанов может совершать свое путешествие по Сибири в сопровождении одного или двух лиц; при этих условиях присутствие его сестры было вполне законно. Пароход медленно отвалил от пристани и двинулся вниз по реке. Переезд от Нижнего Новгорода до Казани совершался довольно быстро, ввиду того что плыть приходится по течению. Доходя немного ниже Казани, до устья Камы, пароход направляется вверх по этой реке и на все путешествие до Перми употребляет приблизительно около двух с половиною суток. «Кавказ», принадлежавший к одним из лучших пароходов компании, был переполнен пассажирами. Тут попадались китайцы в своих национальных костюмах, армяне, евреи, индусы, турки, татары — словом, большая часть азиатских торговцев, спешивших выбраться из Нижнего Новгорода со своими товарами, которыми были нагружены люк и нижняя палуба парохода. На корме помещались пассажиры третьего класса, крестьяне, которым проезд в другие горда не был воспрещен. Навстречу «Кавказу» попадались другие пароходы, тащившие на буксире баржи, и тянулись нескончаемые плоты. По берегам виднелись то засеянные поля, то небольшие рощицы, перерезанные оврагами. Строгов, занявший для себя и своей спутницы две каюты первого класса, сидел на палубе рядом с нею, но избегал расспросов, боясь быть нескромным. «Она сама расскажет мне все, что найдет нужным», — думалось ему. После отплытия

парохода молодая девушка несколько минут сидела молча; потом она обратилась к Строгову с вопросом:

— Ведь вы едете в Иркутск?

— Да, — отвечал молодой человек. — Будьте спокойны, вы проедете всюду, где только проеду я. Но в качестве брата и сестры, — прибавил он с улыбкой, — мы должны быть на «ты» и называть друг друга по имени.

— Я согласна, — отвечала молодая девушка. — Меня зовут Надей; завтра я расскажу тебе, зачем еду так далеко, но теперь не спрашивай меня: я очень утомилась и слишком много выстрадала за эти дни.

— Я не любопытен, — сказал фельдгегерь, — и не стану надоедать тебе расспросами, а теперь я советовал бы тебе пойти отдохнуть в свою каюту.

Когда молодая девушка удалилась, Строгов подошел к одной из групп пассажиров в надежде услышать что-нибудь интересное. Негодование изгнанных азиатских купцов было понятно: они не успели еще отдохнуть от своего долгого путешествия и теперь, благодаря закрытию ярмарки, потерпели большие убытки; несмотря на это, никто из них не решался высказывать вслух свое неудовольствие, опасаясь шпионов, и нашему герою так бы не удалось ничего узнать, если бы он не услышал вдруг беседу двух пассажиров, разговаривавших очень громко и, по-видимому, без всякого стеснения. Оба говорили по-русски, но с иностранным акцентом.

— Как, милейший коллега! — воскликнул первый. — Вас ли я вижу? Признаюсь, я никак не ожидал, что вы меня сопровождаете.

— Я вовсе не сопровождаю вас, — невозмутимо отвечал его собеседник, — я вам предшествую.

— Гм, это немного сильно сказано! Предположим, что мы идем одинаковым аллюром и, вероятно, не обгоним один другого.

— Напротив, — все также флегматично возразил англичанин, — я как раз намерен вас обогнать.

— Увидим, — сказал Жоливе, — впереди у нас еще довольно времени и поводов быть соперниками.

— Вы хотите сказать, врагами, — поправил его собеседник.

— Ну, будь по-вашему! Вы, милейший господин Блэнт, очевидно, любите точность в выражениях, а поэтому позвольте и мне точнее определить наши взаимные отношения.

— Говорите.

— Ведь вы едете в Пермь, не так ли? А оттуда, вероятно, в Екатеринбург?

— Вероятно.

— Как только мы переедем границу Сибири, каждый из нас может сам для себя стараться, но до тех пор нам выгоднее быть союзниками. Итак, вашу руку!

Англичанин протянул своему спутнику два пальца, которые тот с живостью пожал.

— Кстати, — ядовито заметил Жоливе, — я сегодня в десять часов семнадцать минут утра уже сообщил по телеграфу моей кухне текст указа.

— Я тоже телеграфировал «Ежедневному Телеграфу», только четырьмя минутами раньше вашего.

— С чем вас и поздравляю, господин Блэнт.

— Очень вам благодарен, — сухо ответил англичанин, и оба корреспондента обменялись насмешливыми поклонами.

За обедом они уселись рядом и как ни в чем не бывало распили бутылку шампанского местного производства.

Строгов, который слышал приведенный выше разговор, решил из предосторожности держаться подальше от болтливых журналистов.

Названная сестра его не вышла к обеду: она спала у себя в каюте, и Строгов не велел будить ее.

День стоял очень жаркий, и потому, когда настали сумерки, все пассажиры оживились. Никому не хотелось сидеть в душной каюте, и, расположившись на палубе, все наслаждались вечерней прохладой. После двенадцати часов, когда немного стемнело, большинство путешественников улеглись спать. Только Строгов, которого какое-то тяжелое предчувствие лишало сна, остался бродить вдоль палубы, слабо освещенной двумя фонарями, красным и зеленым, укрепленными наверху на мачтах. На корме парохода, где помещался третий класс, неприхотливые пассажиры спали не только на скамейках, но и прямо на полу, подложив под голову свои узлы. Фельдгегерь осторожно пробирался вперед, стараясь не задеть спящих, и уже хотел подняться на верхнюю палубу, как вдруг услышал возле себя голоса, заставившие его остановиться.

Говорили они на том самом цыганском наречии, которое наш герой уже слышал в Нижнем Новгороде, бродя ночью по ярмарке. Он без труда узнал по голосам мужчину и женщину, с которыми тогда встретился.

— Говорят, что из Москвы в Иркутск послан курьер, — сказал женский голос.

— Пусть их говорят, — возразил мужчина, — но этот курьер либо опоздает, либо вовсе не доедет!

Строгов невольно вздрогнул при этих угрожающих словах. «Кому же, — думал он, — известен мой отъезд и кто им интересуется?»

ГЛАВА VIII

ВВЕРХ ПО КАМЕ

На другой день, 18-го июля, часов в шесть утра, «Кавказ» подошел к казанской пристани. Самый город Казань отстоит от пристани на семь верст и находится при впадении Казанки в Волгу.

Как только «Кавказ» причалил, все пассажиры, как вновь прибывшие, так и сходящие на берег, подверглись тщательному осмотру полиции.

Строгов стоял на палубе, наблюдая за толпой, — он решил не выходить на берег, так как до города было довольно далеко, и он не хотел оставлять свою названую сестру одну на пароходе. Что касается обоих журналистов, то они поднялись с зарей и поспешили сойти на пристань и вмешаться в толпу, чтобы прислушаться к народным толкам.

По словам вновь прибывших пассажиров, волнения в Туркестане приняли угрожающие размеры и сообщение стало чрезвычайно затруднительно.

Строгов был очень встревожен этими известиями и собирался расспросить кого-нибудь подробнее, как вдруг его внимание было привлечено несколькими пассажирами, покидавшими пароход. Он тотчас узнал уже знакомых ему цыган. Их было человек двадцать, и предводительствовали ими те самые старик и женщина, которые сочли его за шпиона. Одежда старого цыгана состояла из каких-то лохмотьев, а шляпа его, совершенно выцветшая от солнца, была нахлобучена на самый лоб, как будто для того, чтобы скрыть его лицо. Рядом с ним стояла женщина, которую он называл Сангаррой; это была красивая брюнетка, с правильными чертами лица и огненными глазами. Проходя мимо Строгова, она словно нарочно замедлила шаги и взглянула на него так пристально, как будто хотела навсегда запечатлеть в своей памяти его образ. Этот взгляд смутил молодого человека.

«Неужели она узнала меня? — подумал он. — Нет ничего удивительного, если да; хотя было темно, но у этих цыганок настоящие кошачьи глаза».

Он уже хотел сойти на берег, чтобы проследить, куда направится табор, но сообразил, что может этим выдать себя. Притом цыгане, сойдя здесь, должны были направиться на Ишим более краткой, но менее удобной дорогой, чем та, по которой решил ехать Строгов и которая шла на Пермь, Екатеринбург и Тюмень, следовательно, он, по всему вероятию, должен был переехать Сибирскую границу прежде них.

Пароход останавливался в Казани очень ненадолго, только чтобы запастись топливом, и в семь часов утра был дан звонок к отплытию.

Между пассажирами наш герой заметил только одного Блэнта, его коллега, очевидно, опоздал.

Действительно, в ту минуту, когда пароход отвалил от пристани, на берегу показался Жоливе, бегущий со всех ног; достигнув пристани, он не обратил внимания на то, что мостики уже убраны и одним ловким прыжком очутился на палубе.

— А я уже думал, что мы без вас уедем, — кисло заметил англичанин.

— Не беда, — возразил тот, — я бы вас все равно догнал или в лодке, или на почтовых, какие бы деньги ни пришлось заплатить за это. Не удивляйтесь, что я опоздал — ведь от пристани до телеграфа не близко.

— А, вы были на телеграфе?

— Да, — с притворным равнодушием заметил француз, — я послал моей кузине телеграмму о том, что Феофар-Хан во главе своего войска уже достиг Семипалатинска и намерен двинуться вниз по Иртышу. Видите, как я любезен: я сейчас же сообщая вам все, что сам узнал.

Блэнт был глубоко оскорблен тем, что позволил себя перехитрить; он повернулся к своему собеседнику спиной и пересел на другую сторону парохода.

Часов в десять утра на палубу вышла Надя.

Строгов подошел к ней и, взяв молодую девушку под руку, предложил ей пройти на нос парохода, откуда можно было любоваться чудной панорамой.

Пароход приближался к устью Камы, и перед глазами путешественников с обеих сторон возвышались ее живописные крутые берега, заросшие густым хвойным и лиственным лесом, синеватая линия которого на горизонте сливалась с небом.

Несмотря на красоту окружавшей ее природы, молодая девушка осталась равнодушна; мысли ее были заняты другим — она думала о том, как бы поскорее достигнуть цели своего путешествия.

— Далеко ли мы от Москвы? — спросила она.

— За девятьсот верст, — отвечал Строгов.

— Боже мой! Только девятьсот, а всего надо проехать семь тысяч! — печально воскликнула Надя.

Приближалось время завтрака, и Строгов предложил своей спутнице закусить. Завтрак их был очень скромен и продолжался недолго. Когда они снова поднялись на палубу и заняли места в стороне от прочей публики, Надя рассказала молодому фельдшеру свою печальную повесть.

Отец ее, доктор Василий Федоров, жил в Риге, где имел хорошую практику и пользовался общим уважением. Однако нашлись недоброжелатели, которые завидовали его популярности. По их проискам, в квартире Федорова произвели обыск, причем были найдены запрещенные книги, которые принадлежали одному его пациенту, незадолго перед тем умершему. Доктор взял их на хранение, не подозревая их содержания, но это послужило против него уликой, и оклеветавшие его враги добились того, что он был предан суду и сослан на поселение в Иркутск. Жена его не могла за ним последовать: это несчастье так поразило ее, что она тяжело заболела и спустя полтора года скончалась, оставив дочь совершенно одинокой и без всяких средств. Тогда Надя решила ехать к отцу.

Любуясь живописными берегами Камы, молодые люди в разговоре и не заметили, как настала ночь. Пароход плавно подвигался вперед; вылетающие из трубы искры ярко блестели на темном небе, и в лесах по берегу Камы время от времени слышалось протяжное завывание волков.

ГЛАВА IX

В ТАРАНТАСЕ ДНЕМ И НОЧЬЮ

На другой день наши путешественники прибыли в Пермь. Несмотря на важное экономическое значение Пермской губернии, которая изобилует мраморными ломками, золотыми и платиновыми россыпями и угольными копями, самый город Пермь в то время, к которому относится наш рассказ, имел довольно непривлекательный вид. Это особенно неприятно поразило тех путеше-

ственников, которые ехали из Сибири в Европейскую Россию и были утомлены длинным переездом и полным отсутствием комфорта во время своего путешествия по Средней Азии. От Перми дальше на восток надо было ехать на лошадях, а потому здесь путешественники обыкновенно приобретали соответствующий времени года экипаж. Так решил поступить и Строгов.

Выбор, предстоявший ему, был очень мал, так как все почти экипажи были раскуплены. Наконец ему посчастливилось найти тарантас, который он и приобрел, предварительно поторговавшись, чтобы лучше походить на купца. Надя сочувствовала ему в его поисках, потому что не менее Строгова спешила с выездом.

— Мне жаль, сестрица, — сказал молодой человек, — что я не нашел для тебя экипажа поудобнее.

— Я все перенесу! — с жаром воскликнула девушка. — Если ты от меня услышишь хоть одно слово жалобы, брось меня в дороге и поезжай один!

Ни Строгов, ни его молодая спутница не везли с собой багажа: один потому, что должен был спешить, другая потому, что не имела средств. Это отсутствие сундуков и чемоданов неприятно поразило ямщика, как доказательство того, что пассажиры небогаты.

— Ну, — проворчал он довольно громко, — с этих, видно, немного получишь!

— Не беспокойся, братец, — отвечал молодой фельдшер, — мы заплатим по гривеннику с версты, да сверх того тебе на чай, только вези нас хорошенько.

Лицо ямщика просияло; он мигом вскочил на козлы, взмахнул кнутом, и тарантас тронулся среди облака пыли. Хотя лошади бежали дружно: коренник шел рысью, тогда как пристяжные все время скакали галопом, но тарантас так и подбрасывало из стороны в сторону на неровностях дороги. Надя несколько раз очень больно ушибалась при этих неожиданных толчках, но не произнесла ни малейшей жалобы. Ее занимала одна мысль: как бы поскорее доехать.

— Если не ошибаюсь, — сказала она, — от Перми до Екатеринбурга триста верст?

— Да, — отвечал Строгов, — и тогда мы достигнем подошвы Уральского хребта. На переезде через горы мы употребим сорок восемь часов, так как я очень спешу и нигде не могу останавливаться.

— Не бойся, — возразила девушка, — я не задержу тебя ни минуты.

— При этих условиях мы доедем до Иркутска в двадцать дней.

— Как жаль, — заметила Надя, — что теперь не зима: тогда мы доехали бы гораздо скорее, не правда ли?

— Конечно, но зато как труден переезд при сильном морозе! Мне случилось три раза ездить в Омск зимой, и холод был так силен, что я чувствовал, несмотря на доху, что совершенно коченею. Шерсть лошадей покрылась инеем, а водка в моей фляге совсем замерзла. Я перенес это путешествие только благодаря тому, что сам сибиряк и с детства привык к нашему суровому климату, но мне кажется, что ты никогда бы не доехала.

— Зачем ты ездил в Омск? — прервала его Надя.

— Навестить мать.

— Вот видишь! — заметила она. — А я спешу в Иркутск, чтобы повидаться с отцом и передать ему последние слова матери. Ничто решительно не остановит меня на этом пути.

— Ты храбрая девушка, Надя, — с чувством сказал Строгов. — Дай Бог тебе успеха!

Тарантас между тем быстро подвигался вперед. На станциях наших путников не задерживали, так как они щедро платили на чай ямщикам. Остановки были самые непродолжительные: на некоторых станциях Строгов и Надя слегка закусывали тем, что можно было достать, на других они только ожидали, пока переменят лошадей. День прошел в непрерывной езде. Надя вздремнула, несмотря на ухабы, но спутник ее все время не смыкал глаз: он опасался, чтобы ямщик не уснул и не вывалил их, что при отвратительной дороге было более чем вероятно. На одной из станций они узнали, что впереди по той же дороге едут еще двое путешественников в простой телеге, но платят они щедро и требуют самых лучших лошадей.

ГЛАВА X

ГРОЗА В УРАЛЬСКИХ ГОРАХ

Уральский хребет тянется от Ледовитого океана до Каспийского моря и составляет естественную границу между Азиатской и Европейской Россией. Нашим путешественникам предстояло переехать горы по дороге из Перми в Екатеринбург, лучшей из ведущих через хребет, так что можно было рассчитывать совер-

шить этот проезд в продолжение ночи. На дурную дорогу они мало обращали внимания, но удушливая жара и отдаленные раскаты грома заставляли опасаться грозы.

— В котором часу мы доедем до перевала? — спросил Строгов у ямщика.

— Часу в первом ночи, — отвечал тот, — да еще кто знает, доедем ли.

— Полно, братец, трусить, ведь ты, верно, не в первый раз встречаешь грозу в горах.

— Правда, что не в первый, — возразил ямщик, — а все-таки напрасно вы, барин, поехали.

— Было бы еще хуже, если бы я остался, — коротко ответил фельдъегерь.

Ямщик понял, что возражения не помогут, и стегнул лошадей. Вдруг яркая молния прорезала тучи, и над самой головой путников раздался такой оглушительный удар грома, что лошади разом остановились. Строгов схватил за руку свою спутницу.

— Будь готова ко всему, Надя, — проговорил он, — гроза начинается.

— Я не боюсь, брат, — твердо отвечала девушка.

Соскочивший с козел ямщик схватил под уздцы лошадей, которые пятились и вставали на дыбы, так что тарантас рисковал опрокинуться в пропасть, зиявшую влево от дороги. Как ни старался несчастный ямщик, он не мог справиться с обезумевшими животными, пока Строгов сам не поспешил ему на помощь и не сдержал лошадей, благодаря своей необыкновенной силе. Вдруг они услышали сверху какой-то шум и, подняв голову, заметили несколько громадных камней и вырванных с корнем стволов, которые медленно сползали по откосу и угрожали раздавить путешественников.

— Здесь нам нельзя оставаться, — заметил Строгов.

— Где уж тут оставаться, — воскликнул перепуганный ямщик, — того и гляди, что угодим на самое дно пропасти!

— Держи под уздцы правую пристяжку, — приказал ему фельдъегерь, — а я возьму левую!

Новый порыв урагана чуть не сшиб с ног обоих, а тарантас, несмотря на все их усилия, сдвинулся с места и непременно скатился бы в пропасть, если бы его не задержал ствол дерева, лежавший на краю дороги. Надя выглянула из тарантаса: она была бледна, но совершенно спокойна.

— Не вернуться ли нам, барин? — спросил ямщик.

— Ни под каким видом! Когда мы перевалим через вершину, мы будем защищены скалами.

— Да что тут поделаешь с лошадьми, они не идут вперед! — пробовал возразить ямщик.

— Не рассуждай и едем дальше, я должен продолжать путь, потому что этого сам царь требует! — воскликнул Строгов, в первый раз упомянув имя государя.

— Эй, голубчики, вперед! — крикнул ямщик, и лошади двинулись.

Строгов и ямщик шли по сторонам, ведя под уздцы пристяжных. Порывы ветра несколько раз сшибали их с ног и, наверное, сорвали бы с тарантаса верх, если бы он не был так крепко привязан. Подъем продолжался с лишком два часа и приближался уже к концу, как вдруг целый град камней посыпался сверху, и испуганные путешественники разглядели несколько стволов, скользящих по откосу прямо над их головами. Строгов хлестнул лошадей, но они не двинулись с места. Опасность придавала ему нечеловеческую силу: он уперся руками в оглобли и сдвинул тарантас на несколько шагов назад. Огромная каменная глыба прокатилась шагах в двух вперед и едва не задела молодого человека.

— Брат! — закричала перепутанная Надя.

— Не бойся, — отвечал он, — с Божьей помощью мы проедем благополучно.

— Я не за себя боюсь, — с чувством сказала девушка, — и, видно, Бог мне помогает, что послал тебя на моем пути.

С трудом протавившись еще сажень двадцать, путешественники достигли места, где скалы образовали углубление, защищенное от порывов ветра. Тут экипаж был в сравнительной безопасности, хотя налетавший ураган по временам ударял его о скалу так сильно, что он угрожал сломаться. Строгов посоветовал Наде выйти и укрыться от непогоды в углублении скалы, представлявшем род пещеры. В это время полил сильнейший дождь и продолжать дорогу стало невыносимо.

— Буря так сильна, — сказал он своей молодой спутнице, — что, верно, не будет продолжительна. Часа в три станет светать, и нам легче будет спускаться.

Надя не успела ответить; раздался оглушительный удар, в воздухе распространился удушливый запах серы, и молния ударила прямо в сосну, стоявшую шагах в двадцати от тарантаса. Огромное дерево вспыхнуло, как лучина. Ямщик, оглушенный ударом, упал на землю, но, к счастью, остался невредим. Раскаты

грома начали постепенно стихать, как вдруг Надя схватила своего спутника за руку и с испугом прошептала:

— Брат, я слышу крики! Кто-то зовет на помощь!

ГЛАВА XI

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В НЕСЧАСТЬЕ

Через несколько минут они явственно услышали крики, доносившиеся с дороги, недалеко от того места, где приютился тарантас.

— Наверное, это путешественники, с которыми случилось какое-нибудь несчастье! — воскликнула Надя.

— Нам дай Бог из своей беды выпутаться: на нас пусть они не рассчитывают! — заметил ямщик.

— Отчего же нет! — возразил Строгов. — Я пойду посмотреть, нельзя ли им помочь.

— И я с тобой, — сказала Надя.

— Нет, сестрица, лучше останься здесь и не отходи от тарантаса.

— Будь спокоен, — отвечала девушка.

— Напрасно ваш братец туда пошел, барышня, — заметил Наде ямщик, когда Строгов исчез за поворотом дороги.

— Нет, он прав, может быть, нам удастся им помочь, — отвечала она спокойно.

Молодой фельдшер быстро шел вперед. Он от души желал принести пользу пострадавшим путникам, а в то же время его интересовало, кто это рискнул в такую непогоду предпринять путешествие по горам. Дождь прекратился, но ветер завывал по-прежнему. Порывы его были так сильны, что нашему герою стоило большого труда удержаться на ногах. Выступы скал мешали ему видеть тех, кто взывал о помощи, но, по-видимому, они были близко, потому что до его слуха скоро донесся следующий разговор:

— Держи их, держи! И что у вас за экипажи! Пускаться в дорогу с такой рухлядью. Да за это на тебя стоит подать жалобу, мерзавец!

Путешественник, выражавший таким образом свое негодование, был неожиданно прерван громким хохотом своего спутника, который, покатываясь со смеху, проговорил:

— Нет, как хотите, а это уж чересчур комично!

— Не понимаю, чему тут смеяться, — проворчал первый голос.

— Да посудите сами, милейший, — отвечал второй, — что же нам больше остается делать! Я уверен, что нигде в мире с нами не случилось бы подобной истории!

— Уж конечно, не в Англии; за это я могу поручиться, — сердито возразил первый голос.

В эту минуту Строгов, миновав последний поворот дороги, очутился шагах в двадцати от говоривших. При свете молнии он разглядел заднюю часть телеги, глубоко завязшую в грязи, и сидящих в этом оригинальном экипаже двух мужчин, в которых тотчас же узнал ехавших с ним на пароходе иностранных корреспондентов.

— Ах как это кстати! — воскликнул при его появлении француз. — Здравствуйте, и позвольте представить вам моего коллегу и в то же время соперника, господина Блэнта.

Англичанин чопорно поклонился и хотел в свою очередь представить своего товарища Альсида Жоливе, когда Строгов прервал его словами:

— Это излишне, господа, мы уже знакомы, так как ехали по Волге вместе.

— Ах да, — тотчас припомнил француз. — Позвольте узнать, с кем имею удовольствие?..

— Иркутский купец Николай Корпанов, — был ответ. — Расскажите же мне, что такое с вами случилось и почему один из вас негодует, а другой смеется?

— Посудите сами, господин Корпанов, — затараторил Жоливе, — у нашей телеги соскочил шкворень, лошади усакакали вместе с передними колесами, ямщик побежал догонять их, но еще неизвестно, удастся ли их настичь, а задний ход увяз в грязи и мы с ним. Неужели это не смешно?

— Совсе не смешно, — возразил Блэнт. — Как, по-вашему, мы будем продолжать путь?

— Ничего нет проще, — заметил веселый француз, — вас мы запряжем вместо лошади, а я возьму вожжи и буду вас понукать, как истый ямщик. Посмотрим, как вы тогда побежите.

— Послушайте, господин Жоливе, — перебил рассерженный англичанин, — такие шутки не в моем вкусе.

— Ну-ну, успокойтесь, коллега. Когда вы устанете, я вас сменю, и тогда вы можете не только давать мне бранные эпитеты, но в случае надобности и стегать кнутом.

Слушая этот диалог, Строгов не мог удержаться от улыбки.

— Господа, — сказал он, — я могу вам предложить более удобный способ: мой экипаж стоит недалеко отсюда, у ямщика найдутся запасные колеса, ось он вам также устроит, я вам дам одну из моих лошадей, которую можно будет запрячь в вашу телегу, и я надеюсь, что завтра мы все в одно время приедем в Екатеринбург. К сожалению, я не могу вам предложить сесть в мой тарантас: в нем только два места, а со мною едет моя сестра.

— Мы просто не знаем, как вас благодарить за вашу любезность, — сказал Жоливе.

Англичанин также пробормотал что-то в знак благодарности. Строгов предложил обоим журналистам следовать за ним и оставить свою телегу до возвращения ямщика, который, как и следовало ожидать, явился без лошадей. Дорогой Жоливе без умолку болтал.

— Вы оказали нам большую услугу, господин Корпанов, — сказал он. — Будьте уверены, что при случае мы постараемся отплатить вам тем же, если нам придется еще раз встретиться в степях Туркестана.

Не желая показать, что он скрывает цель своего путешествия, Строгов сообщил корреспондентам, что едет в Омск, и, в свою очередь, спросил их, неужели они отважатся проникнуть в ту область, которая охвачена мятежом.

— Признаться, нам было интересно попасть туда, где можно узнать свежие новости, — заметил француз, — но куда мы затем направимся, мы еще сами не решили, вероятно, в Ишим.

— В таком случае, господа, мы можем до Ишима ехать вместе, — предложил фельдъегерь.

Он предпочел бы продолжать путь один, но явное желание отделаться от попутчиков могло показаться подозрительным. «К тому же, — думал он, — они, верно, остановятся в Ишиме, и тогда я от них избавлюсь» Разговор зашел о татарском нашествии.

— Я слышал в Перми, — сказал француз, — что Феофар-Хан с своими полчищами занял Семипалатинскую область и спускается вниз по Иртышу, а потому спешите, чтобы попасть в Омск раньше него. Говорят еще, что Огареву удалось перейти границу, переодевшись цыганом, и что он направил свой путь из Казани на Екатеринбург.

— Как, вы это знали? — воскликнул задетый за живое Блэнт

— Да, — отвечал Жоливе, — и я поспешил сообщить эту новость моей кузине.

— Как видно, вы не теряли времени в Казани.

— Конечно, нет, — засмеялся француз, — пока наш пароход запасался топливом, я запасался новостями.

На эти препирательства журналистов Строгов не обращал внимания, так его поразили слова француз, что Огарев был наряжен цыганом; он тотчас припомнил свою встречу со старым бродягой в Нижнем, свое путешествие по Волге и высадку табора в Казани. Вдруг невдалеке раздался выстрел. Все трое бросились к тому месту, откуда он донесся. Загоревшаяся от молнии сосна ярко освещала углубление в скалах, где Надя осталась дожидаться своего названного брата, но не успели Строгов и оба корреспондента подойти поближе, как раздался вторичный выстрел. Строгов бросился вперед и увидел прямо перед собою огромного медведя. Очевидно, непогода заставила животное укрыться именно там, где был спрятан тарантас. Обе пристяжные вырвались из рук ямщика, который бросился за ними, а экипаж остался без присмотра. Надя при виде опасности не потеряла голову; она подбежала к тарантасу, схватила один из заряженных револьверов Строгова и выстрелила в медведя в упор. Животное, слегка раненное в плечо, направилось прямо к девушке; еще минута — и она погибла бы; но даже в это мгновение мужество ей не изменило, и она выстрелила в медведя вторично. В ту же минуту подоспел Строгов; он выхватил охотничий нож и одним ловким ударом уложил медведя на месте.

— Сестра, ты не ранена? — был первый вопрос, с которым фельдгегерь обратился к молодой девушке.

Она поспешила его успокоить. В это время оба журналиста, бывшие свидетелями ловкого удара Строгова, подошли и почтительно поклонились Наде.

— Однако, господин Корпанов, — заметил Жоливе, — для простого купца вы очень недурно владеете оружием!

— Такова уж сибирская жизнь, господа, — отвечал фельдгегерь, — здесь всему научишься!

Разговор был прерван появлением ямщика, которому удалось поймать и привести обеих пристяжных. Пока он запрягал, француз шепнул своему коллеге:

— Сестра, как видно, под пару братцу, оба они не из робкого десятка.

Екатеринбург представляет весьма значительный промышленный центр, где сосредоточено управление заводами всего Уральского края. Население его довольно многолюдно, а в то время, о котором мы повествуем, оно еще увеличилось, так как город был переполнен беглецами из Туркестана и киргизских степей. Отсюда дорога шла на Тюмень и Ишим; сначала приходилось проезжать гористую местность, по которой проходят отроги Уральского хребта, далее тянутся на сто семьдесят верст, до самого Красноярска, бесконечные степи. Строгов предупредил своих спутников, что не будет нигде останавливаться, так как они с сестрой спешат в Омск, где находится их мать. Корреспонденты ответили, что также не желают мешкать. Жоливе скоро подыскал для себя и своего товарища хороший тарантас, и ровно в полдень оба экипажа выехали из Екатеринбурга.

Надя осматривалась по сторонам с любопытством и сильным волнением: наконец-то она в Сибири, в той стране, где отец ее осужден жить вдали от родных мест! Несмотря на поглощавшую ее мысль о свидании с отцом, Надя зачастую думала о своем спутнике. Она припоминала все подробности своей встречи со Строговым — этой встречи, которая оказалась для нее такой счастливой. Она благодарила Бога за то, что Он послал ей спутника, к которому она сразу почувствовала такое доверие, как если бы он действительно был ее братом. Молодая девушка чувствовала, что с ним ей не страшны никакие препятствия, и твердо верила, что теперь ей удастся достигнуть заветной цели. Строгов, в свою очередь, размышлял о своем неожиданном приключении. Он тоже был благодарен Провидению, которое дало ему возможность встретить Надю: взяв ее под свое покровительство, он мог сам избежать подозрений и в то же время сделать доброе дело. Мысль о том, что теперь он достиг Сибири, сильно озабочивала молодого фельдгегеря: здесь он подвергался гораздо большим опасностям, чем в Европейской России, особенно если слух о том, что Огарев перебрался через границу, оказывался верным. Откройся только, что он царский курьер, — и успех возложенного на него поручения погиб, а вместе с тем и он сам.

Если Строгов и Надя были погружены каждый в свои мысли, то и в другом тарантасе разговор нельзя было назвать оживлен-

ным. Каждый из корреспондентов делал краткие заметки о своем путешествии, которое было весьма однообразно.

Местность, по которой проезжали наши путники, была пустынна: многие селения были покинуты жителями, спешившими перебраться со своими стадами и прочим имуществом в более безопасные места. Некоторые киргизские племена, которые не принимали участия в восстании, тоже перенесли свои кибитки за Иртыш и за Обь. Во всех городах, через которые Строгову и его спутникам приходилось проезжать, почтовое и телеграфное сообщение производилось еще без помехи; это обстоятельство было очень по душе обоим журналистам, которые спешили передавать куда нужно полученные ими сведения.

Строгов был очень доволен, что путешествие его совершается без препятствий; он надеялся, что при таких благоприятных условиях ему удастся скоро доехать до Иркутска. 22 июля к ночи наши герои прибыли в Тюмень. Этот город, известный своими литейным и колокольным заводами, представлял тогда необычайное оживление, и тут вновь прибывшие узнали много интересных новостей: говорили, между прочим, что войска Феофар-Хана подошли к Ишиму и что к нему скоро примкнет, если не примкнул уже, Иван Огарев. Войска были вызваны из Европейской России, но за дальностью расстояния не успели прибыть, только казацкие полки Тобольской губернии рассчитывали дойти до Тюмени и пересечь Тобол на пароме. Благодаря спокойному течению, эта переправа, далеко не единственная на всем пути, совершилась благополучно. На другой день к вечеру, верст за тридцать не доезжая Ишима, Строгов настиг чей-то экипаж. У него тотчас блеснула мысль, что необходимо обогнать эту тройку, иначе они могут не достать лошадей на почтовой станции. Когда он поравнялся с чужим тарантасом, оттуда выглянула чья-то голова и послышался голос:

— Стой!

Но никто из наших героев не обратил внимания на этот возглас, и лошади продолжали бежать вперегонку. Через несколько минут измученная тройка незнакомого путешественника начала отставать и скоро осталась далеко позади. Часов в восемь вечера Строгов с Надей и оба корреспондента прибыли в Ишим и остановились у почтовой станции. Сведения, которые ожидали здесь наших путников, были самые неутешительные: бухарцы подошли уже к городу, вследствие чего власти перенесли в Тобольск. Строгов немедленно спросил лошадей, что, не перегони он тарантаса, ему не на чем было бы ехать,

так как в распоряжении зрителя оставалась всего одна тройка. Пока запрягали, фельдгегерь попроцался с обоими журналистами, которые решили остановиться в Ишине. Они дружески пожали руку своему спутнику, который так любезно помог им выпутаться из беды, и выразили надежду встретиться с ним в Омске. В эту минуту дверь отворилась, и на пороге показался тот самый незнакомец, которого они перегнали. На вид ему было лет сорок; он был высокого роста, крепко сложен и имел военную выправку. На боку у него была кавалерийская шашка, а в руках хлыст.

— Лошадей! — проговорил он отрывисто и повелительно.

— Свободных лошадей не осталось, — заметил зритель.

— Откуда же взялись те, что запряжены в тарантас?

— Их уже взял вот тот господин, — отвечал зритель, указывая на Строгова.

— Взор! — закричал незнакомец. — Отпрягайте их! Живо! Мне некогда дожидаться.

— Мне тоже некогда, — спокойно произнес фельдгегерь.

Надя, которую эта сцена очень взволновала, подошла к брату.

— Что же, вы не слышите? — продолжал путешественник, обращаясь к зрителю. — Отпрягите лошадей и давайте их мне.

— Лошади останутся при том экипаже, в который запряжены, — сказал Строгов.

Он сдерживался, чтобы не вызвать неприятностей, которые могли затормозить отъезд. Незнакомец подошел к нему вплотную и грубым тоном проговорил:

— Так вот как! Вы отказываетесь уступить мне лошадей?

— Да, отказываюсь, — был ответ.

— Хорошо! — воскликнул незнакомец. — Если так, то они достанутся тому из нас, кто будет в состоянии ехать дальше. Защищайтесь! — И с этими словами он обнажил шашку.

— Я драться не буду, — спокойно отвечал Строгов и скрестил руки на груди.

— Что? — воскликнул путешественник. — Вы не будете драться! Даже после этого?

И прежде чем его успели остановить, хлыст свистнул в воздухе и опустился на плечо Строгова. При этом оскорблении молодой человек побледнел как полотно и кулаки его судорожно сжались; он готов был убить на месте дерзкого незнакомца, но в голове его тотчас блеснула мысль о том, что, если он согласится драться на дуэли, это будет задержка, и тогда возложенное на него

поручение останется неисполненным. Он сделал над собой страшное усилие и сдержался.

— Трус! — проговорил с презрением незнакомец и, повернувшись к нему спиной, скомандовал: — Живо, подавайте лошадей!

Он вышел на крыльцо, а за ним последовал смотритель, который бросил на Строгова неодобрительный взгляд.

На обоих корреспондентов его поведение тоже произвело впечатление, говорившее далеко не в его пользу; они холодно раскланились с ним издали и поспешили уйти. Через несколько минут раздался топот лошадей и стук колес удалявшегося тарантаса.

Надя и Строгов остались вдвоем. Молодой человек, казалось, окаменел со сложенными на груди руками, но лицо его выражало страдание. При одном взгляде на это мужественное лицо, Надя поняла, что должны быть важные причины, которые заставили его оставить безнаказанным тяжкое оскорбление. Она взяла его за руку и ласковым, почти материнским движением отерла слезы, выступившие на его глазах.

ГЛАВА XIII

ДОЛГ ВЫШЕ ВСЕГО

Лошадей можно было достать только на следующее утро, и молодым людям поневоле пришлось переночевать на почтовой станции. Строгов всю ночь не смыкал глаз. Его преследовал образ оскорбившего его незнакомца, и он решил во что бы то ни стало узнать, кто этот человек, откуда и куда он едет. Он попробовал справиться у смотрителя, но тот ничего не мог ему сказать, и в его ответах явно сквозило пренебрежение.

На другой день утром лошади были поданы, и наши герои покинули Ишим, о котором оба сохранили тяжелое воспоминание. В течение дня им пришлось переправиться через реку Ишим, один из главных притоков Иртыша. Течение было довольно быстрое, что делало переправу на пароме гораздо затруднительнее, чем когда переезжали Тобол. От перевозчиков они узнали, что передовые отряды Феофар-Хана уже появились в южной части Тобольской губернии и между ними и русскими полками, вызванными сюда, произошло несколько стычек, которые окончились победой бухарцев. Неприятель убивал, жег и грабил все на своем пути, и местные жители, испуганные

его приближением, обратились в бегство. Услышав эти новости, Строгов стал бояться, что ему не удастся проехать через степи. В том самом месте, где они переправились через Ишим, кончилась цепь пограничных сибирских крепостей. Многие из них были уже сожжены бухарцами. Переправившись через реку, путешественники продолжали путь по той же безлюдной местности. Строгов ничего не говорил, но Надя понимала, что ему тяжело, что он думает о матери, которая жила в Омске, и обратилась к нему с вопросом, получал ли он о ней известия.

— Нет, никаких, — отвечал фельдъегерь.

— Ты заедешь к ней? — спросила молодая девушка.

— Нет, я с ней увижусь по возвращении, — отвечал он.

— А если она выехала из Омска?

— Может быть, — сказал Строгов, — я даже надеюсь, что она успела достичь Тобольска. Она хорошо знакома со здешней местностью, которую много раз проезжала с моим покойным отцом и со мной, когда я был ребенком.

— Однако, — заметила Надя, — если твоя мать еще в Омске, неужели ты не заедешь к ней?

— Нет, — отвечал дрогнувшим голосом молодой человек. — Не спрашивай меня, Надя, какие причины заставляют меня поступить так: эти причины те же самые, которые побудили перенести оскорбление, нанесенное мне тем негодяем...

Голос его прервался от волнения.

На другой день, двадцать пятого июля, молодые путешественники к рассвету успели уже отъехать от Ишима на сто двадцать верст. На почтовой станции ямщик стал отговаривать их от дальнейшей поездки, говоря, что по степи рыщут бухарские отряды, в руки которых они могут попасться, и фельдъегерю удалось его уговорить только при помощи денег. Он не хотел показывать своего паспорта, который открывал ему все дороги, боясь, что это обстоятельство обратит на него внимание. Наконец они тронулись в путь. Дорога была ровная, и к трем часам пополудни они достигли берегов Иртыша. До Омска оставалось всего верст двадцать. Иртыш, одна из главнейших рек Сибири, берет начало в Алтайских горах и, протекая по направлению к северо-западу около семи тысяч верст, впадает в Обь. Вода была в описываемое нами время очень высока, благодаря обильным дождям. Переправа производилась посредством парома, но быстрое течение очень затрудняло ее. Однако опасность не испугала Строгова и Надю, которые решили ехать дальше, невзирая ни на какие препятствия. Молодой человек предложил сестре сначала

перевезти на ту сторону тарантас с лошадьми, а потом вернуться за нею, но Надя решительно отказалась, не желая причинять задержки. Вода стояла так высоко, что паром не мог подойти к самому берегу, и потому поставить на него тарантас оказалось делом нелегким. Наконец все было улажено, и паром отчалил. Два перевозчика ловко работали, упираясь в дно реки длинными шестами, но на середине было так глубоко, что шесты оказались коротки и течением стало увлекать паром. Строгов и Надя, сидевшие в экипаже, с беспокойством следили за направлением парома. Наконец перевозчикам с большим трудом удалось держать направление наискось. При этих условиях надо было причалить не против места отплытия, а верст на пять ниже, но другого исхода не было. Вдруг наш герой заметил несколько больших лодок, наполненных гребцами; они быстро приближались к ним по течению. Не успел Строгов предупредить Надю, которая заметила на его лице беспокойство, как один из перевозчиков с ужасом закричал:

— Это бухарцы!

Перепуганные мужики едва не бросили своих шестов, и Строгову удалось убедить их бороться с течением только обещанием щедрой награды.

— Надя, — сказал он, — будь готова ко всему, даже к тому, чтобы броситься в воду в случае надобности.

— Я не отстану от тебя ни на шаг, — отвечала молодая девушка.

Лодки были от них не дальше, как шагов на сто, и теперь можно было ясно видеть, что в них сидят бухарские солдаты. Строгов сам схватил шест и стал помогать перевозчикам в надежде достичь берега и ускакать от преследователей, которые не имели лошадей, но все усилия были тщетны. Раздалось несколько выстрелов, и две лошади были убиты наповал. Первая лодка подъехала вплотную к парому, и в ту минуту, когда Строгов бросился в воду, увлекая за собой девушку, он почувствовал сильный удар копьем в плечо и на минуту потерял сознание.

Несчастные перевозчики были убиты, а Надя, несмотря на ее отчаянное сопротивление, связана и перенесена в одну из лодок. Затем бухарцы спокойно продолжали свой путь вниз по Иртышу.

Омск, один из главнейших городов Западной Сибири, разделялся в то время на два квартала: в одном помещались присутственные места и сам губернатор, другой был населен коммерсантами. Город был окружен небольшой стеной с башнями по углам, но эта защита была незначительна. Мятежники беспрестанно получали новые подкрепления, а главная их сила заключалась в том, что ими предводительствовал изменник Иван Огарев, человек очень образованный и храбрый. Мать полковника Огарева была татарка, и присутствие монгольской крови в его жилах было отчасти заметно в его характере: он отличался хитростью и беспощадной жестокостью, а потому оказывался достойным помощником Феофар-Хана. Войско Огарева, уже владевшее Омском в то время, когда Строгов переправлялся через Иртыш, спешило дальше к востоку, в Томск, где к нему должна была присоединиться остальная армия эмира. Но главный пункт, куда Огарев думал направить нападающих, был Иркутск, где находился великий князь. План изменника нам уже известен, как он был известен и императору, которого это и побудило дать Строгову такое ответственное поручение. Когда молодой фельдъегерь бросился в воду и почувствовал, что его ударили копьем, он был ошеломлен, но скоро пришел в себя и, благодаря умению плавать, достиг берега. Но едва он вышел из воды, как силы ему изменили, и он упал на землю без чувств. Когда он пришел в себя, то увидел, что лежит в избе, и разглядел наклоненное к нему лицо крестьянина, который его приютил. Строгов хотел обратиться к нему с расспросами, но тот остановил его, говоря:

— Не разговаривайте, барин, вам это вредно. Я сам вам расскажу все, что случилось и как вы сюда попали.

Оказалось, что крестьянин жил поблизости от того места, где происходила переправа, что он был свидетелем нападения бухарцев на наших путешественников и спас раненого фельдъегеря, перенеся его в свою избу. Строгов первым делом ощупал царское письмо, которое было спрятано у него на груди. Оно было цело.

«Слава Богу, не все еще потеряно», — подумал он. Но в ту же минуту другая, ужасная мысль пришла ему в голову.

— Боже мой! — воскликнул он с отчаянием. — Ведь я был не один, куда же девалась моя сестра?!

— Успокойтесь, батюшка, — отвечал крестьянин, — они барышню не убили, а только увезли ее в своей лодке вниз по Иртышу. Может быть, вам еще удастся ее найти.

Строгов был так взволнован этим известием, что несколько минут не мог говорить. Успокоившись немного, он спросил:

— Далеко ли отсюда до Омска?

— Всего пять верст, — отвечал крестьянин. — Отдохните, барин, а когда поправитесь, то поедете дальше. Хорошо еще, что разбойники вас не убили и деньги ваши целы, а рана от удара копьем скоро заживет.

— Скажи, голубчик, — продолжал фельдъегерь, — давно ли у тебя нахожусь?

— Да третий день, батюшка.

— Боже мой, — вскричал молодой человек, — три дня потеряны! Нет ли у тебя лошади и телеги? — обратился он к крестьянину.

— Нет, батюшка, ничего не осталось, дотла ограбили ока-янные татары. Да неужели вы хотите ехать? Разве это вам под силу!

— Все равно, — сказал Строгов решительно, — я ни минуты не могу медлить.

— Ну коли так, то пойдемте пешком, я вас провожу до Омска, — сказал крестьянин.

— Спасибо тебе, голубчик, за все, что ты для меня сделал, — проговорил фельдъегерь.

Едва успели они пройти несколько шагов, как молодой человек почувствовал, что слишком понадеялся на свои силы: голова его кружилась и незажившая еще рана причиняла ему сильные страдания. Несмотря на это, он решил во что бы то ни стало продолжать путь, чтобы скорее достичь Иркутска, где его тяжелая миссия будет окончена. Скоро он добрался вместе со своим провожатым до торговой части Омска, где теперь распоряжались бухарские войска. Город был на военном положении; везде видны были отряды татар, а плавные их силы расположились биваком на площади, готовые двинуться дальше по первому приказанию. Только высокая часть города, лучше укрепленная, чем торговый квартал, не была еще взята мятежниками. Избегая людных улиц, Строгов и его спутник направились к смотрителю почтовой станции, у которого, по словам мужика, можно было достать лошадей и экипаж. В одной узкой улице наши путешественники едва успели отскочить в сторону и спрятаться за выступом стены, как мимо них

проскакал отряд бухарских воинов. Во главе их ехал офицер в русском мундире. Это был Огарев. Взглянув на этого человека, Строгов побледнел от гнева: он узнал того самого путешественника, который ударил его в Ишиме. В то же время черты изменника напоминали ему старого цыгана, с которым он встретился на Нижегородской ярмарке, и тут ему стало ясно, что это один и тот же человек. Очевидно, он сначала присоединился к табору, одетый цыганом, а затем, сбросив этот костюм, достиг Омска, где распоряжался теперь как победитель.

«Прежде всего, — думал фельдъегерь, — надо быть осторожным и избегать встречи с этим негодяем. Теперь, зная его в лицо, я сумею ему отомстить, когда настанет время».

У смотрителя нашему герою удалось достать хорошую выносливую лошадь, так как он намеревался продолжать путь верхом, будучи теперь один. Покинуть город можно было не иначе, как поздно ночью, чтобы не обратить на себя внимание караульных, и потому Строгов решил подождать на почтовой станции. Он занял место за столиком и приказал подать себе поужинать. В комнате было довольно много народу, так как перепуганные жители спешили сюда узнавать новости. Фельдъегерь не обращал никакого внимания на окружающих, как вдруг он услышал голос, который заставил его вздрогнуть всем телом.

— Сын мой! — произнес этот голос, и он увидел в двух шагах от себя свою мать, которая протягивала к нему руки.

Первым побуждением молодого человека было броситься к ней на шею, но он тотчас вспомнил обещание, данное им государю, избегать свидания с матерью, чтобы не выдать себя, так как в городе все знали, что сын старухи Строговой служит в фельдъегерском корпусе. Он призвал на помощь все свое самообладание и остался спокойно сидеть на месте.

— Миша! — продолжала мать, бросаясь к нему

— Кто вы, сударыня? — проговорил Строгов едва внятно.

— Как, ты спрашиваешь, кто я? Дитя мое, ты не узнаешь свою мать?

— Вы ошибаетесь, принимая меня за другого, — холодно отвечал фельдъегерь.

— Миша, сын мой, неужели ты отрекаешься от меня! — воскликнула вне себя несчастная женщина.

Еще минута, и Строгов не выдержал бы: он опустил глаза, чтобы не видеть дорогого лица матери, и с трудом проговорил.

— Сударыня, я не понимаю, что вам угодно. Я не сын ваш и меня зовут не Михайлом. Я иркутский купец Николай Корпанов.

Тут голос его пресекся, он поспешно встал и вышел из комнаты.

— Сын мой, сын мой! — с отчаянием закричала старуха и почти без чувств упала на скамью.

Вдруг ее осенила неожиданная мысль, и ей стало понятно все: допустить, чтобы сын ее отверг, она не могла, ошибиться, приняв другого за него, было также невыносимо; оставалось одно: если он от нее отрекся, значит, он имел на то уважительные причины. Около нее собрались любопытные, к ней стали обращаться с расспросами; старуха встала и произнесла с достоинством:

— Это действительно не мой сын, я и сама не понимаю, как я могла так ошибиться.

Она направилась уже к дверям, когда вошедший Огарев загородил ей дорогу.

— Вы Марфа Строгова? — спросил он.

— Да, — отвечала старуха.

Он сделал ей знак следовать за ним, и она спокойно повиновалась. Клеветы изменника успели уже сообщить ему о той сцене, которая только что разыгралась на почтовой станции, и он, заподозрив истину, приступил к допросу старухи.

— У вас есть сын, который служит фельдшером? — был первый вопрос.

— Да, — отвечала она.

— Где он?

— В Москве.

— Давно вы имели от него известия?

— Месяца два тому назад.

— А кто же, — продолжал Огарев, — тот молодой человек, которого вы называли своим сыном?

— Я его не знаю, — отвечала Марфа Строгова спокойно. —

С тех пор как город наполнен приезжими, мне всюду мерещится мой сын. Я уже раз десять ошибалась таким образом.

— Хорошо, — сказал Огарев, — но помните, если я захочу, то заставлю вас сознаться.

— Я сказала правду, и никто в мире не принудит меня отказаться от моих слов, — твердо проговорила старуха. — Разве можно отречься от такого сына, каким всегда был мой?

Огарев посмотрел на нее исподлобья. Он понял теперь, что мнимый Корпанов не кто иной, как сын Марфы Строговой; если молодой человек не признал свою мать и она, в свою очередь, поддерживала его ложь, у них, очевидно, были на это свои причины, которые Огареву не мешало знать. Он велел отправить старуху в Томск, а за тем, кого она приняла за сына, снарядить немедленную погоню.

ГЛАВА XV

БОЛОТА БАРАБИНСКОЙ СТЕПИ

К счастью для Строгова, ему удалось выбраться из Омска прежде, чем приказание задержать его было передано караульным. Несчастная случайность, благодаря которой наш герой встретился с матерью на глазах посторонних свидетелей, открыла его тайну, и теперь он не сомневался, что за ним будет точас послана погоня.

Утром 30 июля он проехал станцию Трумово.

Путешественник наш не мог здесь узнать ничего нового, скорее к нему обратились бы с расспросами, если бы настоящее его звание было обнаружено. Но вынесенные им неудачи побуждали молодого человека стать еще осторожнее. Чтобы не попадаться никому на глаза, он провел целые сутки, запершись в своем номере. Совершенно измученный, он лег в постель, но сон его был тревожным. То представлялась ему старуха мать, то бедная Надя, и мысль о том, что обе они остались без покровителя, не давала ему покоя. Трудное поручение, которое было возложено на него, также немало тревожило Строгова. Он находил свое путешествие невыносимо длинным и был бы рад перелететь то пространство, которое еще отделяло его от Иркутска, чтобы поскорее вручить великому князю царское письмо. В Каинске фельдшер мог достать экипаж, но по зрелом размышлении отказался от этого намерения, боясь такой покупкой обратить на себя внимание. Кроме того, путешествие по болотам было и без того трудное, а тарантас мог оказаться лишней помехой. К своему коню он так привык, что решил не обменивать его на другого; уделяя ему несколько часов для отдыха, ездки мог надеяться на то, что перегонит войско мятежников. На другое утро Строгов продолжал путь по болотистой местности, которая местами почти непроходима, так как представляет непрерывную сеть прудов и озер; одно

из таких озер, по имени Чанг, даже занесено на географические карты. Последняя ночевка в селе Икульском — и Барабинская степь осталась позади. Но тут возникла новая опасность: по берегам Оби бродили многочисленные отряды бухарцев, которым наш курьер мог попасться в руки, если он будет следовать прямой дорогой на Иркутск. Если бы он решился ехать окольным путем, степью, то здесь ему не от кого было ожидать помощи. Деревни встречались все реже и реже, а жители тех убогих хижин, какие попадались на пути, сами с трудом добывали себе пропитание. Настало 5 августа. Со дня выезда нашего героя из Москвы прошло три недели, а между тем целые полторы тысячи верст отделяли его от Иркутска.

ГЛАВА XVI

ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ

Едва Строгов выехал из Барабинской степи, как ему пришлось убедиться, что опасения его не были напрасны. Вытопанные поля, сожженные села и деревни служили ясным доказательством того, что бухарцы побывали здесь. Молодой фельдъегерь очень желал бы знать, кто произвел это опустошение: передовые ли отряды, или самая армия эмира и находится ли Феофар-Хан в пределах Енисейской губернии. Но разъяснить его сомнения было некому: на протяжении первых двух верст местность была безлюдна. Наконец невдалеке от одной горящей избы он увидел старика, окруженного плачущими детьми; рядом с ним молодая женщина, очевидно мать этих детей, с отчаянием смотрела на свое объятые пламенем жилище. Строгов приблизился к старику:

— Скажи, голубчик, — спросил он, — прошли уж здесь татары?

— Прошли, прошли, батюшка, — отвечал старик, — вот видишь, сожгли нашу избенку.

— Много ли их было?

— Еще бы не много. Погляди-ка дальше, все поля потоптали, разбойники...

— А кто их вел?

— Да, видно, набольший ихний, прозвание-то, вишь, у него такое мудреное.

— Значит, — продолжал свои расспросы фельдъегерь, — эмир теперь в Томске. А не знаешь ли ты, взяли они Колывань или нет?

— Не слыхать, батюшка, там, кажись, еще спокойно.

— Не могу ли я тебе помочь? — спросил молодой человек.

— Эх, родимый, чем тут поможешь, когда мы остались без кола, без двора! — с отчаянием проговорил крестьянин.

Строгов положил двадцатипятирублевую бумажку на колени молодой женщины и, не дав ей времени поблагодарить его, прищпорил коня и помчался вперед. Разговор со стариком убедил его, что ехать на Томск опасно. Приходилось держать путь на Колывань, сделать там остановку, а потом свернуть с прямой дороги и искать переправы через Обь. До Оби оставалось сорок верст, и Строгов раздумывал над тем, как он переберется на другой берег; если бухарцы уже сожгли все лодки и паромы на реке, надо будет переправляться вплавь. Конь его выбивался из сил; в Колывани надо было во что бы то ни стало обменять его, так как путешествие по местности, где рыскали полчища мятежников, требовало прежде всего быстрой езды. Наступила ночь, довольно темная, как всегда в это время года. Теплый летний ветер совершенно затих, и стук копыт гулко раздавался в ночной тишине. Ехать надо было очень осторожно, так как по обеим сторонам дороги беспрестанно попадались поросшие тростником бочаги, из которых берут начало мелкие притоки Оби. Строгов время от времени останавливался и пристально осматривался кругом, чтобы не сбиться с пути. Вдруг ему почудился вдалеке конский топот. Он сошел с коня и припал ухом к земле — не оставалось никакого сомнения: верстах в двух позади него по той же дороге ехал отряд всадников. Стук копыт становился все явственнее, очевидно, приближались.

«Кто это? — подумал Строгов. — Если свои, то я присоединюсь к ним, но если это бухарцы, надо спешить скрыться, пока они еще не настигли меня».

Спрятаться было нелегко, потому что кругом расстилалась степь.

Наконец зоркие глаза молодого человека различили шагах в ста влево от дороги какую-то темную массу, оказавшуюся на его счастье небольшой рощицей. Он углубился в нее, ведя лошадь под уздцы, но, пройдя шагов сорок, увидел перед собой маленький пруд, который полукругом заграждал с этой стороны рощу.

Строгов привязал коня к дереву, а сам спрятался в кустах на опушке рощи.

Вскоре вдаль показался слабый свет, и фельдъегерь различил колеблющиеся огни, которые оказались факелами. Отряд, в котором было человек пятьдесят всадников, быстро приближался и, подъехав к роще, где скрылся наш герой, спешил. Вскоре он убедился, что всадники не собираются обыскивать рощу, а только сделали в этом месте привал, чтобы дать отдохнуть лошадям и подкрепиться пищей. Действительно, они пустили расседланных коней пастись по лугу, а сами легли на опушке рощи и стали вынимать запасы из своих походных мешков.

Это был бухарский конный отряд. Одежда воинов состояла из кафтанов, опоясанных ремнем, сапог желтой кожи, с загнутыми вверх носками и высоких бараньих шапок. Каждый из них был вооружен кривой саблей, кинжалом и ружьем, привязанным к луке седла. Их кони, татарской породы, были невелики, но чрезвычайно выносливы и лихы на ходу. Отрядом предводительствовали два начальника: пенджа-баши, имевший под своею командою пятьдесят всадников, и подчиненный ему дег-баши, которому было вверено начальство над десятью солдатами. Они отличались от прочих воинов более богатым вооружением и привязанною к луке небольшой трубою.

Строгов, сам оставаясь незамеченным, внимательно прислушивался к разговору, который велся на татарском наречии между обоими начальниками. Вскоре он понял, что речь шла о нем.

— Едва ли этот курьер мог опередить нас, — сказал пенджа-баши. — Другой дороги, как через Барабинскую степь, у него не было.

— Кто знает, выехал ли он из Омска, — заметил дег-баши.

— Хорошо, если бы так. Тогда полковнику Огареву нечего бояться, что депеши, которые везет этот курьер, дойдут по назначению.

— Говорят, что он сибирский уроженец, — продолжал дег-баши, — и хорошо знаком с местностью. В таком случае немудрено, если он сначала нарочно свернул с иркутской дороги, чтобы потом снова попасть на нее.

— В таком случае он от нас отстал, — сказал старый военачальник. — Мы выехали из Омска спустя час после него, а за нашими лошадьми ему не угнаться, так что в Иркутск он никаким образом не попадет.

— А какова старая сибирячка, мать этого курьера! — заметил дег-баши. — Она уперлась на том, что мнимый купец не сын ее; ну да, впрочем, полковника Огарева не проведешь, и если он захочет, то заставит старую ведьму сознаться.

Слушая этот разговор, злополучный Строгов чувствовал, как кровь застывает в его жилах. Все было потеряно: его узнали, за ним послана погоня и, что всего ужаснее, его мать находится во власти Огарева, ей грозит пытка и, быть может, смерть. Строгов знал, что мужественная старуха ни за что не отступится от своих слов, и ненависть, которую он еще раньше питал к злодею, изменившему своей родине, стала еще сильнее при мысли, что он безнаказанно угрожает его матери.

Из дальнейшего разговора бухарских предводителей наш герой узнал, что небольшой русский отряд, посланный к Томску, должен был в окрестностях Колывани встретиться с многочисленной армией Феофар-Хана. Без сомнения, мятежники одержат победу, и тогда дорога в Иркутск будет открыта для них. Что касается самого Строгова, то его голова была оценена, и, мертвый или живой, он должен был попасть в руки неприятеля. Услышав все это, фельдъегерь решил продолжать немедленно свой путь, чтобы перегнать бухарцев. Нельзя было терять ни минуты.

Заметив среди бухарского отряда некоторое движение, которое можно было принять за сборы в дальнейший путь, Строгов подполз к своему коню, потихоньку надел ему седло, укрепил стремена и повел его под уздцы вдоль опушки рощи. Умное животное как будто понимало, чего от него требуют: оно покорно следовало за своим хозяином, ни ржанием, ни стуком копыт не обнаруживая своего присутствия. Во избежание шума Строгов решил пройти шагов двести и только тогда сесть верхом. В руке он держал заряженный револьвер, приготовившись разозлить голову первому, кто осмелится к нему подойти. Он уже достиг благополучно опушки, как вдруг один из татарских коней почуял его и заржал. Хозяин лошади бросился к ней и, увидев какую-то фигуру, которая при его появлении вскочила в седло, крикнул:

— Эй, сюда!

В стане поднялась тревога: всадники бросились к своим коням, готовые скакать в погоню. Строгов опустил поводья и помчался по направлению к реке. Он рассчитывал ускориться вперед, пока бухарцы будут седлать своих лошадей. Но уже минут через десять услышал за собой постепенно приближа-

ющийся топот нескольких всадников. Над самым его ухом просвистела пуля, и, обернувшись, он увидел, что дег-баши, конь которого опередил остальных, уже настигает его. Не останавливаясь, Строгов спустил курок, и бухарец, пораженный прямо в грудь, свалился на землю, как сноп. Остальные преследователи продолжали погоню, не обращая внимания на убитого начальника, и беглец скоро почувствовал, что расстояние, отделявшее его от них, все уменьшается, так как его конь выбился из сил. Каждую минуту можно было опасаться, что измученное животное упадет и не встанет больше.

К этому времени уже совершенно рассвело, и верстах в двух впереди себя Строгов ясно различил на горизонте светлую линию, вдоль которой изредка виднелись деревья. То была Обь. При виде этой реки, достичь которой было его целью, Строгов почувствовал в себе новые силы и продолжал прищипоривать коня, несмотря на пули, которыми его осыпали бухарцы. Ему самому пришлось несколько раз выстрелить, и притом так удачно, что число преследователей заметно уменьшилось. В ту минуту, как он достиг берега, отряд был от него не более, как на расстоянии пятидесяти шагов. На реке не видно было ни парома, ни лодки. Ничего не оставалось, как переплываться вплавь, и фельдгегерь смело бросился в воду вместе с конем. Течение было чрезвычайно быстрое, и река в этом месте достигала полуверсты в ширину. Бухарцы остановились на берегу, и пенджа-баши, схватив ружье, стал целиться. Раздался выстрел, и пуля попала прямо в бок коню Строгова. Чувствуя, что животное начинает под ним погружаться, наш герой поспешно высвободил ноги из стремян и продолжал плыть один, несколько раз ныряя под градом пуль. Наконец он достиг правого берега Оби и скрылся в густых камышах.

ГЛАВА XVII

ТЕКСТЫ И КУПЛЕТЫ

Верстах в двух от него на берегу Оби виднелся небольшой, но живописно расположенный городок. Кресты на куполах церквей ярко блестели в лучах восходящего солнца. Этот город был Колывань, который, благодаря своему здоровому климату, служит в летнее время любимым местопребыванием высших должностных лиц Каинска и других окрестных городов. По тем известиям,

какие имел Строгов, Колывань еще не была взята мятежниками, следовательно, он мог спокойно идти туда. Самый город и окрестности его, казалось, вымерли, так как большая часть жителей бежала на север, в Енисейскую губернию. Строгов быстро направился к городу, как вдруг до его слуха донеслись пушечные выстрелы. Очевидно, недалеко происходило сражение между русскими и бухарскими войсками. Скоро выстрелы сделались слышнее, и на горизонте показались облачка дыма. По-видимому, выстрелы приближались к городу с северной его стороны. Строгов не знал, нападают ли бухарцы на Колывань, или русский отряд пытается снова отбить город у мятежников. Он ускорил шаги, как вдруг заметил столб дыма над самым городом. Вслед за этим показалось пламя, и, быстро раздуваемое ветром, охватило колокольню одной из церквей. Это печальное зрелище убедило фельдгегера, что сражение происходит в самом городе. Он остановился в нерешительности. Как идти туда? Кто знает: удастся ли ему выбраться из Колывани так же благополучно, как из Омска? Сообразив все это, молодой человек решил, что благоразумнее будет искать какого-нибудь другого городка, где он может найти себе лошадь. Он свернул вправо и поспешно направился к роще, которая виднелась вдаль и где можно было скрыться в случае появления неприятеля.

Между тем пламя распространялось по городу с невероятной быстротой и вскоре охватило целый квартал. Вдруг в том направлении, куда шел Строгов, показался конный бухарский отряд. Он двигался наперерез нашему герою, который начал уже отчаиваться в своем спасении, когда неожиданно увидел в стороне от дороги одиноко стоящий домик. Он бросился туда в надежде скрыться и, если можно, отдохнуть и подкрепить свои силы, истощенные голодом и усталостью. Домик оказался телеграфной конторой. Отворив дверь, Строгов, к своему крайнему изумлению, увидел чиновника, который стоял у аппарата с самым невозмутимым видом.

— Скажите, — обратился к нему наш герой, — ведь в Колывани происходит сражение?

— Должно быть, — равнодушно отвечал тот.

— Кто же победил?

— Не знаю, — был ответ.

На вопрос Строгова, действует ли еще телеграф, чиновник отвечал, что депеши можно посылать до границы Европейской

России по гривеннику за слово, и, сообщив это, принял выжидающую позу.

Строгов собирался ответить невозмутимому телеграфисту, что не нуждается в его услугах, как вдруг дверь с шумом распахнулась, и на пороге показались два посетителя, которых наш герой тотчас узнал. Это были корреспонденты-соперники, Альсид Жоливе и Гарри Блэнт. Они выехали из Ишима несколькими часами позже Строгова, но прибыли в Колывань раньше него, благодаря тому, что нашего героя задержала трехдневная остановка после несчастной переправы через Иртыш.

Покинув Колывань в то самое время, когда сражение завязывалось уже на улицах города, оба журналиста поспешили в телеграфную контору, чтобы сообщить своим газетам самые свежие новости.

Строгов, которому встреча с ними была неприятна, отошел в сторону.

У обоих корреспондентов было в руках по клочку бумаги с написанным карандашом текстом телеграммы, но англичанин успел опередить своего коллегу и занять место у конторки. Он вынул из кармана целую пачку кредитных билетов и положил на виду.

Телеграфист застучал на своем аппарате, читая вслух депешу:

— «Лондон, редакция «Ежедневного Телеграфа». Шестого августа, из Колывани. Между русскими и бухарцами произошло сражение. Русские войска разбиты. Бухарцы овладели Колыванью».

Жоливе хотел оттолкнуть своего соперника, чтобы, в свою очередь, отправить телеграмму вымышленной кузине, но англичанин и не подумал уступить ему места: он намеривался передавать события по мере того, как они происходят.

— Но позвольте, ведь ваша телеграмма окончена, — попробовал протестовать француз.

— Нет еще, — спокойно возразил Блэнт.

Он написал еще несколько слов и протянул записку телеграфисту.

Тот прочел вслух:

— «Вначале Бог сотворил небо и землю».

Англичанин придумал телеграфировать начальный стих книги «Бытия», чтобы выгадать время, не покидая своей позиции.

«Что за важность для нашей редакции переплатить сотню другую, — думал он, — зато она прежде всех узнает последние новости, а французы могут и подождать».

Легко представить себе негодование Жоливе, когда он понял хитрую уловку соперника. Он решил насильно передать телеграфисту свою депешу, но тот остановил его словами:

— Потрудитесь подождать очереди.

Пока его телеграмма передавалась по назначению, Блэнт подошел к окну, наблюдая за пожаром, который все увеличивался. Затем он вернулся к столу и просил телеграфировать следующее:

«Пожар угрожает всей правой части города. Две церкви горят. Земля была неустроена, а Дух Божий носился над водою».

Жоливе снова попытался привлечь внимание телеграфиста, но тот возразил прежним спокойным тоном:

— Подождите, черед еще не за вами.

«Жители бегут, — продолжал англичанин. — Господь сказал: да будет свет, и явился свет».

Бешенство Жоливе не поддается описанию. На этот раз, однако, он был счастливее. Коллега его слишком долго оставался у окна, выжидая новостей. Ловкий француз потихоньку занял его место и передал свою телеграмму, которая была составлена в следующих выражениях:

«Париж. Монмартр. Мадлене Жоливе. 6-го августа, из Колывани. Русские потерпели поражение и бегут. Бухарская конница преследует их».

Между тем выстрелы становились все чаще и сильнее. Вдруг все здание дрогнуло. Окно было разбито вдребезги, и большое ядро упало посреди комнаты. Жоливе подскочил к нему быстрее молнии, схватил ядро и выбросил его наружу. Затем, вернувшись к конторке телеграфиста, он продолжал спокойно диктовать.

Перестрелка раздавалась уже совсем вблизи, несколько пуль просвистели в воздухе, и одна из них попала в плечо английскому корреспонденту. Он упал. Жоливе, нимало не смущаясь, хотел уже прибавить в своей телеграмме: «Гарри Блэнт, корреспондент «Ежедневного Телеграфа», получил рану в плечо», когда телеграфист все так же флегматично произнес:

— Проволока испорчена, — и, встав со своего места, неторопливо вышел через боковую дверь.

Минуту спустя бухарцы уже ворвались в телеграфную контору. Жоливе ввалил раненого коллегу на плечи и хотел бежать, но было поздно: оба корреспондента, а с ними вместе и Строгов, попались в плен.

На расстоянии суток ходьбы от Колывани, в нескольких верстах от местечка Дьячинска, тянется широкая, поросшая высокими елями и кедрами долина. Летом в жаркую пору эта часть степи служила обыкновенно пристанищем для кочующих сибирских народов. Здесь паслись и кормились их многочисленные стада. Но теперь вы не нашли бы там ни одного из этих мирных кочевников. И, однако, степь не была пустыня. Напротив, там царило необычайное оживление, там пестрели бесчисленные бухарские палатки, там раскинулся лагерь Феофар-Хан, жестокий эмир бухарский, и, наконец, куда на следующий день, 7 августа, должны были быть приведены несчастные, захваченные в плен при Колывани, после победы бухарцев над маленьким русским отрядом. Из этих двух тысяч людей, стиснутых между неприятельских колонн, опиравшихся одновременно и на Омск, и на Томск, осталось всего только несколько сотен человек! События принимали дурной оборот. Конечно, подобное положение дел не могло продолжаться. Рано или поздно русские должны были прогнать эти дикие орды жестоких завоевателей, пока же приходилось мириться с горькой действительностью. Бухарцы достигли уже средней Сибири, и набеги их грозили распространиться еще далее; не было известно только, какие губернии, западные или восточные, первыми подвергнутся их кроваважидным разбоям. Иркутск был со всех сторон отрезан от Европы. Если войска с Амура и Якутской области не подоспеют к нему вовремя, то эта столица Азиатской России, предоставленная своим собственным слабым силам, должна была неминуемо достаться в руки бухарцам, и, прежде чем она получила бы свою свободу, великий князь, брат государя, сделался бы жертвой мщения Ивана Огарева.

Что же сталося с Михаилом Строговым? Смирился ли он наконец под тяжестью обрушившихся на него несчастий? Считал ли он свое дело проигранным, возложенное на него поручение — неисполнимым?

Итак, он был жив, даже не ранен, царское письмо было при нем, его инкогнито никто не нарушил. Правда, он находился в числе военнопленных, принужденный разделять с ними их печальную участь. Но ведь, приближаясь к Томску, он в то же время

приближался и к Иркутску. В конце концов он все-таки шел впереди Ивана Огарева.

«О, я дойду!» — мысленно и неоднократно повторял он сам себе. После дела при Колывани вся жизнь его сосредоточивалась теперь только на этой мысли — стать снова свободным! Но как убежать от свирепых солдат эмира? Придет время — он увидит.

Лагерь Феофара представлял собой действительно великолепное по своей живописности зрелище. Тысячи палаток из звериных шкур, войлока и ярких шелковых материй сверкали на солнце всеми цветами радуги. Громадные кисти, украшавшие их конические вершины, как султаны, качались среди разноцветных значков, знамен и штандартов.

Обстановка, окружавшая Феофара в данную минуту, носила на себе характер исключительно военный, походный. Частная же его квартира, гарем, его собственный и его приближенных, находились в Томске, бывшем в то время также в руках у татар.

Томску предстояло оставаться резиденцией эмира вплоть до той минуты, когда его должна была сменить столица Восточной Сибири.

Палатка Феофара своей роскошью выделялась среди всех окружающих ее. Она стояла по самой середине широкой лужайки, окаймленной чудными раскидистыми березами и темными, гигантскими елями. Блестящая шелковая материя, живописно подобранная при входе шелковыми шнурами с золотой бахромой и золотыми же кистями, падала на землю тяжелыми, красивыми складками. Перед ханским шатром стоял стол лакированного дерева, украшенный инкрустацией из драгоценных камней. На столе лежала раскрытая священная книга Коран, страницы которой были сделаны из тонких золотых листов с искусно выгравированным на них текстом. Над шатром развевалось бухарское знамя, разделенное на четыре поля оружием эмира.

Когда пленных привели в лагерь, эмир сидел у себя в палатке. Он не показывался, и, разумеется, это было большое счастье для них. Один жест, одно слово его послужило бы только сигналом к какому-нибудь злодейству. Он вообще редко показывался народу. В этом заключалось отчасти могущество восточных королей: эта таинственность, окружавшая их личность, эта недосягаемость заставляли простой народ преклоняться перед ними и в то же время бояться их. Что же касается до пленных, то их, как простую скотину, загнали в особое загороженное со всех сторон место и заперли там. Жестокое обращение солдат, дурная,

недостаточная пища, порою холод, ветер, дождь и всякое ненастье, ничем не оправданный, самый грубый и жестокий произвол со стороны Феофара — вот что досталось им в удел. Самый кроткий, самый терпеливый из них был, конечно, Михаил Строгов. Он позволял вести себя потому, что его вели туда, куда он хотел и при этом он пользовался такой безопасностью, какой, будучи свободным, по этой дороге, от Колывани до Томска, он ни за что не нашел бы.

Бежать теперь, не доходя до Томска, — это значило подвергать себя новой опасности, это значило рисковать попасть в плен к татарским разведчикам, разъезжающим по степи. Михаил рассуждал иначе. Самая восточная линия, занятая в то время колоннами бухарских войск, находилась как раз за 82-м меридианом, проходящим через Томск. Таким образом, стоило только перейти этот меридиан, и он мог считать себя в полной безопасности относительно неприятелей, мог надеяться беспрепятственно перейти через Енисей и достигнуть Красноярска прежде, чем туда явится Феофар-Хан.

«Раз я буду в Томске, — повторял он мысленно, чуть ли не в сотый раз, чтобы хоть как-нибудь умерить свое нетерпение, с которым иногда не в силах был совладать, — раз я буду в Томске, то через несколько минут я могу быть за неприятельской границей; опередив же Феофара и Ивана Огарева на сутки, я приду, разумеется, раньше их в Иркутск!»

Чего главным образом опасался Михаил Строгов и что в действительности так и случилось, так это присутствие Ивана Огарева в татарском лагере. Кроме опасности быть узнанным, Михаил чувствовал почти инстинктивно, что ему следовало опередить этого негодяя. Он понимал, что если войска Ивана Огарева соединятся с войсками Феофара, то составит страшная по своей силе и многочисленности армия, и, что, соединившись, эта армия всей своей массой двинется на восточную столицу Сибири. Вот почему все его опасения сосредоточивались главным образом на этом пункте, и он ежеминутно прислушивался, не раздадутся ли вдруг трубные звуки, возвещающие прибытие адъютанта эмира.

При имени Ивана Огарева ему вспомнилась мать, Надя... Одну задержали в Омске, другую схватили и увезли на барке вниз по Иртышу и, разумеется, взяли в плен, как и Марфу Строгову! Увы, — он ничего не мог сделать для них! Увидит ли он их когда-нибудь? Что мог он ответить на это? И сердце болезненно сжималось в нем.

Вместе с Михаилом Строговым в число пленных, приведенных в неприятельский стан, попали Гарри Блэнт и Альсид Жоливе. Их бывший товарищ по путешествию, захваченный вместе с ними на телеграфной станции, знал, что почтенные корреспонденты, наравне с прочими пленными, сидят взаперти за оградой, но он всячески избегал встречи с ними. Ему было решительно все равно, по крайней мере, в данную минуту, дурно ли, хорошо ли думают о нем эти люди после той сцены, свидетелями которой они были в Ишиме. Он хотел сохранить свою самостоятельность, чтобы в случае надобности действовать самому, и потому держался в стороне.

С той минуты как Гарри Блэнт упал раненный, Альсид Жоливе не переставал заботиться о нем. Во время мучительного перехода из Колывани в татарский лагерь, в продолжение многих часов ходьбы, Гарри Блэнт шел, опираясь на руку своего бывшего соперника, и, только благодаря ему, мог кое-как следовать за обозом. Альсид Жоливе, которого никогда не покидала его практическая философия, всеми способами старался подкрепить больного и физически и морально. Первой заботой его, как только они прибыли в лагерь, было посмотреть рану Гарри Блэнта. Он очень ловко снял с него верхнее платье и сразу увидел, что рана не была опасна — плечо было немного поцарапано картечью, и только.

— Пустяки, — сказал он, — простая царапина! Две-три перевязки, мой милый друг, и она не будет даже заметна!

— Но эти перевязки?... — спросил Блэнт.

— Я сам вам их сделаю.

— Но разве вы доктор?

— Все французы немножко доктора, — смеясь, отвечал Жоливе и, как бы в подтверждение своих слов, вынул носовой платок, разорвал его, из одного куска нащипал корпии, из другого наделал тампонов, принес воды из колодца и, осторожно обмыв рану, с большим искусством перевязал ее.

— Я вам очень благодарен, Жоливе, — отвечал Гарри, растягиваясь под тенью раскидистой березы, на приготовленном ему французом ложе из сухих листьев.

— Э, что за благодарности! Вы на моем месте поступили бы так же!

— Я этого не знаю... — немного наивно отвечал тот.

— Ну полноте дурачиться! Все англичане великодушны.

— Разумеется, ну, а французы?

— Что французы? Французы просто-напросто добры, даже глупо добры, если хотите! Но что их подкупает, так это то, что

они французы! Впрочем, оставим этот разговор, да и вообще, если вы мне верите, перестанем совсем разговаривать. Вам необходимо теперь отдохнуть.

Но Гарри Блэнт вовсе не желал молчать.

— Жюливе, — начал он, — как вы думаете, наши последние депешы перешли за русскую границу или нет?

— А почему же нет? — отвечал тот. — Уверяю вас, моя прелестная кузина в настоящую минуту прекрасно знает обо всем, что произошло в Колывани!

— А в скольких экземплярах ваша кузина печатает эти депешы? — спросил он, в первый раз ставя этот вопрос так открыто.

— Знаете что! — смеясь, отвечал Жюливе. — Моя кузина особа очень скромная, она не любит, когда о ней говорят, и если бы она узнала, что из-за нее вы не спите, то была бы в отчаянии.

— Но я не хочу спать, — отвечал англичанин. — Что думает ваша кузина относительно дел в России?

— Что дела эти в даниую минуту очень плохи, понятно. Но, конечно, московское правительство могущественно, вторжение бухарцев их не должно очень тревожить. Сибирь от них не уйдет.

— Излишняя самонадеянность погубила многие великие державы! — отвечал Гарри Блэнт.

Он, как и все англичане, был заражен «английской» завистью к русским, когда вопрос касался о правах России в Центральной Азии.

— О, бросим политику! — воскликнул француз. — Она положительно запрещена на медицинском факультете. Ничего не может быть хуже политики для ран на плече, если только она не действует на вас усыпляюще!

— Тогда поговорим о том, что нам делать, Жюливе! Я говорю серьезно, я вовсе не намерен оставаться в вечном плену у татар!

— Я также, черт возьми!..

— Значит, при первой возможности мы бежим?

— Да, если мы не найдем какого-либо другого способа для получения нашей свободы.

— А разве вы знаете другой способ? — пристально глядя на своего собеседника, спросил Гарри Блэнт.

— Конечно! Ведь мы не принадлежим к воюющим народам, мы люди нейтралитета. Нам стоит только объявить, кто мы, и мы свободны.

— Кому объявить? Этому скоту Феофару?

— Нет, он ничего не поймет. Мы скажем его адъютанту Ивану Огареву.

— Но ведь это мерзавец!

— Разумеется, но этот мерзавец — русский. Он знает, что шутить с правами свободных людей не следует. И какой ему интерес нас задерживать? Напротив. Только обращаться с просьбою к этому господину мне не очень-то хочется.

— Но этого господина нет в лагере, я, по крайней мере, его не видел, — заметил Блэнт.

— Он явится. За этим дело не станет. Ему необходимо догнать эмира. Сибирь разделена теперь на две части, и, очевидно, Феофар поджидает только его, чтобы двинуться в Иркутск.

— А что мы станем делать, когда получим свободу?

— Получив свободу, мы станем продолжать наше путешествие, мы пойдем вслед за татарами и будем идти так до тех пор, пока обстоятельства позволят нам перейти в другой лагерь. Бросать наше предприятие не годится. Мы ведь только что начали его. Вам посчастливилось уже получить рану на службе «Ежедневного Телеграфа», тогда как я на службе у моей кузины еще ничего не получил. Ба... — пробормотал Альсид Жюливе, — он, кажется, засыпает! Нескольких часов сна, нескольких компрессов из свежей воды вполне достаточно, чтобы поставить на ноги больного англичанина. Эти люди сотворены из железа!

В то время как Гарри Блэнт отдыхал, Альсид Жюливе сидел около него и делал заметки в своей записной книжке. Несчастья сблизили их, и они сделались друзьями. Писательская ревность исчезла сама собой. И так, то, чего главным образом страшился Михаил Строгов, было предметом самых пламенных желаний обоих журналистов. Действительно, приезд Ивана Огарева мог оказать им существенную пользу. Раз узнается, что они иностранные подданные, то весьма возможно, что их выпустят на свободу. Адъютант эмира сумеет доказать ему, что с господами журналистами нельзя обращаться так же, как с простыми шпионами. Интересы Альсида Жюливе и Гарри Блэнта были таким образом совершенно противоположны интересам Михаила Строгова. Последний как нельзя лучше понимал свое положение, и это было новой причиной, заставлявшей его избегать встречи с ними. Прошло четыре дня, но за это время не произошло никаких перемен. О снятии лагеря и новом походе татар ничего не было слышно. За пленниками строго следили.

В пище, отпускаемой им, чувствовался сильный недостаток. Два раза в сутки им кидали козьи внутренности, поджаренные на углях, или несколько кусков овечьего сыру, вот и все. Погода, как нарочно, переменялась к худшему, начались дожди с холод-

ным, пронизывающим ветром. Некоторые из раненых, женщины и дети не выдержали и умерли. Пленным пришлось самим хоронить их трупы, а татары не хотели даже отвести им места для погребения. В это тяжелое время Альсид Жоливе и Михаил Строгов одни не теряли мужества и терпения. Сильные, здоровые духом и телом, они своими советами подкрепляли и утешали слабых, впадавших в отчаяние. Но долго ли будут еще продолжаться их несчастья?

Что, если Феофар, довольный своими первыми победами, пожелает отдохнуть некоторое время, а потом уже идти на Иркутск? Этого могли опасаться, но это не случилось. Событие, столь желаемое Альсидом Жоливе и Гарри Блэнтом и столь не желаемое Михаилом Строговым, — это событие совершилось утром 12 августа. Снова затрубили в трубы, забили в барабаны, началась стрельба и пальба. По дороге от Колывани показалось громадное облако пыли.

Иван Огарев, сопровождаемый многими тысячами людей, вступал в лагерь Феофар-Хана.

ГЛАВА II

ПОЛОЖЕНИЕ АЛЬСИДА ЖОЛИВЕ

Иван Огарев привел к эмиру целый армейский корпус. Это была часть той колонны, что заняла Омск. Не будучи в силах разрушить город, где, надо помнить, находились в то время сам губернатор и весь местный гарнизон, Огарев, чтоб не задерживать военных действий, долженствовавших привести к покорению всей Восточной Сибири, решил обойти его. Оставив там довольно значительный гарнизон и подкрепившись по дороге колыванскими победителями, он повел свои орды в лагерь Феофара, чтобы там соединиться с ним. Солдаты Огарева остановились за лагерем. Они не получили приказа стать на бивак. Без сомнения, предводитель их не намерен был здесь останавливаться, а спешил дальше, в Томск, город важный, предназначенный сделаться центром будущих операций. Вместе с солдатами Иван Огарев привел еще новый отряд пленных, русских и сибиряков, захваченных частью в Омске, частью в Колывани. Несчастных не повели за ограду, там и без них было слишком тесно, они, как и солдаты, остались за лагерем, лишенные крова и даже пищи.

За новоприбывшими тянулась толпа нищих, мародеров, купцов и цыган, составляющих обыкновенно арьергард действующей армии. Все эти люди питались тем, что грабили по дороге, и поэтому пройденный ими путь превращался в голодную пустыню. В числе цыган, бежавших из западных губерний, находилась и та цыганская группа, с которой Михаилу Строгову привелось ехать до Перми. Сангарра была также там. Эта дикая шпионка, тень Ивана Огарева, ни на шаг не покидала своего повелителя. Благодаря ей, Огарев имел всегда и о всем самые новые, точные и верные сведения. Сотни ушей, сотни глаз служили только ему одному. К тому же он очень щедро оплачивал это выгодное для себя шпионство.

Сангарра, попавшаяся когда-то в одном важном деле, была спасена русским офицером. С тех пор она никогда не забывала, чем была обязана этому человеку. Иван Огарев, сделавшись изменником, сразу же понял, какую выгоду мог он извлечь для себя из этой женщины.

Между тем при первых звуках труб и барабанного боя начальник главной артиллерии и главный конюший в сопровождении блестящей свиты кавалеристов-узбеков выехали навстречу Огареву. Подъехав к нему, они сперва приветствовали его, воздавая ему самые высокие, по восточному обычаю, почести, а затем пригласили ехать за собой, к палатке Феофар-Хана.

Невозмутимый, как всегда, Иван Огарев очень холодно отвечал на все эти любезности высланных ему навстречу сановников. Он был одет очень просто, но в силу какой-то наглой похвальбы все еще носил русскую офицерскую форму. В ту минуту, как он соскочил с лошади, чтобы идти в лагерь, сквозь окружавшую его толпу всадников проскользнула Сангарра.

— Ничего? — спросил ее Иван Огарев.

— Ничего.

— Будь терпелива.

— Час, когда ты заставишь говорить старуху, приближается?

— Приближается.

— Когда же она заговорит?

— Когда мы будем в Томске.

— А когда мы там будем?

— Через три дня.

Большие черные глаза Сангарры блеснули недобрым огнем, и, успокоенная, она отошла прочь.

Огарев направился к палатке эмира, Феофар-Хан ждал своего адъютанта. Там уже заседал весь совет, состоявший из хранителя царской печати, ходжи и многих других важных сановников.

Когда на пороге ханского шатра показался Иван Огарев, сановники продолжали сидеть неподвижно на своих вышитых золотом подушках. Один только Феофар поднялся со своего роскошного дивана, стоявшего в глубине усталой пушистыми бухарскими коврами палатки, и, подойдя к Огареву, поцеловал его. В значении этого поцелуя нельзя было ошибиться. Этот поцелуй производил его из адъютантов в главные советники и временно ставил его чином выше ходжи.

— Мне не нужно тебя расспрашивать, — обратился Феофар к Огареву. — Все уши находящихся здесь приготовились слушать тебя.

— Takhsir, — отвечал Иван, — вот что я должен сообщить тебе.

Огарев говорил по-татарски, придавая оборотам своей речи ту напыщенность, которая так присуща восточным языкам.

— Нам некогда терять время на пустые разговоры, — продолжал он. — То, что я сделал, предводительствуя твоим войском, тебе известно. Границы Ишима и Иртыша принадлежат тебе. Киргизские орды по твоему голосу поднялись все до единого человека, и главная сибирская дорога от Ишима до Томска — твоя. Итак, ты можешь вести свои полки куда хочешь, на запад ли, где солнце закатывается, или на восток, где оно восходит.

— А если я захочу идти вместе с солнцем? — спросил эмир.

— Идти вместе с солнцем, — отвечал Огарев, — значит идти на Европу, значит завоевать все земли от Тобольска до Уральских гор.

— Но войска петербургского султана?.. — проговорил недоверчиво Феофар-Хан, подразумевая под этим странным именем императора России.

— Тебе их нечего бояться ни на востоке, ни на западе, — отвечал Огарев. — Твое нападение было так неожиданно, что русские и опомниться не успеют, как Иркутск и Тобольск очутятся в твоих руках. Царские войска при Колывани были разбиты, и они всегда будут разбиты везде, где только твои солдаты будут биться с ними.

— А какое мнение внушает тебе насчет этого твоя преданность нам? — спросил его эмир после минутного молчания.

— Мое мнение, — поспешно отвечал Иван, — опередить солнце! Отдать траву с восточных степей на корм туркменским лошадям! Взять Иркутск, столицу Востока, а вместе с нею, как залог, того, кто стоит больше всей страны! Уж если не сам царь,

так, по крайней мере, великий князь, брат государя, достанется тебе в руки.

Это была конечная цель всех стремлений Ивана Огарева.

— Так и будет сделано, Иван, — отвечал Феофар.

Иван Огарев молча поклонился и вышел из палатки. Ему подарили коня. Но только что он занес ногу в стремя, как невдалеке от него, в той стороне, где помещались пленные, произошло какое-то смятение, послышались сперва крики, затем выстрелы. Огарев сделал было несколько шагов вперед, но в ту же минуту два человека, вырвавшись из рук державших их солдат, подбежали к нему.

Хуш-беги, шедший рядом с Огаревым, без дальних рассуждений взмахнул саблей, и голова одного из этих людей чуть было не покатила на землю, но Иван Огарев успел вовремя схватить его руку и отклонить смертельный удар. Русский сразу узнал, что пленные были иностранцы, и отдал приказание немедленно привести их к себе.

Это были Гарри Блэнт и Альсид Жоливе. С самого приезда Ивана Огарева в лагерь они просили свести себя к нему. Солдаты не согласились.

Иностранцы пытались бежать, солдаты их не пускали, они вступили с ними в драку, а те стали стрелять, и, без сомнения, журналисты были бы убиты, если бы Огарев не вмешался сам в это дело. В продолжение нескольких минут он молча разглядывал стоявших перед ним совершенно незнакомых ему пленников.

А между тем они были свидетелями той сцены, что произошла на почтовой станции в Ишиме, когда Иван Огарев ударил Михаила Строгова. Но свирепый путешественник не обратил тогда никакого внимания на находящуюся в то время в общей зале публику. Гарри Блэнт и Альсид Жоливе, напротив, сейчас же узнали его.

— Гм-гм, кажется, полковник Огарев и тот грубиян с Ишимом одно и то же лицо, — сказал француз вполголоса.

— Объясните ему наше дело вы, Блэнт, — шепнул он на ухо своему приятелю. — Этот русский полковник в татарском лагере мне прямо противен, и хотя, благодаря ему, моя голова и не слетела с плеч, но я не могу смотреть ему прямо в глаза: он внушает мне такое презрение!

Сказав это, Жоливе окинул Огарева с ног до головы презрительным, высокомерным взглядом и отошел прочь. Заметил ли Огарев этот оскорбительный для себя взгляд пленника или нет? Во всяком случае, он не показал этого.

— Кто вы такие? — спросил он по-русски.

— Два газетных корреспондента английской и французской печати, — лаконически отвечал Гарри Блэнт.

— Вы, конечно, имеете при себе бумаги, удостоверяющие вашу личность?

— Вот письма, уполномочивающие нас жить в России и состоять при французской и английской канцеляриях.

Иван Огарев взял письма и стал внимательно читать их.

— Вы просите, — сказал он, — разрешения следовать за нашими войсками дальше в Сибирь?

— Мы просим нас освободить, вот и все, — сухо отвечал английский корреспондент.

— Но вы свободны, господа, — отвечал Иван Огарев, — и мне будет очень интересно прочесть вашу хронику в «Ежедневном Телеграфе».

— Милостивый государь, — отвечал Блэнт с невозмутимостью истого англичанина, — номер этой газеты стоит шесть пенсов с почтовыми издержками включительно.

Сказав это, он повернулся к своему товарищу, по-видимому, очень довольному его ответом. Иван Огарев и бровью не повел, он вскочил на лошадь и, окруженный своею свитой, быстро скрылся в облаках пыли.

— Итак, Жоливе, какого вы мнения о полковнике Огареве или, что то же, о предводителе татарского войска? — спросил англичанин.

— Я думаю, дорогой друг, — улыбаясь, отвечал Жоливе, — что жест, которым хуш-беги собирался рубить нам головы, был великолепен!

Как бы то ни было и какие бы ни были причины, заставившие Ивана Огарева поступить так великодушно относительно двух журналистов, эти последние были свободны и могли, по желанию, беспрепятственно разъезжать по всему театру военных действий. Они решили продолжать свое путешествие. Чувство антипатии, испытываемое ими когда-то друг к другу, превратилось в самую искреннюю дружбу. Блэнт не мог забыть услуги, оказанной ему французом, о чем тот не любил даже и вспоминать. В общем, их дружба, облегчая им репортерский труд, послужила в пользу и их читателям.

— А теперь, — спросил Гарри Блэнт, — что же мы станем делать с нашей свободой?

— Злоупотреблять ею, конечно, черт подери, — отвечал Жоливе. — Мы преспокойно отправимся в Томск и станем наблюдать над всем, что там делается.

— До той минуты, и, надеюсь, близкой минуты, когда мы сможем присоединиться к какому-нибудь русскому отряду?

— Как вы выражаетесь, мой дорогой Блэнт! Вы начали отатариваться! Если оружие победителей просвещает побежденных — тогда хорошо. В настоящем же случае ясно, что народы Средней Азии ничего не выиграют от татарского нашествия, а, напротив, только проигрывают. Но, конечно, русские сумеют прогнать их! Все дело во времени!

Между тем приезд Ивана Огарева, возвративший свободу иностранцам, был большим несчастьем для Михаила Строгова. Если случай столкнет их друг с другом, то, конечно, первый не замедлит узнать в нем путешественника, с которым он так сурово обошелся в Ишиме, и, хотя Михаил молча перенес это оскорбление, все же на него будет обращено внимание, а это может повредить исполнению его планов. Вот в чем и заключалась дурная сторона приезда Ивана Огарева. Одно только было хорошо — это то, что Феофар отдал приказ перевести немедленно свою главную квартиру в Томск. Таким образом, исполнялось самое горячее желание Михаила Строгова.

Он рассчитывал добраться до Томска, замешавшись в толпу пленных и не рискуя попасться в руки разведчикам, шинярившим без устали кругом города. Теперь же, по приезде в лагерь Ивана Огарева, опасаясь быть им узнанным, он положительно не знал, как поступить, и думал, что не лучше ли будет просто-напросто бежать из татарского лагеря? И наверное, он остановился бы на этом последнем решении, если бы в лагере не пронеслась вдруг неожиданная новость, что Феофар-Хан и Иван Огарев во главе нескольких тысяч кавалерий уже отправились в Томск.

«Что же делать? — подумал Строгов. — Придется подождать, пока не представится какой-нибудь исключительный случай к побегу. Вся опасность заключается до Томска, за Томском же, стоит мне только перейти через восточные татарские посты, и я свободен. Еще три дня терпения и... да поможет мне Бог!»

Действительно, пленникам предстояло трехдневное путешествие через степь, под охраной многочисленного татарского отряда. Лагерь отстоял от города на сто пятьдесят верст.

Для солдат, пользующихся всеми удобствами, переход этот был, конечно, нетруден, но для несчастных, больных и изнуренных всевозможными лишениями пленников он был ужасен. Немало трупов легло во время этого перехода по большой сибирской дороге.

12 августа в два часа пополудни топчи-баши отдал приказ выступить в поход. Небо было безоблачно — солнце пекло невыносимо.

Альсид Жоливе и Гарри Блэнт, купив себе лошадей, уехали еще раньше в Томск, где, по странному стечению обстоятельств, суждено было встретиться всем главным лицам этого романа.

Среди пленных, доставленных в татарский стан Иваном Огаревым, была одна старая женщина, молчаливость которой даже как будто выделяла ее из числа всех разделявших с ней ее участь. Ни одна жалоба не исходила из ее уст. Ее можно было назвать статуей печали. За этой женщиной, неподвижной и безмолвной, день и ночь следила Сангарра. С ней обращались грубее и строже, чем с другими, но, казалось, она не замечала ничего. Само Провидение послало ей ангела-хранителя в лице молодой девушки, отважной и милосердной, созданной понять ее и поддержать в ней дух.

Это была тоже пленница, девушка замечательной красоты. Она так же, как и старая сибирячка, совершенно безучастно относилась ко всей окружающей их обстановке, но по отношению к старухе она, казалось, задалась целью заботиться о ней как о родной матери. Они не обмолвились еще ни единым словом, но молодая девушка всегда как-то вовремя умела помочь старухе.

Та первое время принимала эти услуги красавицы незнакомки довольно недоверчиво. Мало-помалу, однако, всегда открытый, честный взгляд молодой пленницы, ее скромность и сдержанность и эта таинственная симпатия к ней победили наконец высокомерную холодность Марфы Строговой. Надя — так как это была она — могла таким образом оказывать матери те же услуги, что когда-то оказывал ей ее сын. Ее врожденная доброта сослужила ей двойную службу. Почтенный возраст старухи охранял, в свою очередь, молодость и красоту Нади. Глядя на эту молчаливую группу двух женщин, из которых одна казалась бабушкой, другая — внучкой, всякий проникался к ним уважением. Когда татарские разведчики схватили Надию и увезли ее на своей барке в Омск, она сделалась пленницей вместе со всеми захваченными там в плен Иваном Огаревым, в том числе и с Марфой Строговой. Если бы Надя была менее энергична, она, наверное, не перенесла бы этого двойного удара и погибла бы. Прерванное путешествие, внезапная смерть Михаила Строгова — все это вместе повергло ее и в отчаяние, и в негодование. Оторванная, быть может, навсегда от своего отца, разлученная со своим отважным спутником, она вдруг

потеряла все. Образ Михаила, исчезнувшего в водах Иртыша, не покидал ее ни на минуту. Неужели он утонул? Для кого же Господь творит Свои чудеса, если этот честный, благородный человек так безвременно и так недостойно погиб?!

«Кто отомстит за умершего, ведь он не может теперь отомстить сам за себя? — думала Надя и в глубине сердца своего взывала к Господу: — Боже, сделай, чтоб это была я!»

Естественно, что, погруженная в свои невеселые думы, Надя оставалась нечувствительной к испытываемым ею лишениям в плену. И вот случай свел ее с Марфой Строговой. Она и не подозревала, кто была эта женщина! Да и как могла она поверить, что эта старуха пленница — мать ее спутника, которого она знала только под именем купца Николая Корпанова? А с другой стороны, как могла догадаться Марфа, что чувство признательности в этой незнакомой молодой девушке связывало ее с ее сыном?

Марфа Строгова сразу обратила на себя внимание Нади. Это равнодушие старой женщины к материальным лишениям их каждодневной жизни, это презрение к физическим страданиям могло быть вызвано только сильной нравственной скорбью. Так думала Надя, и она не ошиблась.

И вот между ними незаметно, почти инстинктивно, возникла самая нежная симпатия друг к другу. Если на пути встречались затруднения и молодая девушка видела, что Марфе тяжело идти, она сейчас же предлагала ей руку и поддерживала ее. Когда пленным раздавали пищу, старуха не двигалась с места, но Надя всякий раз делилась с ней своей скудной порцией. Благодаря своей молоденькой спутнице Марфа Строгова могла идти следом за солдатами, конвоирующими пленный отряд, не будучи привязана к луке седла одного из них, как это делалось со многими из этих несчастных, больных женщин.

— Да наградит тебя Бог за твое внимание к моей старости, дочь моя! — сказала однажды ей Марфа Строгова, и это были единственные слова, произнесенные между ними за это время.

В продолжение следующих дней, скучных и однообразных, она, казалось, поневоле должны были разговариваться. Но Марфа Строгова по-прежнему молчала. Она ни разу не заикнулась ни о сыне, ни о роковой встрече, так внезапно столкнувшей их лицом к лицу. Надя со своей стороны также, если и не молчала все время, то говорила мало и сдержанно. Но вот однажды, чувствуя, что перед ней простая и высокая душа, она откровенно рассказала ей обо всем, что произошло с ней со времени отъезда ее из

Владимира до самой смерти Николая Корпанова. Ее рассказ о молодом ее спутнике живо заинтересовал старую сибирячку.

— Николай Корпанов? — проговорила она. — Расскажи мне еще про этого Николая! Я знаю только одного человека, единственного среди нынешней молодежи, такое поведение которого меня бы несколько не удивило. Николай Корпанов! Настоящее ли это было его имя? Уверена ли ты в этом, дочь моя?

— Почему же он стал бы меня обманывать, — отвечала Надя, — когда он никогда ни в чем меня не обманывал?

Между тем какое-то предчувствие заставляло Марфу расспрашивать о нем все подробнее и подробнее.

— Ты сказала, что он был отважен, дочь моя! Ты мне доказала это! — сказала она.

— Да, отважен, — отвечала Надя.

«И мой сын был такой же», — думала про себя Марфа Строгова.

— Ты мне говорила, — снова начинала она, — что он не останавливался ни перед чем, что его ничто не удивляло, что он был кроток и что нежность выражалась даже в его силе, что он был для тебя и сестра, и брат и что он заботился о тебе, как может заботиться только нежная мать?

— Да-да! — воскликнула Надя. — Брат, сестра, мать, он был все для меня!

— А чтобы защищать тебя, он превращался в льва?

— Да, действительно, льва! — отвечала Надя. — Да, он был и лев, и герой в одно и то же время!

«Мой сын, мой сын!» — думала старая сибирячка.

— Он был высок ростом? — спросила она.

— Очень высок!

— И очень красив собой, не правда ли? Ну, отвечай же мне, дочь моя!

— Он был очень красив, — отвечала Надя, вся покраснев.

— Это был мой сын! Говорю тебе, это был мой сын! — вскричала старуха, обнимая Надю.

— Ваш сын? — отвечала страшно изумленная и смущенная Надя. — Ваш сын!

— Ну расскажи же мне все, — продолжала Марфа, — все до конца. Твой спутник, твой друг, твой покровитель, имел он мать? Разве он никогда не говорил тебе о своей матери?

— О своей матери? — сказала Надя. — Он говорил мне о своей матери так же, как я рассказывала ему об отце, часто, постоянно! Он обожал свою мать!

— Надя, Надя, ты рассказала мне историю моего сына, — сказала старуха. — Скажи же мне, проходя через Омск, он не должен был видаться со своей матерью?

— Нет, — отвечала Надя, — нет, не должен был.

— Нет? — воскликнула Марфа. — И ты смеешь мне говорить: нет?

— Я вам сказала «нет», но я должна прибавить, что по каким-то причинам, очень важным, но мне неизвестным, я думаю, что Николай Корпанов должен был проходить через Сибирь, сохраняя глубокое инкогнито. Это был для него вопрос жизни и смерти, нет, скорее вопрос долга и чести.

— Да, ты права: это был его долг, великий долг, — проговорила старая сибирячка. — Долг, для выполнения которого жертвуют всем, отказывают себе во всем, даже в простой радости прийти и поцеловать, быть может, в последний раз старуху мать. То, что тебе неизвестно, Надя, и то, что было до сих пор и для меня тайной — теперь я узнала! Твой рассказ открыл мне все. Но тот свет, что ты пролила мне в душу, я не могу поделиться им с тобой! Если сын мой не открыл тебе своей тайны, то и я не в праве открывать ее. Прости мне, Надя! Я плачу тебе неблагодарностью за всю доброту твою ко мне.

— Мать, — отвечала Надя, — я не спрашиваю у вас ни о чем.

Да, теперь для старой сибирячки все стало ясно, все, даже странное поведение ее сына в Омске, в присутствии посторонних свидетелей их встречи. Не было сомнения, что спутник молодой девушки был не кто другой, как Михаил Строгов. Какое-нибудь тайное поручение, быть может, важная депеша, которую он должен был отвезти через завоеванную страну, заставила его скрывать свою должность царского курьера.

«Ах, мое дорогое дитя, — думала Марфа Строгова. — Нет, я не предам тебя, никакие мучения не заставят меня признаться в том, что я видела в Омске своего сына!»

ГЛАВА III

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

Таковы были теперь отношения между Надей и Марфой Строговой. Старухе все было понятно и ясно как день. Молодая же девушка, хотя и оставалась еще в неведении насчет судьбы, постигшей ее спутника, знала, по крайней мере, что женщина, заступившая ей место матери, в то же время мать и ему, и

благодарила Бога за то, что Он даровал ей эту радость и дал возможность заменить старой пленнице ее погибшего сына. Но ни одной из них не было известно, что Михаил Строгов, взятый в плен при Колывани, находился в том же отряде военнопленных, что и они, и что он шел теперь вместе с ними в Томск.

Пленных, доставленных Иваном Огаревым, присоединили к тем, что находились уже раньше в татарском стане. Тут были и сибиряки, и русские, военные и штатские, всего несколько тысяч человек, и отряд этих несчастных растянулся на несколько верст по дороге. Некоторые из них, как преступники, были в кандалах и шли, прикованные к одной длинной цепи. Тут были также женщины и дети, связанные или привязанные к седлам и к стременам, и их тоже безжалостно тащили по пыльной дороге. Всех их гнали и били, подгоняя, как гонят скот, когда его ведут на убой. Тех, что не в силах были идти дальше и падали по дороге от усталости, тех просто убивали.

Михаил Строгов шел в передних рядах вместе с колыванскими пленниками, пленники же, пришедшие из Омска, шли намного сзади него. Таким образом, ни Марфа Строгова с Надей, ни Михаил не могли подозревать, что находятся так близко друг от друга.

Правый берег Оби до самого начала предгорья Саянской возвышенности, простирающейся и на север, и на юг, представляет собою угрюмую, пустынную местность. Несколько жалких, выжженных солнцем кустарников одни оживляют эту однообразную, бесконечную равнину. Недостаток в растительности происходит от недостатка воды, и для пленников, изнуренных на пути жаждою, это было еще новое мучение. Чтобы достать проточной воды, надо было свернуть на восток, верст на пятьдесят в сторону, почти до самого предгорья Саянских гор, служившего водоразделом Обского и Енисейского бассейнов. Там протекала речка Томь, маленький приток Оби; протекая через город Томск, она терялась в одной из обширных северных водных артерий; там воды было в изобилии, степь была не так суха, воздух не так душен.

Но начальникам пленного отряда было строго-настрого приказано идти в Томск самой прямой и кратчайшей дорогой. Эмир боялся, чтобы какая-нибудь русская колонна не ударила с севера ему во фланг и не отрезала бы его от армии. Большая же Сибирская дорога, по которой шли наши пленники, находилась от речки Томи в пятидесяти верстах. Бесполезно описывать все мучения этих несчастных. Сотни их падали мертвыми по дороге и, брошен-

ные в степи, должны были лежать там и ждать, когда суровая зима пригонит сюда волков и те сожрут их сгнившие трупы.

Как Надя ни на шаг не отходила от старой сибирячки и всегда готова была услужить ей, так и Михаил Строгов по мере сил своих старался помогать и услуживать тем, кто был слабее его. На нем не было оков, и он свободно переходил от одного к другому, ободряя одних, поддерживая других, покуда удар хлыста одного из конвойных солдат не заставлял его возвращаться на назначенное ему место. Но почему же он не искал случая бежать? Да потому, что теперь, по его мнению, бежать и скрываться в степи было не только опасно, но прямо безрассудно. Достаточно было взглянуть на многочисленные отряды войск, постоянно наводняющие равнину то с юга, то с севера, и становилось ясно, что несчастный беглец не сделал бы и двух верст, как снова попался бы в плен.

Наконец 15 августа, уже под вечер, пленный отряд достиг небольшого селца, Забедьера, находившегося в верстах тридцати от Томска. В этом месте дорога подходила к берегам реки Томи. Первым движением пленных было, конечно, броситься к реке, но солдаты не позволяли им выходить из рядов, пока начальниками отряда не дан был сигнал к остановке.

Хотя в эту пору течение Томи и было страшно стремительно и даже бурно, но кто же мог поручиться за то, что среди пленных не нашлись бы такие смельчаки или просто отчаявшиеся люди, готовые ради свободы броситься в реку, и, кто знает, быть может, бегство удалось бы им? И вот к предупреждению подобного бегства были приняты самые строгие меры. Стоявшие на реке барки были поставлены на шпринг, и из них образовался сплошной ряд непреодолимых препятствий. Кругом расположившегося на отдых отряда пленных был поставлен кордон, и прорвать эту цепь часовых было также невозможно.

Михаил Строгов, думавший раньше воспользоваться этим временем для своего бегства, понял, что при подобных условиях планы его не могут осуществиться, и, не желая рисковать своей свободой, решил снова ждать.

Эту ночь пленники должны были провести на берегу Томи...

Как только отряд военнопленных расположился биваком, люди, измученные жаждою, бросились к реке. Солнце уже село, но на горизонте еще белела светлая полоса, когда Надя, поддерживая Марфу Строгову, подошла с ней к берегу Томи. До сих пор ни той, ни другой не удалось еще пробраться сквозь густые ряды стоявших впереди них и жаждущих освежиться, и им

пришлось долго ждать своей очереди. Старуха нагнулась над прозрачной струей, а молодая девушка, почерпнув в горсть воды, поднесла светлую влагу к ее запекшимся губам. Напив мать, она стала пить сама. Благодатные воды Томи вернули их снова к жизни. Собираясь уходить с берега, Надя встала, выпрямилась, и вдруг невольный крик вырвался из ее груди. В нескольких шагах от нее стоял Михаил Строгов!.. Да, это был он!.. Последние отблески потухающего дня еще освещали его!

При крике Нади Михаил задрожал... Но у него хватило настолько самообладания, что он не произнес даже ни одного слова, могущего выдать его. А между тем, одновременно с Надей, он узнал и свою мать!.. При этой неожиданной встрече, чувствуя, что не в силах более владеть собой, он закрыл глаза рукой и быстро удалился. Надя бросилась за ним, но старуха схватила ее за руку и не пустила.

— Останься, дитя мое, — шепнула она.

— Это он, — отвечала Надя, прерывающимся от волнения голосом. — Он жив, это он!

— Это мой сын, — сказала Марфа, — это Михаил Строгов, ты видишь, что я не подхожу к нему! Бери пример с меня, моя дочь!

Михаилу Строгову пришлось испытать одно из самых сильных душевных волнений, когда-либо испытываемых человеком.

Его мать и Надя в плену! Эти две женщины, почти одинаково дорогие его сердцу, Самим Богом были посланы навстречу друг другу, и их постигла одна и та же ужасная участь! А Надя! Знала ли она: кто он был? Нет, не знала. Он видел, как мать остановила ее в ту минуту, как она собралась броситься к нему. Значит, Марфа Строгова знала все и берегла его тайну. В эту ночь Михаил не раз порывался пойти и, быть может, в последний раз обнять свою мать и пожать хорошенькую ручку ее молодой спутницы, но благоразумие каждый раз удерживало его. Ведь малейшая неосторожность могла погубить и его, и их. К тому же он дал клятву не видеться с матерью... и он не увидится с ней по своей воле! В эту ночь ему не удастся бежать, но зато, как только они придут в Томск, он сейчас же бросится в степи, даже не обняв двух дорогих для него существ, в которых заключалась вся его жизнь и которых он безжалостно бросил на новые мучения!

Михаил Строгов надеялся, что эта встреча не будет иметь никаких дурных последствий ни для него, ни для его матери. Но он не знал, что свидетельницей этой сцены, хотя и мгновенной и почти незаметной для других, была Сангарра, шпионка Ивана

Огарева. Цыганка была там, всего в нескольких шагах от берега, следя по обыкновению за старой сибирячкой. Она не могла видеть Михаила Строгова: в ту минуту как она обернулась, он уже успел скрыться в толпе, но движение матери, схватившей за руку Надю, не ускользнуло от нее, а особый блеск в глазах Марфы объяснил ей многое.

Иван Огарев принял цыганку немедленно.

— Что тебе от меня надо, Сангарра? — спросил он.

— Сын Марфы Строговой в лагере, — отвечала Сангарра.

— Пленник?

— Пленник!

— Ах, — вскричал Иван Огарев, — я узнаю!..

— Ты ничего не узнаешь, Иван, — перебила его цыганка, — ведь ты же его совсем не знаешь?

— Но ты зато знаешь! Ты видела его, Сангарра!

— Я лично его не видела, но я видела, как его мать невольным движением выдала самое себя, и по этому движению я все узнала.

— Ты не ошибаешься?

— Нет, не ошибаюсь.

— Ты знаешь, какое значение я придаю аресту царского курьера, — сказал Иван Огарев. — Если письмо, данное ему в Москве, дойдет до Иркутска, если оно попадет в руки великому князю, то великий князь примет все меры предосторожности, и я не попаду к нему. Мне нужно во что бы то ни стало перехватить это письмо! И вдруг ты приходишь и говоришь, что тот, у кого это письмо, в моей власти! Я спрашиваю тебя еще раз, Сангарра, ты не ошибаешься?

Говоря это, Огарев был страшно взволнован. Он придавал громадное значение этому письму, но его недоверчивые расспросы ничуть не смутили Сангарру.

— Говорю тебе, Иван, я не ошибаюсь, — повторила она.

— Но, Сангарра, в лагере целые тысячи пленников, а ты говоришь, что даже в лицо не знаешь Михаила Строгова?

— Нет, — отвечала она, и дикая радость озарила ее лицо, — я его не знаю, но мать должна знать своего сына! Иван, надо заставить говорить его мать!

— Завтра она у меня заговорит! — вскричал Иван Огарев.

Он подал руку цыганке, и та поцеловала ее, но в этом знаке почтения, столь обычном у северян, не было ничего унижительного. Сангарра вернулась в лагерь. Она отыскала Надю и Марфу Строгову и поместилась невдалеке от них. Старуха и молодая девушка, несмотря на усталость, еще не

спали. Волнение, беспокойство — все заставляло их бодрствовать. Михаил Строгов был жив, но он был так же, как и они, пленник! Знал ли об этом Иван Огарев, а если не знал, то разве все равно не узнает?

На следующий день, 16 августа, около 10 часов утра на линейке лагеря раздались вдруг оглушительные звуки труб. Солдаты-татары моментально схватились за оружие. Окруженный многочисленной свитой, в лагерь въезжал сам Иван Огарев.

Он был мрачен, мрачнее обыкновенного. Черты лица его выражали глухой, затаенный гнев, готовый ежеминутно вылиться наружу и разразиться в бешенство. Михаил Строгов, затерянный в толпе, видел, как этот человек проезжал мимо него.

Он предчувствовал, что произойдет какая-нибудь катастрофа; ведь теперь Огареву было известно, что Марфа Строгова — родная мать Михаила Строгова, капитана фельдъегерского корпуса.

Выехав на середину лагеря, Иван Огарев соскочил с лошади, а офицеры, сопровождавшие его, разместились вокруг него широким кольцом. В эту минуту подошла Сангарра и сказала:

— Я не могу сообщить тебе ничего нового, Иван!..

Вместо всякого ответа Огарев быстро отдал какое-то приказание одному из офицеров. Вслед за этим солдаты бросились бегать по рядам военнопленных. Они хлестали их, били палками, пока не подняли всех на ноги и не заставили установиться в правильные ряды. Пехота и кавалерия встала позади них в четыре линии, отрезав, таким образом, всякий путь к бегству. В лагере водворилась мертвая тишина. И вот по знаку Ивана Огарева Сангарра приблизилась к той группе, где стояла Марфа Строгова. Старая сибирячка завидела ее еще издали. Она поняла, что должно было произойти, и улыбка презрения искривила ее лицо. Она быстро наклонилась к Наде и шепнула ей на ухо:

— С этой минуты, дочь моя, ты меня не знаешь! Что бы ни случилось, как тяжело, жестоко ни было бы испытание, ни слова, ни жеста! Дело идет ни обо мне, а о нем!

В эту минуту к ним подошла Сангарра и положила свою руку на плечо старой сибирячки.

— Чего ты хочешь от меня? — спросила Марфа.

— Ступай за мной! — отвечала цыганка, и, толкая старуху рукой, она подвела ее к Огареву.

Михаил Строгов опустил голову, он боялся, чтобы блеск его глаз не выдал его.

Очутившись перед Огаревым, Марфа гордо выпрямилась и, скрестив руки на груди, остановилась в ожидании.

— Ты и есть Марфа Строгова? — спросил Иван Огарев.

— Да, — спокойно отвечала старуха.

— Ты помнишь, что ты мне отвечала три дня тому назад, когда я тебя расспрашивал в Омске?

— Да.

— Значит, ты не знаешь, что твой сын, Михаил Строгов, фельдъегерь, был в Омске?

— Не знаю...

— А тот человек, которого ты приняла на почтовой станции за своего сына, был, значит, не он — не твой сын?

— То не был мой сын.

— А после этого ты не встречалась с ним среди этих пленников?

— Нет.

— А если бы тебе его показали, ты узнала бы его?

— Нет.

И в этом «нет» звучало столько решительности и непоколебимой твердости, что сразу всем ясно стало, что эта женщина ни за что не выдаст своего сына. В толпе пронесся ропот. Огарев не мог сдержать угрожающего жеста.

— Слушай, ты, — сказал он ей, — твой сын здесь, и ты сию же минуту укажешь мне его!

— Нет!

— Все мужчины, взятые в плен в Омске и Колывани, пройдут мимо тебя, и, если ты не укажешь мне Михаила Строгова, ты получишь столько ударов кнута, сколько человек пройдет мимо тебя!

Огарев понимал, что никакие угрозы, мучения, ничто не заставит говорить эту упрямую старуху, но в данном случае он рассчитывал не на нее, а на самого Михаила. Он не верил, чтобы мать и сын при встрече не обнаружили хотя бы малейшего признака волнения. Разумеется, если бы дело шло только о письме государя, то он просто-напросто приказал бы обыскать всех пленников. Но Михаил Строгов мог уничтожить это письмо, узнав предварительное его содержание. А если никем не узнанный он проберется в Иркутск, ведь тогда все планы Ивана Огарева рушатся. Итак, не одно только письмо было нужно этому негодяю, но и сам он, владелец этого письма.

Надя все слышала. Теперь и ей стало известно, кто был Михаил Строгов и почему он так заботливо скрывал свое имя.

По знаку Огарева мимо Марфы Строговой потянулась длинная вереница пленных мужчин. Она стояла неподвижно и молча, как статуя, взгляд ее выражал полное равнодушие. Ее сын был в последних рядах. Когда пришла его очередь проходить мимо матери, Надя, чтобы не видеть его, закрыла глаза. Михаил Строгов с виду казался совершенно спокойным, но кулаки его так крепко сжались, что ногти до крови вонзились в ладони его рук. Мать и сын победили Огарева! Стоявшая около него Сангарра шепнула:

— Кнут!

— Да! — вскричал Огарев вне себя от бешенства. — Кнут этой старой мерзавке! Пусть она подохнет под этим кнутом!

Солдат-татарин принес кнут. Это ужасное орудие пытки состояло из нескольких кожаных ремней, обмотанных по концам железною проволокой. Двадцать ударов такого кнута, как говорят, равносильны смерти.

Марфа знала это прекрасно, но она знала также, что никакая пытка не заставит ее предать своего сына, и она решила пожертвовать своей жизнью. Двое солдат схватили ее и бросили на землю. Она упала на колени. Разорванное платье обнажило ее спину. Перед ней, всего в нескольких дюймах, воткнули в землю саблю. В случае, если она согнется под ударом кнута, ее грудь будет проколота острием этой сабли. Татарин уже стоял над ней.

— Начинай! — сказал Иван Огарев.

Кнут засвистел в воздухе... но, прежде чем он упал на несчастную жертву, какая-то мощная рука вырвала его из рук палача. То был Михаил Строгов. Он не выдержал этой отвратительной сцены! Если там на станции в Ишиме, когда Огарев хлестнул его своей плеткой, он сдержался, то тут, при виде мучений матери, он не в силах был более владеть собой. Огарев торжествовал: он достиг своей цели.

— Михаил Строгов! — воскликнул он. — А, да это тот самый, что был тогда в Ишиме, — прибавил он, подходя к Михаилу.

— Он самый! — отвечал Михаил и, взмахнув кнутом, изо всей силы хлестнул им по лицу Ивана Огарева.

— Удар за удар! — воскликнул он.

— Долг платежом красен! — раздался чей-то голос в толпе. Человек двадцать солдат бросились на Михаила Строгова, готовые убить его... Но Огарев удержал их.

— Этого человека будет судить сам эмир! Обищите его!

Письмо под царской печатью было найдено на груди Михаила. Он не успел его уничтожить, и письмо было отдано Огареву. Человек, одобрявший вслух поступок Михаила, был не кто иной, как Альсид Жоливе. Остановившись в лагере при Забедьере, он с англичанином были свидетелями всей этой сцены.

— Черт возьми, — сказал он Гарри Блэнту, — эти северяне жестокий народ! Согласитесь, что мы должны выразить нашу симпатию молодому человеку! Корпанов или Строгов стоят один другого! Я нахожу, что он прекрасно отплатил за свое оскорбление в Ишиме!

— Да, действительно, месть хороша, — отвечал Гарри Блэнт, — но ведь Строгов осужден теперь на смерть. Пожалуй, для него было бы выгоднее совсем не вспоминать об этом происшествии!

— И оставить мать умирать под кнутом?

— А вы думаете, он облегчил этим участь ее и его сестры?

— Ничего я не думаю, ничего не знаю, — отвечал Жоливе. — На его месте я поступил бы несколько не лучше! Какой страшный шрам на лице! Э, да, черт возьми, надо же когда-нибудь и погорячиться! Господь Бог влил бы в нас воду, а не кровь, если бы желал, чтобы мы оставались всегда и везде невозмутимыми!

— А случай хорош для нашей хроники! — сказал Блэнт. — Если бы только Иван Огарев поделился бы с нами содержанием этого письма?

Обтерев кровь с лица, Огарев взял письмо и сломал печать. Он долго читал его и перечитывал несколько раз, как будто желал заучить на память его содержание. Затем, отдав приказание связать Михаила, он снова принял командование над войсками, собравшимися под Забедьеро, и при оглушительных звуках труб и барабанного боя направился в Томск, где его ожидал эмир.

ГЛАВА IV

ТРИУМФАЛЬНЫЙ ВЪЕЗД

Томск, основанный в 1604 году почти в сердце Сибири, считается одним из самых важных городов Азиатской России.

Тобольск, расположенный над шестидесятой параллелью, Иркутск, стоящий за сотым меридианом, видели, как Томск разрастался в ущерб им. А между тем Томск, как мы уже говорили, не есть главный город этой обширной губернии. Генерал-губернатор и весь официальный мир живут в Омске. Томск же

считается самым важным городом в промышленном отношении, и действительно, на всем протяжении Алтайских гор, то есть между китайской границей и хакасской землей, нет города богаче Томска. По склонам Алтайских гор, вплоть до долины Томи, находятся богатые руды платины, золота, серебра и золотистого свинца. Богатая страна — богатый и город, стоящий в центре этой плодотворной промышленности. Томск — город миллионеров, разбогатевших с помощью кирки и мотыги. По роскоши своих зданий, обстановке, экипажам — он может смело соперничать с первыми европейскими столицами, и если он и не имеет счастья быть резиденцией представителя государя, то зато там живет главный управляющий сибирского горного округа.

Красив ли город Томск? Надо сознаться, что путешественники в своих мнениях расходятся насчет его красоты. Так, госпожа Бурбулон, останавливавшаяся по дороге из Шанхая в Москву в Томске на несколько дней, в своих заметках представляет нам его мало живописным. По ее словам, это незначительный городок, с ветхими, деревянными домишками, грязными, узкими улицами и массой пьяных мужиков, у которых «самое пьянство выражается как-то апатично, как и все, что делается у северных народов».

Путешественник же Генрих Руссель-Киллуг, напротив, в восторге от Томска. Быть может, все зависело от того, что господин Руссель-Киллуг видел Томск зимою, а госпожа Бурбулон — летом. Это весьма возможно, так как красота некоторых холодных стран может быть оценена только зимою, тогда как красоты жарких стран — только летом. Как бы то ни было, но господин Руссель-Киллуг утверждает, что Томск со своими домами, украшенными галереями и колоннами, с деревянными тротуарами, с широкими, правильными улицами и пятнадцатью великолепными церквями, отражающимися в водах Томи, шире которой нет ни одной реки во Франции, есть не только самый красивый город во всей Сибири, но и один из красивейших во всем мире. Правда кроется, конечно, в середине этих двух, столь противоположных между собой, мнений.

Вот в этом-то Томске эмир и собирался встретить победоносные войска. В честь их предполагалось устроить праздник с пением, танцами и всевозможными представлениями, заканчивающимися какой-нибудь шумной оргией.

Для этой церемонии была выбрана широкая площадь на одном из соседних холмов, на берегу реки Томи. Отсюда открывался чудесный вид. Весь горизонт с длинной перспективой элегантных домов и церквей с блестящими куполами, с многочисленными

речными излучинами, с садами, тонувшими в теплом тумане, был окружен чудной темно-зеленой рамкой роскошных сосен и величественных кедров. Налево от площади, по широким уступам холма была воздвигнута сверкающая яркими красками декорация, изобразившая роскошный дворец затейливой архитектуры.

Ровно в четыре часа пополудни затрубили в трубы, забили в тамтамы, началась пальба из пушек и на площадь выехал Феофар-Хан. Под ним был его любимый конь с брильянтовым султаном на голове. Эмир остался в своем походном мундире. По бокам его шли хан кокандский и хан кундузский, сзади сановники и блестящая свита. В ту же минуту на террасе показалась и главная жена Феофара, царица, если только это название может быть дано султаншам Бухары. Но царица или раба, эта женщина, родом персиянка, была обворожительно хороша собой. Вопреки магометанскому обычаю и, разумеется, по желанию эмира, лицо ее было открыто. Ее волосы, заплетенные в четыре косы, как змеи вились по ослепительной белизны плечам, едва прикрытым шелковым, затканым золотым газом. На ней была сборчатая рубашечка «*prahp*» с грациозным вырезом вокруг шеи, перехваченная на талии золотым поясом, шелковая юбочка с широкими голубыми и синими полосами, из-под которой ниспадал «зирджаме» из шелкового газа и маленькая шапочка, вся разукрашенная драгоценными камнями с прикрепленной сзади шелковой, затканной золотыми блестками вуалью. От головы до ног, обутых в персидские туфельки, на ней было такое изобилие украшений, золотых томанов, нанизанных на серебряные нити турецких четок «*figouzehs*», добытых в знаменитых рудниках Эльбруса, ожерелий, из сердоликов, агатов, изумрудов, опалов и сапфиров, что ее юбочка и корсаж казались сотканными из драгоценных камней. Что же касается до брильянтов, сверкающих на ее груди, руках, поясе и на туфельках, то, наверное, стоимость их превышала не один миллион.

Эмир, ханы и вся татарская знать, составляющая их кортеж, спешили с лошадой и разместились в великолепной палатке, раскинутой посредине нижней террасы. Перед палаткою, по обыкновению, на священном столе возлежал Коран.

Адъютант Феофара не заставил себя долго ждать, не прошло и пяти минут, как новые трубные звуки возвестили о его приезде. Иван Огарев или Клейменный, как его уже называли теперь, одетый на этот раз в турецкую форму, подъехал верхом к ханской

¹ Персидская монета в двенадцать рублей.

палатке. За ним следовала часть войска из забедьерского лагеря. Солдаты выстроились по обеим сторонам площадки, оставив посредине небольшое пространство, предназначенное для представлений. Широкий кровавый рубец, рассекавший вкось все лицо негодяя, так и бросался всем в глаза. Иван Огарев представил эмиру старших офицеров, и Феофар-Хан, не выходя из границ своей неприступности, составлявшей основу его величия, принял их настолько ласково, что они остались вполне довольны его приемом. Так, по крайней мере, передавали впоследствии Гарри Блэнт и Альсид Жоливе, эти два неразлучника, соединившиеся теперь для охоты за новостями. Покинув Забедьеро, они поспешили явиться в Томск. Они твердо решили оставить татар, догнать как можно скорее какой-нибудь русский отряд и, если это возможно, идти вместе с ним в Иркутск.

Все происшедшее на их глазах — это вторжение неприятеля, эти грабежи, эти пожары, эти убийства, — все возмущало их до глубины души, и они всеми силами стремились поскорее попасть в ряды сибирского войска. Тем не менее Альсид Жоливе убедил своего спутника, что он не может покинуть Томск, не описав предварительно этот триумфальный въезд татарских войск — хотя бы только для любопытства своей кузины, — и Гарри Блэнт согласился остаться еще на несколько часов, с тем, однако, чтобы в тот же вечер ехать дальше в Иркутск. Имея хороших лошадей, они надеялись приехать туда раньше эмира. Итак, Альсид Жоливе и Гарри Блэнт вмешались в толпу и смотрели, стараясь не пропустить ни одной подробности этого празднества, долженствовавшего дать им такой богатый материал для их хроники. Они любовались величием Феофар-Хана, красотой его жен, его офицерами, его гвардией и всей этой восточной помпой, о которой европейские празднества не могут дать никакого понятия. Но когда перед эмиром явился Иван Огарев, иностранцы отвернулись от него с презрением и с большим нетерпением стали ждать начала празднества.

— Видите ли, дорогой Блэнт, — сказал Альсид Жоливе, — мы пришли слишком рано, как добрые буржуа, не желающие пропустить ни минутки за свои денешки. Все это только начало, так сказать, поднятие только занавеса. Было бы гораздо интереснее явиться прямо на балет.

— Какой балет? — спросил Блэнт.

— Балет самый настоящий, черт возьми! Но мне кажется, занавес уже поднялся.

Жоливе говорил так, как будто на самом деле сидел в театре. Вынув из футляра бинокль, он уже приготовился смотреть с видом человека, близко знакомого с «первыми артистами из труппы Феофара». Но представлению должна была предшествовать еще одна тяжелая церемония. Действительно, торжество победителей было бы неполно без публичного унижения покоренных. Вот почему солдаты кнутами выгнали на площадь несколько сотен своих пленников. Прежде чем быть брошенными в городские тюрьмы, они должны были пройти вереницей мимо Феофар-Хана и его свиты. Среди пленников, в первом ряду, стоял Михаил Строгов. По приказанию Ивана Огарева к нему был приставлен особый конвой. Его мать и Надя были там же. Старая сибирячка, всегда такая энергичная, когда дело касалось только ее одной, на этот раз была очень бледна. Она ждала ужасной сцены и готовилась к ней. Не без причины повели сына ее к эмиру. Она дрожала за него. Иван Огарев не простит публично нанесенного ему оскорбления, и месть его будет жестока. Ее сыну, без сомнения, грозила какая-нибудь зверская казнь, столь обычная у варваров Средней Азии. Если Огарев не допустил солдат убить его при Забедьеро, то это потому, что он приберегал его для суда самого эмира.

Со времени этой злосчастной сцены мать и сын не могли перекинуться ни одним словом. Их тотчас же безжалостно разлучили. А Марфе Строговой так хотелось попросить прощения у своего сына! Она обвиняла себя, что не сумела победить своего материнского чувства, и мучилась, что причинила сыну своему невольное такое непоправимое зло. Ведь если бы она сумела сдержаться в Омске, Михаил был бы неузнан, и тогда скольких несчастий они могли бы избежать? А Михаил, в свою очередь, тоже думал, что если мать его тут, если Иван Огарев опять свел их вместе, то, наверное, и ей, и ему угрожала теперь какая-нибудь страшная смерть. Что же касается Нади, то бедняжка с мучительной тоской спрашивала себя, как и чем помочь матери и сыну. Она смутно чувствовала, что прежде всего надо избегать обращать на себя внимание, что надо ступаться, сделаться совсем маленькой. Быть может, этим способом ей и удастся разбить оковы, смиряющие льва! Во всяком случае, если бы и представилась какая-нибудь возможность действовать, она стала бы действовать даже тогда, если бы для спасения сына Марфы Строговой приходилось пожертвовать собственной жизнью. Тем временем большая часть пленных уже прошла мимо эмира. Проходя, каждый из них должен был простереться перед ним по земле,

лицом в пыль, в знак покорности. Это было уже рабство, начинающееся с унижения! Когда несчастные не слишком поспешно падали перед своим повелителем ниц, суровая рука стражников грубо швыряла их на землю. Альсид Жоливе и Гарри Блэнт, глядя на это отвратительное зрелище, оскорблялись и возмущались в душе.

— Нет, это слишком низко! Едем! — сказал Жоливе.

— Подождите, — отвечал Блэнт. — Надо все видеть!

— Все видеть!.. Ах! — воскликнул француз и схватил за руку соседа.

— Что с вами? — спросил тот.

— Смотрите, Блэнт! Это она!

— Кто она?

— Сестра, помните того, который с нами вместе ехал! Одна и в плену! Надо спасти ее!

— Будьте благоразумны, — холодно отвечал ему Гарри. — Наше заступничество за эту молодую девушку может послужить ей только во вред, а не в пользу.

Альсид Жоливе, готовый было броситься на помощь, остановился, и Надя, почти совсем закрытая своими роскошными, распущенными волосами, в свою очередь, простерлась перед эмиром на земле, не обратив на себя его внимания.

После Нади показалась Марфа Строгова, и так как она не сразу бросилась в пыль, то солдаты грубо толкнули ее. Она упала. Сын, сделав отчаянное усилие, рванулся к ней. Солдаты с трудом удержали его. Но старая Марфа поднялась, и ее уже собирались оттащить в сторону, когда послышался голос Огарева:

— Пускай эта женщина остается здесь!

Надя затерялась в толпе пленных. Взгляд Ивана Огарева проскользнул мимо нее. Тогда к эмиру подвели Михаила Строгова. Он стоял не опуская глаз.

— Падай ниц! — крикнул ему Иван Огарев.

— Нет, — отвечал Строгов.

Двое солдат силой хотели заставить его согнуться, но вместо того, отброшенные сильной рукой молодого человека, сами упали на землю. Огарев подошел к Михаилу.

— Ты умрешь! — сказал он.

— Я умру, — гордо отвечал Строгов, — но смерть моя не сотрет позорного клейма с твоей рожи, негодяй!

Огарев побледнел как полотно.

— Кто этот пленник? — спросил эмир голосом, в котором слышалось тем более угрозы, чем спокойнее звучал он.

— Русский шпион, — отвечал Иван Огарев.

Выдавая его за шпиона, он знал, что приговор эмира над ним будет ужасен.

Строгов невольно подался в сторону своего обвинителя, но солдаты удержали его.

Тогда по знаку эмира вся толпа пала ниц. Он указал рукою на Коран. Ему подали его. Он раскрыл священную книгу и, не глядя на текст, наугад ткнул пальцем в одну из страниц.

По понятиям этих восточных народов, Сам Бог должен был решить судьбу русского шпиона. В Средней Азии этот способ угадывания судьбы называется «*fal*». По смыслу стиха, на который падает палец судьбы, истолкователи составляют приговор преступнику. Эмир продолжал указывать пальцем на избранное место. Главный улэма подошел к нему и во всеуслышание прочел стих, оканчивающийся словами: «И он перестал видеть на земле».

— Русский шпион! — сказал Феофар-Хан. — Ты пришел к нам, чтобы подсматривать, что делается в моем лагере! Так гляди же, гляди во все твои глаза!

ГЛАВА V

ГЛЯДИ ВО ВСЕ ТВОИ ГЛАЗА, ГЛЯДИ!

Иван Огарев, знакомый уже с татарскими нравами, понял смысл этих слов, и жестокая улыбка на минуту искривила его лицо. Он подошел к Феофару. В эту минуту заиграли в трубы. То был знак начала представлений.

— Вот и балет, — сказал Жоливе, — но, вопреки общепринятому обычаю, эти варвары ставят балет перед драмой!

Михаилу Строгову было приказано смотреть! Он стал смотреть.

Заиграла музыка, и на середину площадки выбежала толпа танцовщиц. Различные татарские инструменты: дутара, похожая на мандолину, с длинным грифом из тутового дерева, с двумя струнами из крученого шелка, настроенными в кварту, кобиз, нечто вроде виолончели, с отверстием в наружной стороне, с натянутыми вместо струн конскими волосами, приводимыми в созвучие смычком, чибизга, длинная флейта из ивы, трубы, бубны, тамтам, — все это вместе, сливаясь с гортанным пением певцов, производило странную, своеобразную музыку. Следует прибавить к этому звуки воздушного оркестра, состоящего из дюжины

бумажных змеев, привязанных к середине длинными бечевками и звучащих под дуновением легкого ветерка, как золотые арфы.

Танцы начались. Танцовщицы были все персиянки. Они принадлежали к свободному сословию и танцевали за плату. Прежде они всегда фигурировали на официальных празднествах при дворе Тегерана, но со времени одного события, происшедшего при троне царствующей фамилии, они были изгнаны из царства и принуждены искать счастья в другой стране. Персиянки были в своих национальных костюмах; драгоценности украшали их в изобилии. Маленькие золотые треугольники и длинные серьги болтались в их ушах, серебряные, с чернью обручи обвивали их шеи, браслеты из двойного ряда драгоценных камней сверкали тысячами огней на руках и на ногах. Золотые подвески, богато перемешанные жемчугом, сердоликами и бирюзой, трепетали на концах их длинных кос. Пояс на талии замыкался брильянтовой звездой. Танцовщицы исполняли очень грациозно различные танцы, то каждая порознь, то все вместе. Лица их были открыты, но время от времени, танцуя, они грациозным движением набрасывали на себя легкие шарфы, и тогда казалось, как будто облако газа спускалось на все эти сверкающие глазки, как спускается иногда туман на звездное небо. У некоторых из персиянок вместо шарфов были кожаные перевязи, расшитые жемчугом, с висящим сбоку треугольным карманом. Из этих карманов, сотканых из золотых ниток, они вытягивали длинные и узкие ленты из яркого шелка с вышитыми на них стихами Корана. Из этих лент, которые они держали между собой, составлялся целый круг, и под этим кругом, не прерывая темпа, как легкие тени, скользили молодые красавицы и, проходя мимо каждого стиха, то простирались до земли, то, делая воздушный прыжок, как бы улетали, желая соединиться с небесными гуриями Магомета. Но что было замечательно и что поразило Альсида Жоливе, это то, что танцы персиянок были какие-то ленивые, тихие, медленные. Им не хватало огня, и по характеру своих танцев, и по способу их выполнения они более напоминали скромных, тихих баядерок Индии, чем страстных танцовщиц Египта.

Когда это первое представление окончилось, послышался важный голос, говоривший:

— Гляди во все твои глаза, гляди!

Человек, повторявший слова эмира, татарин высокого роста, был исполнителем высшей власти, воли Феофар-Хана. Он стоял сзади Михаила Строгова и держал в руке саблю с широким, кривым лезвием из знаменитой дамасской стали.

В это время двое из стражников принесли низкий треножник с жаровней, наполненной пылающими угольями, и поставили рядом с ним. Над жаровней вился легкий пар, а от горевших в ней ладана, смирны и бензоа распространялся смолистый и ароматичный запах.

Между тем на место персиянок явилась новая группа танцовщиц.

— Цыгане из Нижнего Новгорода! — воскликнул Гарри Блэнт, указывая на них своему соседу.

— Они самые! — подтвердил Альсид Жоливе. — Я уверен, что глаза этих шпионов доставят им больше денег, чем их ноги!

И, говоря так, Альсид Жоливе был вполне прав.

Впереди всех, в своем великолепном костюме, живописном и оригинальном, еще более возвышающем ее красоту, виднелась Сангарра. Она не танцевала. Приняв грациозную позу, она стояла посреди своих подруг и, держа в руке трепещущий бубен, руководила танцами. Цыганки плясали под бряцанье цимбалов и гудение данра, и пляска их представляла собою странную смесь цыганского с египетским, испанского с итальянским, в ней отражался характер всех тех стран, где когда-либо кочевало это дикое племя. Вдруг вышел вперед цыган, на вид не старше пятнадцати лет. В руках у него была дутара; он заиграл на ней и запел. При первых звуках его песни, странной, грустной, но вместе с тем чудной, к нему приблизилась одна из танцовщиц и, как бы очарованная, заслушавшись его пения, замерла на месте рядом с ним. Но вот юноша начал свой припев, и она снова принялась танцевать и бить в свой бубен. Так повторялось при каждом куплете, и наконец после последнего припева цыганки увлекли в свои танцы и юношу.

Тогда из рук эмира, его свиты и всех сидящих там офицеров, посыпался на танцующих целый золотой дождь, и к звону монет, падающих на цимбалы цыганских красавиц, еще долго примешивались последние замирающие звуки дутар и тамбуринов.

— Расточительны, как и подобает настоящим грабителям! — шепнул на ухо своему товарищу Альсид Жоливе.

Действительно, это льющееся рекою золото было большею частью награблено, потому что вместе с татарскими томанами и секинами плыли московские червонцы и рубли.

Затем на минуту опять все смолкло, и палач, положив руку на плечо Михаилу Строгову, снова повторил слова, становившиеся после каждого повторения все злоеющее и злоеющее:

«Гляди во все твои глаза, гляди!»

На этот раз Жоливе заметил, что в руке палача не было обнаженной сабли. Между тем солнце уже начало садиться. Наступили сумерки. Рощи кедров и елей мало-помалу превращались в неясную темную массу, а над сверкающей водной гладью Томи поднялся туман. На площади становилось совсем темно, но в это время появились солдаты с факелами в руках; их было несколько сот человек. Цыганки и персиянки во главе с Сангар-рою снова показались перед троном эмира, и прерванные танцы возобновились.

Но как ни много пришлось видеть на своем веку парижскому журналисту всяких блестящих и эффектных превращений на современной французской сцене, все же он не мог удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Не дурно! Право, не дурно!

Затем вдруг как бы по волшебству все огни потухли, музыка смолкла, танцовщицы исчезли. Праздник кончился, и площадь, за минуту перед тем залитая огнями, освещалась теперь только несколькими факелами.

По знаку эмира к нему подвели Михаила Строгова.

— Блэнт, — сказал Жоливе, — разве вы хотите видеть все до конца?

— Нисколько, — отвечал тот.

— Ваши читатели, надеюсь, не пожалеют, если вы не опишете им подробности этой пытки?

— Вероятно, не больше, чем ваша кузина.

— Бедняга, — прибавил Жоливе, взглянув на Строгова. — Такой храбрый солдат заслуживал бы умереть на поле брани!

— Не можем ли мы как-нибудь спасти его?

— Никоим образом.

Журналисты вспомнили при этом, как великодушно поступил с ними Михаил Строгов. Они знали теперь, через какие испытания должен был пройти этот человек, и с горечью в сердце сознавали, что заступиться за него перед этими дикарями, не знающими жалости, они не могли.

Не желая оставаться безучастными свидетелями этой пытки, они вернулись в город и час спустя уже бегали по улицам Томска и рассуждали о том, как им присоединиться к русскому отряду.

Между тем Михаил Строгов продолжал стоять перед эмиром. На него он глядел гордо, на Ивана Огарева — презрительно. Смерть была близка, но на лице его не выражалось ни малейшего страха. Кругом стояла толпа любопытных, с нетерпением ожидавшая начала этого интересного для себя зрелища. Коль скоро

любопытство их будет удовлетворено, вся эта дикая орда не замедлит погрузиться в пьянство.

Эмир подал знак.

Михаил Строгов, толкаемый солдатами, приблизился к нему еще ближе.

— Русский шпион, — начал эмир по-татарски, — ты пришел, чтобы за нами подсматривать. Так знай же, ты видишь теперь в последний раз, через минуту свет навсегда померкнет для твоих глаз!

Итак, его осудили не на смерть, а на ослепление. Потеря зрения, пожалуй, еще ужаснее потери жизни! Несчастный был осужден сделаться слепым. Но Михаил Строгов, услышав свой приговор, не смутился. Просить, умолять о помиловании этих лютых зверей было бы бесполезно и даже недостойно его. Он и не думал об этом. Он думал только о своей неудаче, о матери, о Наде, о том, что он их никогда уже больше не увидит! Но он старался скрыть в себе и это волнение. Чувство мести всецело охватило его. Он повернулся к Ивану Огареву.

— Иван, — произнес он угрожающим голосом, — Иван-изменник, мой последний взгляд, взгляд презрения будет направлен на тебя!

Огарев пожал плечами.

Но Михаил Строгов ошибся. Не на Ивана Огарева был устремлен его последний взор. Перед ним появилась Марфа Строгова.

— Моя мать! — воскликнул он. — Да-да! Тебе мой последний взгляд, а не тому негодяю! Стой так передо мной, чтобы я мог еще раз видеть твое дорогое, любимое лицо! Пусть глаза мои закроются, глядя на тебя!

Старуха молча приблизилась.

— Уберите прочь эту женщину! — крикнул Иван Огарев.

Двое солдат оттолкнули Марфу. Она отодвинулась немного и осталась стоять в нескольких шагах от своего сына.

Появился палач. На этот раз он опять держал в своей руке обнаженную саблю. Эту саблю, раскаленную добела, он только что вытащил из жаровни, где горели душистые уголья.

Михаил Строгов должен был быть ослеплен, по-татарскому обычаю, раскаленным железом. Михаил не сопротивлялся. Теперь для него, кроме его матери, ничего не существовало. Вся жизнь его заключалась в этом последнем взгляде!

Марфа с неестественно расширенными глазами, протянув к нему руки, смотрела на него. Раскаленное лезвие блеснуло перед

глазами Михаила Строгова. Раздался крик, полный отчаяния. Старая Марфа без чувств упала на землю. Михаил Строгов был слеп.

Сделав нужные распоряжения, эмир и двор его удалились. На площади еще оставались Иван Огарев и факельщики. Неужели презренный негодяй хотел еще оскорбить свою жертву, неужели после палача он собирался нанести ему новый удар?

Иван Огарев медленно подошел к Михаилу. Тот почувствовал его приближение и обернулся. Огарев вынул из кармана царское письмо, развернул его и с гадкой улыбкой поднес его к самым глазам ослепшего царского курьера.

— Прочти-ка теперь, Михаил Строгов, прочти-ка и передай в Иркутск то, что прочел! Настоящий царский посол теперь не ты — а Иван Огарев!

Сказав это, изменник спрятал письмо у себя на груди и, не оборачиваясь, пошел вон с площади. За ним последовали и факельщики. Михаил Строгов остался один; в нескольких шагах от него без чувств, а быть может уж и без жизни, лежала его мать.

Вдали слышались крики, пение, шум ночной оргии.

Вдруг появилась Надя. Она подошла прямо к Михаилу и, молча, стала разрезать мечом веревки, которыми были связаны его руки.

Слепой не знал, кто был его освободитель.

— Брат, — позвала она его.

— Надя! — прошептал Михаил. — Надя!

— Идем, брат, — сказала она. — Мои глаза заменят тебе твое зрение. Я проведу тебя в Иркутск!

ГЛАВА VI

ДРУГ НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

Через полчаса Надя и Михаил Строгов вышли из Томска.

В эту ночь, благодаря тому что татары, вследствие ночной оргии, бессознательно ослабили свой строгий надзор над пленными, многие из них удалось бежать.

Когда Надю перед началом представлений увели вместе со всеми с площади, она незаметно отделилась от отряда и вернулась назад как раз в ту минуту, когда солдаты подводили к эмиру Михаила Строгова. Там, смешавшись с толпой, она все видела. Ни единый крик не вырвался из ее груди, когда перед глазами

ее спутника блеснуло раскаленное добела лезвие сабли. У нее хватило мужества остаться неподвижной и немой при этой сцене. Откровение свыше внушило ей охранять свою свободу, чтобы потом смочь довести сына Марфы Строговой до конца того дела, что он клялся исполнить. Только тогда, когда старая сибирячка упала без чувств на землю, только тогда, и то на одну минуту, ее сердце перестало биться. Одна мысль вернула ей всю энергию.

«Я буду собакой слепому!» После отъезда Ивана Огарева Надя спряталась в тень. Она ждала, чтобы народ разошелся с площади. Михаил Строгов, брошенный всеми, как какой-нибудь негодяй, которого бояться уж больше нечего, был один. Она видела, как он ощупью подполз к матери, наклонился над ней, поцеловал ее в голову, потом поднялся и ощупью же собрался бежать... Несколько минут спустя он и она рука с рукою сошли с утесистого холма и, идя все по берегу Томи, вышли наконец за город и благополучно добрались до большой дороги. Дорога в Иркутск была одна и шла все прямо на восток. Сбиться с пути не было никакой возможности. Надя шла быстро, ведя за собой слепого Михаила. Она боялась, чтобы на следующий день, проспавшись после шумной оргии, татарские разведчики не бросились бы снова в степь и не отрезали бы им всякое сообщение с русскими. Надо было спешить, чтобы прийти непременно раньше их в Красноярск, отстоявший от Томска на пятьсот верст (533 километра). Свернуть с большой дороги и идти лесом она не решалась. Это был риск, неизвестность, короче, сама смерть. Как могла Надя перенести усталость всей этой ночи с 16 на 17 августа? Как нашла она в себе столько физической силы, чтобы совершить этот длинный утомительный переход военнопленных? Как могли ее нежные ножки, истекавшие кровью от непосильной ходьбы, поддерживать ее до сих пор? Это было почти непостижимо. Но как бы то ни было, а на другой день, утром, двенадцать часов спустя после выхода из Томска Михаил Строгов и молодая девушка, пройдя более пятидесяти верст, пришли в село Семиловское. Михаил Строгов не произнес еще ни одного слова. Но Надя держала его за руку в эту ночь, а он держал в своей руке ручку своей спутницы, и, благодаря этой ручке, руководившей его только пожатием, он шел своей обычной, твердой походкой. Семиловское оказалось совершенно пустым. Обитатели его, испугавшись татар, бежали в Енисейскую область и забрали с собой все, что было ценного и мало-мальски годного к употреблению и что могло быть увезено на телегах. Между тем Надя чувствовала необходимость остановиться там, хоть на несколько часов. Им

обоим нужны были и пища и отдых. Молодая девушка повела своего спутника на край села, где стоял небольшой пустой домик. Дверь была открыта. Они вошли. Посредине комнаты, около высокой русской печи, стояла старая, негодная скамейка. Они сели на нее. Надя пристально, в первый раз посмотрела на своего спутника. Если бы Михаил Строгов мог видеть ее, он прочел бы в ее прекрасных, печальных глазах и преданность, и любовь, бесконечную нежность к себе. Обожженные, покрасневшие веки слепого были полужакрыты, глаза сухи, белок слегка покороблен, зрачок неестественно расширен, раек казался более темным, чем раньше; ресницы и брови были частью спалены, но, в общем, по крайней мере с виду, взгляд молодого человека, серьезный и пронизательный, совсем не изменился. Если он ничего больше не видел, если его слепота была полная, так это потому, что чувствительность сетчатой оболочки и зрительного нерва была совершенно уничтожена палящим жаром раскаленной стали.

В эту минуту Михаил Строгов протянул руки вперед.

— Ты здесь, Надя? — спросил он.

— Да, — отвечала молодая девушка, — я здесь, около тебя и больше никогда не покину тебя, Михаил.

При этом имени, произнесенном Надей в первый раз, Михаил Строгов вздрогнул. Он понял, что она знала все: кто был он и какие узы соединяли его со старой Марфой.

— Надя, — сказал он, — нам придется разлучиться!

— Разлучиться? Но почему, Михаил?

— Я не хочу быть тебе помехой на дороге. Отец твой ждет тебя в Иркутске! Надо, чтобы ты скорей спешила к отцу!

— Отец проклял бы меня, Михаил, если бы я покинула тебя после того, что ты для меня сделал!

— Надя! Надя! — отвечал Строгов, крепко сжимая ручку молодой девушки. — Ты должна думать только о своем отце!

— Михаил, — перебила его Надя, — тебе более нужна моя помощь, чем отцу! Разве ты отказываешься от своего намерения идти в Иркутск?

— Никогда! — энергично отвечал молодой человек.

— Но у тебя нет больше этого письма?..

— Этого письма, что украл Иван Огарев?.. Ну так что же?

Я сумею обойтись и без него! Они обращались со мной как со шпионом! Я и буду действовать как шпион! Я пойду в Иркутск и расскажу обо всем, что видел, что слышал, и клянусь Богом,

живым, в один прекрасный день негодяй встретится со мной! Но надо, чтоб я пришел раньше него в Иркутск!

— И ты хочешь, чтоб мы расстались, Михаил?

— Надя, негодяи отняли у меня все!

— У меня осталось еще несколько рублей и мои глаза целы!

Я могу видеть за тебя, Михаил, я поведу тебя туда, куда одному тебе не дойти!

— А как же мы пойдем?

— Пешком.

— А на что же мы будем существовать?

— Станем милостыню просить.

— Так пойдем, Надя!

— Пойдем, Михаил.

Молодые люди уже перестали называть себя братом и сестрой. Общее горе, общая участь соединяли их еще теснее.

Отдохнув с час времени, они вышли из дома. Надя успела перед этим обойти все дома и собрать несколько ломтей черного хлеба и немного меду. Все это не стоило ей ни одной копейки; она начала уже свой промысел нищей. Худо ли, хорошо ли, но этот мед и хлеб утолили голод и жажду Михаила Строгова. Надя отдала ему большую часть этой скудной пищи. Она подавала ему кусок за куском и сама пила его медом из тыквенной бутылки.

— Надя, а ты сама ешь? — спрашивал он ее несколько раз.

— Да, Михаил, — отвечала всякий раз молодая девушка, доедая оставшиеся после него куски хлеба.

Выйдя из Семиловского, они снова направились по дороге в Иркутск. Надя энергично боролась с усталостью. Если бы Михаил ее видел, то, наверное, у него не хватило бы духу идти с нею дальше. Но Надя не жаловалась, и Михаил продолжал идти вперед с прежней поспешностью. Но почему же? Неужели он надеялся опередить татар? Он шел пешком, без гроша денег в кармане, был слеп, и, если бы Надя, его единственная руководительница, покинула бы его, ему оставалось бы только лечь на берегу реки и умереть как собаке! Но если только им удастся добраться благополучно до Красноярска, то можно считать, что еще не все потеряно. Стоит только представиться губернатору, и он поможет им, даст возможность доехать до Иркутска.

Весь погруженный в свои мысли, Михаил Строгов шел молча вперед. Он держал Надю за руку. Им обоим казалось, что они находятся между собой в непрерывном общении, что они, и не

делясь мыслями вслух, понимают друг друга. Время от времени, однако, Михаил обращался к Наде:

— Надя, скажи же мне что-нибудь!

— К чему, Михаил? Ты ведь и так знаешь, о чем я думаю, — отвечала молодая девушка, стараясь говорить твердым голосом, чтобы не обнаружить своей усталости.

Но иногда силы оставляли ее, сердце переставало биться, ноги подкашивались, она замедляла шаг и наконец совсем останавливалась. Тогда Михаил Строгов тоже останавливался, оборачивался в ее сторону, смотрел на нее, как бы желая увидеть свою молоденькую спутницу сквозь эту тьму, заволакивающую его несчастные глаза, грудь его тяжело вздымалась, и он, еще крепче поддерживая Надю, спешил снова вперед. Между тем среди всех этих непрерывных несчастий в этот день с ними должно было произойти и одно счастливое обстоятельство.

Часа через два после их выхода из Семиловского Михаил вдруг остановился.

— На дороге никого нет? — спросил он.

— Решительно никого, — отвечала Надя.

— Разве ты не слышишь стук позади нас?

— В самом деле, слышу.

— Если это татары, нам придется спрятаться. Посмотри хорошенько.

— Подожди, Михаил, сейчас, — отвечала Надя.

Она вернулась назад по дороге, делавшей в этом месте крутой поворот направо. Михаил Строгов остался один, он прислушивался.

— Это просто телега, — сказала Надя, вернувшись, — едет какой-то молодой парень?

— Один?

— Один.

Михаил с минуту колебался, что делать. Спрятаться или попытаться счастья и попросить проезжего незнакомца подсадить к себе на телегу, уж если не обоих, то хоть ее одну? Для него лично достаточно было бы только держаться рукою за край телеги; в случае надобности он мог бы даже подталкивать ее и помогать лошади взйти. Силы еще не оставили его, но Надя? Он чувствовал, что бедная девушка совсем выбилась из сил. Он решил подождать. На повороте показалась телега, запряженная одной лошадкой, некрасивой, но доброй и сильной на вид, как и все лошади монгольской породы. Около телеги шел молодой парень и правил, за телегой бежала собака. Надя сейчас же узнала в нем русского. Лицо у него

было доброе, но флегматичное, с первого раза внушающее доверие.

Возница, добродушно улыбаясь, поглядел на молодую девушку.

— И куда это вы идете? — спросил он, уставив на нее свои круглые, добрые глаза.

Этот голос показался Михаилу знакомым. Он положительно где-то слышал его. Да, конечно, по одному этому голосу он узнал возницу, и лицо его прояснилось.

— Ну так куда же вы идете? — повторил тот свой вопрос, обращаясь на этот раз прямо к Михаилу.

— Мы идем в Иркутск, — отвечал тот.

— Ого! Видно, ты, батюшка, не знаешь, сколько верст-то до Иркутска?

— Знаю.

— И идешь пешком?

— Пешком.

— Ну ты еще ничего, а барышня-то как же?

— Это моя сестра, — поспешил назвать ее этим именем Михаил.

— Да, сестра твоя, батюшка! Но поверь мне, ведь ей ни за что не дойти до Иркутска!

— Послушай, друг, — отвечал Михаил Строгов, подходя к нему. — Татары нас ограбили, что называется, дочиста, у меня нет ни копейки, чтобы тебе заплатить. Но если бы ты был так добр, посадил бы к себе мою сестру! Я пошел бы пешком, даже, если нужно, побежал бы! Я не задержал бы тебя ни на час...

— Брат! — воскликнула Надя. — Я не хочу... я не хочу! Послушайте, мой брат слепой!

— Слепой? — переспросил молодой парень, сочувственно поглядывая на Михаила.

— Татары выжгли ему глаза! — отвечала Надя.

— Выжгли глаза? Ах бедняга! Я еду в Красноярск. Садись и ты вместе с сестрой в мою бричку. Ничего, малость потеснимся, да зато все втроем усядемся. Собака пусть бежит. Только предупреждаю, я еду тихо, боюсь замучить лошадь.

— Как тебя зовут? — спросил Михаил.

— Меня-то? Николаем Пигасовым. А что?

— Я никогда не забуду твоего имени, — отвечал Михаил.

Книжка тронулась. Лошадь, совсем не понукаемая Николаем, бежала иноходью. Если Михаил Строгов ничего не выигрывал во времени, то зато Надя могла хоть немного отдохнуть. И дейст-

вительно, усталость молодой девушки была так велика, что, убаюканная равномерной тряской телеги, она заснула как убитая.

Михаил с Николаем уложили ее как только могли покойнее и удобнее. Добрый парень совсем расчувствовался.

— Какая она красавица, — сказал он.

— Да, — отвечал Михаил Строгов.

— Ну, батюшка, ведь это того, уже очень храбро! А если так посмотреть на них, какие эти малютки хрупкие да слабые! А вы издалека идете?

— О да, издалека.

— Бедные! Небось тебе было больно, когда глаза-то жгли?

— Конечно, больно, очень больно, — отвечал Михаил.

— Ты не плакал?

— Плакал.

— Я бы тоже заплакал. Подумать только, что никогда не увидишь тех, кого любишь. Но зато они вас видят. Это, пожалуй, тоже утешение.

— Да, может быть! Скажи мне, приятель, — спросил его Михаил Строгов, — тебе никогда не приходилось встречаться со мной где-нибудь?

— С тобой, батюшка? Нет, никогда.

— Видишь ли, я спрашиваю оттого, что твой голос мне кажется знакомым?

— Посмотрите-ка! — воскликнул смеясь Николай. — Он знает мой голос! Быть может, ты спрашиваешь это нарочно, чтобы только узнать, откуда я еду? Что же, я скажу тебе. Я еду из Колывани.

— Из Колывани? — в свою очередь, воскликнул Михаил. — Ну, значит, я там тебя и видел. Ты был на телеграфной станции?

— Очень возможно, — отвечал Николай. — Я там жил и служил чиновником.

— И ты оставался на своем посту до последней минуты?

— Гм! В эту-то минуту мне и надо было там быть.

— Это было в тот день, когда двое иностранцев, англичанин и француз, поспорили с деньгами в руках, желая один опередить другого у аппарата, и англичанин телеграфировал первые стихи из Библии.

— Может быть, батюшка, все может быть, только я этого что-то не помню.

— Как ты этого не помнишь?

— Я никогда не вникаю в смысл телеграмм, которые мне приходится отправлять. Мой долг — забывать их как можно скорее.

Этот ответ вполне обрисовывал, что за человек был Николай Пигасов.

Кибитка между тем понемножку подвигалась вперед. Михаилу Строгову желательно было бы ехать поскорее, но Николай и его лошадь, как видно, не привыкли торопиться. Лошадь три часа бежала, затем час отдыхала, и так продолжалось день и ночь. Во время остановок лошадь паслась, путешественники закусывали в обществе Серко. Телега была снабжена провизией, по крайней мере, человек на двадцать, и Николай радушно угощал ею своих новых знакомых. После целого дня отдыха силы понемногу стали возвращаться к Наде. Николай все время следил за тем, чтобы ей было удобно и покойно.

22 августа кибитка подъехала к селу Ачинску, находившемуся от Томска в ста восьмидесяти верстах. До Красноярска оставалось еще сто двадцать верст. За шесть дней, что они были вместе, Николай, Михаил Строгов и Надя нисколько не переменились. Один был по-прежнему невозмутимо спокоен, двое других, напротив, постоянно тревожились, думая о том, что вот скоро настанет та минута, когда возница покинет их. Михаил Строгов видел все глазами Николая и молодой девушки. Оба по очереди описывали ему подробно и местность, и все, что встречалось им на пути. Он знал, когда они проезжали через лес, когда через равнину, когда в степи виднелась избушка или на горизонте показывался какой-нибудь сибиряк.

В разговорах своих Николай был неутомим — он любил рассказывать и его приятно было слушать. Однажды Михаил Строгов осведомился у него, какова погода.

— Ничего, хорошая, батюшка, — отвечал тот. — Ведь теперь стоят последние красные деньки. В Сибири осень очень коротка. Не заметим, как наступят и первые морозы. Пожалуй, как начнутся дожди да ненастья, татары засядут себе на зимние квартиры да дальше никуда и не двинутся.

Михаил Строгов с сомнительным видом покачал головой.

— Ты не веришь? — спросил Николай. — Ты думаешь, что они пойдут на Иркутск?

— Я боюсь, что это так будет, — отвечал Михаил.

— Да, пожалуй, ты и прав... У них есть один такой нехороший человек, он не даст им засябнуть по дороге. Ты слышал про Ивана Огарева?

— Слышал.

— А знаешь, ведь это прямо подло, предавать свое отечество!

— Да... подло... — отвечал Михаил, стараясь не выдать своего волнения.

— Знаешь, батюшка, — заговорил Николай, — я нахожу, что этот негодяй мало возмущает тебя. По-моему, сердце каждого русского, в чьем присутствии произносится имя Ивана Огарева, должно разрываться на части от негодования!

— Верь мне, — отвечал Михаил, — я ненавижу его так, как ты никогда не смог бы его ненавидеть.

— Это невозможно, — сказал Николай. — Нет, это невозможно! Когда я думаю об Иване Огареве, о том зле, которое он сделал нашей святой Руси, я прихожу в такую ярость, что если бы он попался мне в руки...

— Если бы он попался тебе в руки?..

— Я думаю, что я убил бы его!

— А я так не думаю, а уверен в этом, — спокойно отвечал Михаил Строгов.

ГЛАВА VII

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ЕНИСЕЙ

25 августа, под вечер, кибитка подъехала к Красноярску.

С тех пор, как они выехали из Томска, прошло восемь дней.

К счастью, о татарах ничего еще не было слышно, ни один разведчик еще не попадался им на пути. Это должно было показаться довольно странным, очевидно, какая-нибудь серьезная причина задержала эмира в Томске и помешала ему идти на Иркутск.

Действительно, такая серьезная причина была. Внезапно в Томск явился новый русский корпус, сформированный на скорую руку в Енисейской области. Этот русский корпус попытался отбить у татар свой город, но войска эмира были многочисленнее их, и русским пришлось отступить. У Феофар-Хана вместе с его собственным войском и войсками союзных ханств насчитывалось тогда двести пятьдесят тысяч солдат, против которых русское государство еще не могло выставить в такое короткое время достаточно сил. Неприятель, по-видимому, не мог быть изгнан так скоро, и вся эта масса татар могла теперь беспрепятственно идти на Иркутск. Битва при Томске произошла 22 августа. Вот почему авангард эмира 25 августа еще не показывался в Красноярске. Но наши путешественники не знали об этом. Во всяком случае, если Михаил Строгов и не мог

знать о последних событиях, совершившихся после его отъезда, то, по крайней мере, он знал, что опередил татар на несколько дней, и это позволяло ему надеяться приехать раньше них и в Иркутск, отстоявший от Красноярска еще на восемьсот пятьдесят верст (900 километров). К тому же он надеялся, что в Красноярске, где насчитывалось до двенадцати тысяч жителей, ему легко будет найти средства к дальнейшему путешествию. Так как Николай Пигасов ехал только до Красноярска, то им необходимо было взять другого проводника и вместо одиночной кибитки нанять какой-нибудь другой, более скорый экипаж. Стоило только обратиться к губернатору, рассказать ему все, объяснив, кто он, кем и куда послан, и Михаил Строгов не сомневался, что губернатор поможет ему доехать до Иркутска в самый короткий срок. Тогда он поблагодарит этого славного Николая Пигасова и сейчас же отправится в дальнейший путь вместе с Надей. Ему не хотелось покидать молодую девушку, не передав ее лично ее отцу.

Между тем если Николай хотел остановиться в Красноярске, то только, как он говорил, «при условии найти там себе должность». Действительно, этот примерный служака, не покидавший до последней минуты своего поста в Колывани, собирался снова поступить на государственную службу.

— Зачем я буду брать с вас незаслуженную плату? — говорил он несколько раз Михаилу и Наде, предлагавшим ему заплатить за дорогу.

В случае, если бы он не нашел себе места в Красноярске, где также была телеграфная станция, соединявшая Красноярск с Иркутском, он рассчитывал проехать в Удинск или даже в самый Иркутск. В последнем случае он продолжал бы свое путешествие вместе с братом и сестрой, а где же бы они нашли более верного проводника, более преданного друга? До Красноярска оставалось всего с полверсты. Направо и налево по дороге чернели деревянные кресты.

Было семь часов вечера. На небе, ясном и холодном, вырисовывались силуэты церквей и домов, построенных на высоком берегу реки Енисея. Кибитка остановилась.

— Где мы, сестра? — спросил Михаил.

— В полуверсте от города, — отвечала Надя.

— Что же это, сонный город? — продолжал расспрашивать Михаил. — Я не слышу никакого шума?

— А я не вижу ни дыма, ни огня, — прибавила Надя.

— Странный город! — сказал Николай. — Там, как видно, совсем не шумят и спать ложатся спозаранку!

Предчувствие чего-то недоброго разом охватило Михаила Строгова. Он ничего не говорил Наде о том, сколько надежд возлагал он на этот город, как рассчитывал найти там помощь и содействие. Он так боялся, чтобы эти надежды его опять не рушились! Но Надя и без того угадала его мысли. Она не понимала только одного: почему Михаил так спешит попасть в Иркутск — ведь царское письмо для него потеряно. Она не утерпела и однажды спросила его об этом.

— Я клялся дойти до Иркутска, — был его краткий ответ. — Что же, милый друг, — обратился он к Николаю, — почему же мы не двигаемся вперед?

— Я боюсь разбудить горожан стуком своей тележки, — отвечал тот и, взяв кнут, подхлестнул слегка свою лошадь.

Серко залаял, и кибитка спустилась на дорогу, ведущую прямо на Красноярск. Через десять минут они въезжали уже на главную улицу. Красноярск был пуст.

В последней телеграмме из кабинета его величества был отдан приказ всем, войску и жителям, немедленно выехать из Красноярска в Иркутск. Тот же приказ был разослан и по соседним селам и городам. Русское правительство хотело заранее опустошить всю дорогу, которую предстояло пройти врагам.

Приказ был немедленно исполнен, и Красноярск опустел.

Наши путешественники молча обошли все улицы. Они были так поражены этой неожиданностью, что даже не знали, о чем говорить. Михаил Строгов затаил в себе все, что чувствовал в данную минуту, но преследовавшая его неудача, обманувшая и на этот раз его надежды, приводила его в бешенство.

— Милосердный Боже! — вскричал Николай. — Да здесь, в этой пустыне, я никогда не получу места!

— Милый друг, — сказала Надя, — вам надо ехать вместе с нами в Иркутск.

— Да, действительно, надо ехать! — отвечал Николай. — Телеграф еще должен действовать между Удинском и Иркутском и там... Так едем, что ли, батюшка?

— Подождем до завтра, — отвечал Михаил.

— Правда твоя, — сказал Николай. — Ведь я забыл, что нам надо переправляться через Енисей, а теперь темно, ничего не увидишь!

— Ничего не увидишь! — прошептала Надя, думая о своем слепом товарище.

Николай слышал ее.

— Прости, батюшка, — сказал он, обращаясь к Михаилу. — Я совсем забыл, что для тебя ведь все равно, что день, что ночь! — Не извиняйся, — отвечал Михаил, проведя рукою по глазам. — С таким проводником, как ты, я еще могу действовать. Тебе только следует отдохнуть, да и Наде тоже. Завтра наступит день!

Им недолго пришлось искать себе места для отдыха. Первый же дом, к которому они подошли, был не заперт и совершенно пуст. Около дома лежала небольшая куча сухих листьев. За неимением лучшего, лошадь должна была довольствоваться и этой скудной пищей. Что же касается до съестных припасов кибитки, то они еще не были истреблены, и наши путешественники не замедлили подкрепить свои силы. Затем после краткой молитвы перед висевшим на стене образом с еще не потухнувшей лампадой, Николай и молодая девушка легли спать. Михаил же не спал всю ночь, его мучила бессонница. На следующий день, 26 августа, еще задолго до рассвета, они сидели уже в своей бричке и ехали через березовый парк к реке. Михаил Строгов был весь погружен в свои думы. Каким образом переправиться через реку, если — а это было очень возможно — все барки, плоты и паромы истреблены нарочно, с целью задержать нападение татар? Он хорошо знал Енисей, так как ему несколько раз приходилось переправляться через него. Он знал, что ширина его очень значительна, что течение очень быстро, в особенности в том месте, где русло реки раздваивается.

— А все-таки я перееду! — говорил Михаил Строгов.

Когда кибитка подъехала к левому берегу реки, к тому самому месту, где оканчивалась одна из больших аллей парка, стало светать.

В этом месте берег подымался на сто футов от уровня реки, и Енисей был виден на далекое пространство.

— Не видать парома? — спросил Михаил, перенося машинально, по старой привычке, свои потухшие глаза с одной стороны на другую.

— Теперь только начинает светать, — отвечала Надя. — Над рекой стоит еще густой туман, ничего нельзя разобрать!

— Но я слышу плеск воды, — продолжал Михаил.

Действительно, сквозь туман слышалось глухое рокотание волн — то сталкивались два противоположных течения.

Вода в это время года была всегда очень высока, течение же страшно быстро и сильно.

Все трое стояли и ждали, когда рассеется туман. Солнце быстро поднималось над горизонтом, и его первые лучи не замедлили рассеять предутреннюю мглу.

— Ну что же? — спросил Михаил.

— Туман проходит, брат, — отвечала Надя.

— Ты еще не видишь поверхности реки, сестра?

— Нет, еще не вижу.

— Будь немножко терпелив, батюшка, — сказал Николай. — Все это исчезнет! Да вот, смотри! Подул ветер, туман начинает рассеиваться. Вот на правом берегу показались и высокие холмы, покрытые лесом! Все проходит, все улечивается! Ах, как все это прекрасно, бедный ты мой, какое это для тебя несчастье, что ты не можешь любоваться таким чудным зрелищем!

— Ты не видишь лодки? — спросил Михаил.

— Не вижу никакой, — отвечал Николай.

— Посмотри хорошенько на этом берегу и на том, смотри так далеко, как только можешь! Нет ли где барки, лодки, хоть душегубки какой-нибудь?

Николай и Надя, держась руками за ветки берез, растущих на краю берега, почти повисли над рекой. Глазам их представилась необъятная даль. Енисей в этом месте имел полторы версты в ширину и разделялся на два неравных рукава. Между этими рукавами лежало несколько островов, густо заросших ивой, ольхой и тополем. На той стороне громоздились высокие холмы правого берега, увенчанные лесами, вершушки которых казались пурпуровыми при свете восходящего солнца.

Верховье и низовье Енисея совсем терялось из виду. Вся эта чудная панорама раскинулась на пятьдесят верст кругом. Но ни на правом, ни на левом берегу, ни около островов — нигде не было ни одного судна. Все было или увезено, или истреблено по приказанию.

— Я припоминаю, — сказал Михаил Строгов, — там выше, сейчас за городом, есть маленькая пристань. Там всегда останавливались плоты. Друг мой, — обратился он к Николаю, — поднимись наверх, посмотри, нет ли где на берегу забытой лодки.

Николай бросился бежать по указанному направлению. Надя взяла за руку Михаила и повела его туда же.

Если бы нашлась барка, простая лодка, где могла бы поместиться кибитка с лошадьёю или, в крайнем случае, только они сами, и Михаил Строгов не задумался бы пуститься в дальнейший путь.

Минут двадцать спустя все трое пришли на маленькую пристань. По берегу реки лепились небольшие домики; это была в своем роде деревенька, приютившаяся у подножия Красноярска. Но на песчаном берегу не оказалось никакого гребного судна, ни одной лодочки, даже ничего такого, из чего можно было бы соорудить хоть какой-нибудь плот для перевозки троих людей.

— Как-нибудь да переправимся, — сказал Михаил Строгов.

И поиски продолжались. Они обшарили несколько домов, стоявших на берегу и пустовавших так же, как пустовали и все дома в Красноярске. То были хижинки бедных людей. Николай зашел в одну, Надя обежала другую, даже Михаил и тот входил поочередно в каждый дом и шарил рукою по всем углам, стараясь найти хоть что-нибудь полезное для себя. Поиски Николая и молодой девушки оказались напрасны, они не нашли ничего и готовы были уже вернуться назад, как вдруг услышали зовущий их голос Михаила. Они вышли на берег и увидели слепого, стоявшего в дверях одной из хижин.

— Ступайте сюда! — кричал он им.

Николай и Надя поспешили к нему и следом за ним вошли в дом.

— Что это такое? — спросил Михаил, трогая рукой какие-то разнообразные предметы, сваленные в кучу в углу чулана.

— Бурдюки, — отвечал Николай, — да их, пожалуй, наберется тут с поддюжины.

— Они наполнены чем-нибудь?

— Да, наполнены кумысом. Это, в сущности, хорошо, кумыс обновит нашу провизию.

Кумыс — это особое питье, приготовляемое из молока кобылицы или верблюдицы, питье, подкрепляющее организм, даже немного опьяняющее, и Николай мог только поздравить себя с подобною находкой.

— Отложи один бурдюк в сторону, — сказал ему Михаил, — а из остальных вылей вон кумыс.

— Сейчас, батюшка.

— Вот что поможет нам переправиться через Енисей.

— А плот?

— Плотом будет брчка. Она достаточно легка, чтобы держаться на воде. К тому же мы подвяжем под нее и под лошадей эти бурдюки.

— Хорошая выдумка! — воскликнул Николай. — С Божьей помощью мы переправимся на тот берег... может быть, нас отнесет немножко в сторону, ведь течение здесь страшно быстро!

— Что ж из этого? — отвечал Михаил. — Только бы переправиться, а там уж мы сумеем найти дорогу в Иркутск.

— Итак, за работу! — сказал Николай, начиная опорожнять бурдюки и переносить их в кибитку.

— Ты не боишься, Надя? — спросил Михаил.

— Нисколько, брат, — отвечала молодая девушка.

— А ты, дружище?

— Я? — воскликнул Николай. — Напротив, я радуюсь, что наконец-то осуществляется моя мечта: плыть в бричке!

Берег в этом месте был довольно отлогий и потому удобный для спуска телеги. Лошадь вошла в воду, и вскоре аппарат и его двигатель уже плыли по поверхности реки. Что же касается до Серко, то он смело бросился вплавь.

Путешественники ехали, стоя в телеге и предварительно разувшись, но, благодаря бурдюкам, эта предосторожность оказалась совсем лишней, так как вода не доходила им даже до щиколоток. Михаил Строгов держал в руках вожжи и сообразно с указаниями Николая правил лошадей, стараясь всячески щадить ее силы, чтобы животное в борьбе с течением не надорвалось. Пока бричка плыла по течению, все шло хорошо, и через несколько минут набережная Красноярска уже осталась позади них. Но вот их понесло все более и более на север. Если бы течение было правильно, то переправа через Енисей, даже и на таком примитивном аппарате, совершилась бы без особых трудностей. Но к несчастью, на реке было много водоворотов, и вскоре, несмотря на все усилия Михаила Строгова направить кибитку помимо них, ее понесло как раз на них. Тогда наступила серьезная опасность. Кибитку стало крутить на одном месте с невероятной быстротой. Она все более и более накренилась на сторону, и вода грозила залить ее. Лошадь, выбившись из сил, совсем задыхалась. Серко из чувства самосохранения уцепился за край брички.

Михаил Строгов понял, что происходило кругом. Он чувствовал, что их кружит, вертит и тянет все глубже и глубже в бурлящий омут, откуда выйти нет возможности. Но он молчал. О, как желал бы он видеть воочию эту грозящую им опасность! Тогда он лучше сумел бы избежать ее! Увы! Он был слеп! Надя тоже молчала. Ухватившись обеими руками за край кибитки, она думала только о том, как бы сохранить равновесие и не упасть в воду. Что же касается Николая, то трудно было сразу определить его настроение. Понимал ли он всю важность их теперешнего положения или нет? Была ли это простая флегматичность с его

стороны, или он хотел показать свое презрение к опасности? Была ли это храбрость или только равнодушие?

Итак, кибитка вертелась в водовороте, а лошадь выбивалась из сил, как вдруг Михаил Строгов, сняв с себя верхнее платье, бросился в воду, схватил лошадь под уздцы и изо всей силы дернул ее в сторону. Лошадь вынырнула из заколдованного круга, и кибитка, подхваченная быстрым течением, понеслась еще быстрее.

— Ура! — закричал Николай.

Прошло два часа, как они отъехали от маленькой пристани в Красноярске. Кибитка переплыла уже через главный рукав реки и приближалась теперь к берегу небольшого островка, лежавшего в шести верстах от места их отправления. Лошадь вытащила кибитку на землю, и храброму животному был дан целый час отдыха. Затем, переехав через остров, они снова въехали в воду. На этот раз переправа совершилась гораздо легче. В этом втором рукаве водоворотов совсем не было, но зато течение было так быстро, что их отнесло еще на пять верст в сторону. В общем, они уклонились от прямого пути на целых одиннадцать верст! Эти громадные сибирские реки, через которые еще не построено никаких мостов, составляют серьезное препятствие для путей сообщения. Все они более или менее были роковыми для Михаила Строгова! На Иртыше паром, на котором переправлялся он с Надей, был атакован татарами. На Оби под ними убили лошадь и он спасся только каким-то чудом от преследовавших его кавалеристов. В сущности, переправа через Енисей могла считаться всех менее несчастной.

ГЛАВА VIII

ЗАЯЦ, ПЕРЕБЕГАЮЩИЙ ДОРОГУ

Наконец-то Михаил Строгов мог успокоиться! Дорога в Иркутск была свободна. Он опередил татар, задержанных в Томске, и когда те явятся в Красноярск, то найдут пустой, брошенный город. Через Енисей переправы никакой. Покуда они построят мост или паром, пройдет несколько дней, а они, верно, и не ожидают, что в Красноярске готовится для них новая задержка!

Первый раз со времени своей несчастной встречи с Иваном Огаревым в Омске царский курьер мог вздохнуть свободно. У не-

го явилась надежда, что теперь до самого Иркутска уже ничто не помешает осуществлению его тайной цели.

Выехав на прямую дорогу, длинной лентой пропадавшей в степи, кибитка пустилась снова в путь. Дорога была недурна, собственно, эта часть пути между Красноярском и Иркутском считается даже самым лучшим местом на всем расстоянии. Она была не так тряска, не так коленста, тени было достаточно, иногда на целые сотни верст по бокам ее тянулись сосновые и кедровые леса. Необъятная степь, где круговая линия земли сливается на горизонте с небом, уже кончилась. Но и эта богатая страна была пустынна. Деревни, села, города — все, казалось, вымерло.

Наступал сентябрь; дни становились короче. Хотя эта часть Сибири и лежит ниже пятьдесят пятой параллели, той самой, на которой стоят Эдинбург и Копенгаген, но осень там отличается своей непродолжительностью. Случается даже, что вслед за летом непосредственно наступает зима. Эти ранние зимы поражают своей суровостью: бывают такие сильные морозы, что ртуть в термометре падает до точки замерзания (около 42° ниже нуля). Мороз в 20° ниже нуля считается сносной температурой.

Итак, погода благоприятствовала нашим путешественникам, не дождливая и не бурная, жара умеренная, ночи холодные. Надя и Михаил Строгов чувствовали себя довольно хорошо. С тех пор как они покинули Томск, силы их восстановились и утомление совсем прошло. Что же касается до Николая Пигасова, то он никогда еще, кажется, не чувствовал себя так хорошо, как в эти дни. Это путешествие было для него настоящей прогулкой, приятным развлечением, и он от души наслаждался свободой, выпавшей на долю его «чиновника без места».

— Положительно, — говорил он, — это гораздо лучше, чем двенадцать часов в сутки сидеть согнувшись на своем стуле и вздираться с аппаратом!

Между тем Михаилу Строгову удалось сделать так, что их добродушный возница стал подгонять свою лошадь, и они ехали теперь быстрее. Он рассказал Николаю, что они с Надей догоняют своего отца, сосланного в Иркутск, и страшно спешат туда приехать. Николай боялся надорвать свою лошадь, справедливо рассуждая, что другой лошади им не найти, и потому берег ее. Но с частыми роздыхами, например, через каждые пятнадцать верст, она могла совершенно свободно пробежать верст шестьдесят в сутки. Лошадь была сильная и здоровая и по самой породе своей способная переносить продолжительную усталость. В соч-

ном корме недостатку для нее не было — по обеим сторонам дороги росла густая и высокая трава.

Николай вполне понял нетерпение своих спутников. Положение молодых людей, собиравшихся разделить изгнание своего отца, чрезвычайно тронуло его, и он с улыбкой говорил Наде:

— Милосердный Боже! Вот обрадуется-то ваш батюшка, когда увидит вас! Вот будет целовать да обнимать! Если я поеду с вами до Иркутска (а теперь мне кажется это очень возможным), вы мне позволите присутствовать при вашей встрече? Ведь да, не правда ли? — И тут же, ударяя себя по лбу, он прибавлял: — Но воображаю себе, как страшно будет он огорчен, когда увидит, что его старший сын слепой! Ах, как все на этом свете перемешано между собой! Где радость, там и горе!

Результатом всех этих разговоров было то, что они ехали теперь скорее и, по расчету Михаила Строгова, делали от десяти до двенадцати верст в час.

Михаил Строгов имел полное право надеяться, что через восемь, самое большое десять дней, он увидит великого князя. Когда они выезжали из Бирюзинска, перед ними, шагах в тридцати от кибитки, пробежал заяц через дорогу.

— Ах! — воскликнул Николай.

— Что с тобой, милый друг? — с участием спросил его Строгов.

— Ты не видел? — спросил Николай, и лицо его потемнело. — Ах да, ведь я опять забыл, что ты не можешь видеть. Ну, счастье твое, батюшка, что ты не видел!

— Но и я тоже ничего не видела, — сказала Надя.

— Тем лучше!.. Тем лучше!.. Но я... я видел!..

— Что же это было? — спросил Михаил.

— Заяц перебежал нам дорогу, — с ужасом отвечал Николай.

В России существует народное поверье, что если заяц перебежит путешественнику дорогу, то это значит, что в близком будущем его ожидает какое-нибудь несчастье. Николай, суеверный, как и большинство русских малообразованных людей, остановил лошадь. Михаил Строгов понял его смущение, хотя и не разделял с ним его страхов, и стал его успокаивать.

— Нечего бояться, дружище, — сказал он ему.

— Для тебя да для нее нечего бояться, батюшка, я знаю, я боюсь за себя! Это судьба, — прибавил он немного погодя и пустил лошадь рысью.

Между тем, вопреки дурному предсказанию, этот день прошел без всяких приключений. На следующий день, 6 сентября, в

полдень, кибитка остановилась в местечке Алсачевске, таком же пустынным, как и все, соседние с ним, окрестности. Там, на крыльце одного из домов, Надя нашла два ножика с твердыми лезвиями, какие носят обыкновенно сибирские охотники. Один она отдала Михаилу, другой — спрятала себе. До Нижнеудинска оставалось не более семидесяти пяти верст. В эти два дня обычно веселое настроение духа совершенно покинуло Николая. Трудно поверить, какое сильное впечатление произвела на него эта дурная примета. Он, до сих пор не могший и минуты посидеть молча, теперь впадал в какое-то мрачно-безмолвное, длившееся целыми часами настроение.

Надя и Михаил чувствовали, что возница их не жалеет больше своей лошади и что он сам теперь торопится приехать в Иркутск. Несмотря на полную покорность судьбе, он верил все-таки, что в стенах Иркутска его ожидает безопасность. Между тем многие замечания, сделанные им и проверенные Надей и Михаилом, позволяли думать, что не все еще испытания кончены для них. Действительно, если дорога после Красноярска не носила на себе никаких следов неприятеля, то зато теперь леса были выжжены, луга и поля вытравлены, дома частью сожжены, частью разрушены, в стенах зияли пробитые пулями дыры. За тридцать верст до Нижнеудинска следы разрушения были до такой степени еще свежи, что присутствие поблизости неприятеля уже не могло быть более отрицаемо; приписать же это разрушение кому-либо, кроме татар, было невозможно.

Легко понять, как все это беспокоило Михаила. Он уже не сомневался, что по этой самой дороге только что перед ними прошел какой-то татарский отряд. Но что это был за отряд? Солдаты эмира? Нет, они бы не могли опередить наших беглецов, не будучи ими замечены. Но тогда кто же были эти новые завоеватели и какими окольными путями в степи достигли они большой иркутской дороги? С какими еще новыми врагами придется столкнуться царскому курьеру? Не желая тревожить Надю и Николая, Михаил Строгов ничего не сообщил им о своих опасениях. К тому же между ними решено было заранее не сворачивать с большой дороги до тех пор, пока не явится к тому какое-нибудь серьезное препятствие. Тогда он будет знать, что делать и как поступить.

На следующий день наши путешественники на каждом шагу встречали все новые и новые следы, свидетельствовавшие о недавнем прохождении по этой дороге значительного отряда конных и пеших солдат. На горизонте показался дым. Кибитка

ехала тихо, с осторожностью. Некоторые встречные села и деревни еще горели; очевидно, что пожар там начался не более как за сутки.

Наконец 8 сентября кибитка вдруг остановилась. Лошадь не хотела идти дальше. Серко жалобно завыл.

— Что там такое? — спросил Михаил Строгов.

— Труп! — отвечал Николай, выскакивая из кибитки.

Это был труп мужика, страшно изувеченный и уже застывший. Николай набожно перекрестился. С помощью Михаила он перенес этот труп подальше от дороги. Ему хотелось отдать несчастному последний христианский долг и поглубже зарыть его в землю, чтобы коршуны или хищные звери не растерзали его бранные останки, но Михаил Строгов помешал ему.

— Едем дальше, едем! — вскричал он. — Нам нельзя запаздывать ни на час!

И кибитка поехала дальше. В самом деле, если бы Николай пожелал отдавать последний долг всем, попадавшимся им теперь на большой дороге, мертвецам, то у него не хватило бы ни сил на это, ни времени. Чем ближе подъезжали они к Нижнеудинску, тем больше трупов попадалось им навстречу — убитые валялись по земле целыми десятками. А между тем сворачивать с дороги без крайней на то необходимости наши путешественники не решались и продолжали ехать все вперед, встречая с каждой новой деревней новые опустошения и новые развалины. В этот день, около четырех часов вечера, Николай указал своим спутникам на высокие колокольни церквей Нижнеудинска, виднеющиеся на горизонте и окутанные густыми темными облаками, но то не были обыкновенные облака. Николай с Надей внимательно смотрели в открывавшуюся перед их глазами темнеющую даль и сообщали о своих наблюдениях Михаилу. Надо было решить, что делать. Если Нижнеудинск был тоже покинут жителями, то они могли спокойно проехать через него, если же он был занят татарами, то надо было объехать его.

— Поедем осторожно вперед, — сказал Михаил Строгов, — но только вперед!

Они проехали еще одну версту.

— Это не облака, это дым! — вскричала Надя. — Брат, Нижнеудинск горит!

Действительно, это был пожар. Сквозь черные клубы дыма вырывались огненные языки. Дым становился все гуще и гуще и черным столбом поднимался к небу. Но нигде ни одного спасающегося от пожара человека. Наверное, поджигатели нашли город

пустым и зажгли его. Но были ли это татары? Были ли русские, действовавшие так по приказу великого князя? Было ли это желание самого государя, чтобы нигде, начиная от Красноярска до Иркутска, ни одно селение, ни один город не могли бы служить местом отдыха для солдат эмира? И наконец, что было делать нашим беглецам: остановиться или ехать дальше? Они колебались. Однако, взвесив обстоятельно все «за» и «против», Михаил Строгов решил, что, как ни утомительна будет езда через степь, необходимо свернуть с большой дороги, иначе они могут вторично попасть в руки татар. Но только что сообщил он свое решение Николаю, как справа от них раздался выстрел. Просвистела пуля, и лошадь с пробитой навывлет головой упала мертвая. В ту же минуту человек двенадцать кавалеристов выскочили на дорогу и окружили кибитку. Михаил Строгов, Надя и Николай не успели и опомниться, как их взяли в плен и потащили в город. Однако, несмотря на неожиданность такого скорого нападения, Михаил Строгов не потерял присутствия духа. Будучи слепым, он не мог и думать о сопротивлении. Да если бы глаза его даже и видели, то все равно он не решился бы вступить с ними в битву: это значило идти на верную смерть. Но если он не видел ничего, то зато слышал и понимал их разговор.

Вот в общих чертах что узнал Михаил Строгов из обрывков долетавшего до него разговора. Это были татары, шедшие впереди армии завоевателей, но они не находились под прямым начальством эмира бухарского, задержанного сзади при переправе через Енисей, а составляли часть третьей колонны, состоящей преимущественно из татар кокандского и кундузского ханств, с которыми армия Феофара должна была сойтись под Иркутском.

Итак, Михаил Строгов узнал две важные новости: во-первых, появление под Иркутском третьей колонны татар, во-вторых, соединение ее в недалеком будущем с солдатами эмира и Ивана Огарева. Вопрос о покорении и разрушении Иркутска был, таким образом, только вопросом времени. Легко понять, какие мысли теснили теперь голову Михаила! Кто удивится после этого, что надежда и смелость покинули его, наконец? А между тем ничего подобного не случилось, и губы его по-прежнему шептали:

— Я дойду!

Полчаса спустя после нападения татарских кавалеристов Михаил Строгов, Николай и Надя въезжали в Нижнеудинск. Верная собака следовала за ними издалека. Город был весь в пламени, и потому татары не останавливались там. Пленников посадили на лошадей и повлекли за собой. Николай, по обыкновению, был

сдержанно молчалив, Надя и на этот раз не утратила своей веры в Михаила, а Михаил, спокойный и хладнокровный на вид, только и думал о том, как бы найти случай снова бежать.

Татары сейчас же заметили, что один из пленников был слеп, и не замедлили сделать себе из него игрушку. Ехали быстро. Лошадь Михаила, не управляемая никем, бежала наугад, часто отклонялась в сторону, спотыкалась, натакивалась на деревья и вообще производила беспорядок. Солдаты бранились, били лошадей и бедного всадника и позволяли себе всякие грубости с ним. Сердце молодой девушки обливалось кровью. Николай оскорблялся в душе, но что могли они сделать? Они не умели говорить по-татарски, и их заступничество не повело бы ни к чему. Татарам, казалось, и этого было мало. Кому-то пришла в голову мысль, что русский, может быть, и видит, да только представляется слепым, и вот, чтоб испытать Михаила Строгова, отыскивали слепую лошадь. Это случилось между селами Татанским и Чибарлинским, шестьдесят верст за Нижнеудинском. Михаила пересадили на слепую лошадь и, в насмешку над ним, дали в руки повод. Затем ударами хлыста, швырянием камней, дикими криками татары пустили лошадь в галоп. Несчастное животное то кидалось в сторону от дороги, то натакивалось на дерево, то спотыкалось о камень и падало на землю. Михаил Строгов не сопротивлялся и не жаловался. Если его лошадь падала, он ждал, когда ее поднимут. Ее поднимали, и жестокая игра снова продолжалась. Николай не мог долее сдерживать себя. Он поехал на помощь Михаилу, но его схватили и стали крепко держать. Игра эта, к великому удовольствию татар, продолжалась бы еще долго, если бы не случилось более важное обстоятельство. 10 сентября лошадь Михаила вдруг взбесилась, свернула с дороги и понесла прямо в овраг. Николай хотел вырваться и поскакать на помощь, но его опять удержали. Лошадь, не сдерживаемая никем, полетела вместе с всадником в овраг, глубиной в тридцать или сорок футов. Надя и Николай вскрикнули от ужаса. Им представилось, что Михаил убится при падении. Когда солдаты вытащили его, то оказалось, что Михаил, успевший выпрыгнуть из седла, остался жив и невредим, а бедное животное переломало себе и ноги и спину. Его бросили умирать, не пристрелив даже из жалости, а Михаила Строгова привязали к седлу и заставили идти пешком. И опять ни одной жалобы, ни одного жеста сопротивления! Он шел так скоро, что даже не чувствовал связывавшей его с седлом веревки. Это был все тот же «железный человек», о котором генерал Кисов говорил государю.

На следующий день, 11 сентября, татарский отряд пришел в село Чибарлинское. И вот тут-то произошел случай, имевший очень важные последствия. Наступила ночь. Татары сделали привал и все перепились. До сих пор каким-то чудом солдаты не обращали никакого внимания на Надю, но теперь один из них оскорбил ее. Михаил Строгов не мог видеть ни оскорбления, ни оскорбителя, но за него видел Николай. Тогда без дальних размышлений, действуя безотчетно, Николай подошел к солдату и, прежде чем тот сообразил, в чем дело, вытащил у него из седла пистолет и выстрелил в него в упор.

На шум выстрела прибежал командовавший отрядом офицер. Солдаты чуть было не задушили несчастного Николая, но офицер приказал им разойтись. Его связали, бросили поперек лошади, и отряд усакал.

Веревка, которой был привязан к седлу Михаил Строгов, на его счастье оборвалась, и пьяный солдат, сидевший на этой лошади, ничего не заметил.

Михаил Строгов и Надя остались одни на дороге.

ГЛАВА IX

В СТЕПИ

Итак, Михаил Строгов и Надя снова были свободны, так же как и в тот раз, когда ехали из Перми на Иртыш. Но как изменились условия их путешествия! Тогда удобный тарантас, частая перемена лошадей, прекрасно содержимая почтовая станция — все как нельзя более благоприятствовало их поездке. Теперь же им приходилось идти пешком, без всяких средств, при полной невозможности найти хоть какой-либо способ передвижения, не зная, как удовлетворить малейшим потребностям жизни, а впереди оставалось еще целых четыреста верст! Друга, случайно посланного им судьбой, они потеряли при самых ужасных обстоятельствах. Михаил Строгов бросился на землю. Надя, стоя около него, ждала только его слова, чтобы идти вперед. Было десять часов вечера. Три с половиною часа тому назад солнце скрылось за горизонтом. Кругом ни одного дома, ни одной хижинки. Последние татарские всадники терялись вдали. Михаил Строгов и Надя были совершенно одни.

— Что они с ним сделают? — вскричала молодая девушка. — Бедный Николай! Наша встреча была для него роковой!

Михаил Строгов не отвечал ничего.

— Михаил, — начала Надя, — ты не знаешь, что он защищал тебя, когда татары тебя мучили, что он рисковал своей жизнью ради меня?

Михаил Строгов продолжал молчать. Он сидел неподвижно, подперев голову руками, и думал. О чем он думал? Слышал ли он, что говорила ему Надя?

Да, он слышал ее, потому что, когда молодая девушка спросила, куда она должна вести его, он отвечал:

— В Иркутск!

— Большой дорогой?

— Да, Надя.

Михаил Строгов оставался верен своей клятве. Идти большой дорогой, значило идти самым кратким и скорым путем. Если авангард Феофар-Хана нагонит их, они всегда успеют свернуть в сторону. Надя взяла за руку Михаила, и они отправились.

Молодые люди изнемогали от голода. К счастью, Наде удалось отыскать в одном уцелевшем от пожара домике небольшой запас сушеной говядины и сухарей. Она взяла с собой все, что только могла унести. Теперь им должно было хватить пищи надолго, что же касается воды, то в этой местности, испещренной тысячами маленьких притоков Ангары, не могло быть недостатка и в ней.

Они продолжали свой путь. Михаил Строгов шел твердым, уверенным шагом, замедляя его лишь для своей молоденькой спутницы. Надя, не желая отставать, пересиливала себя и шла рядом с ним. К счастью, Михаил не мог видеть ее усталости. Но он чувствовал, что она выбивается из сил.

— Ты не в силах идти, бедняжка, — говорил он иногда.

— Неправда, — отвечала она.

— Когда ты не сможешь идти дальше, я понесу тебя на руках, Надя.

— Хорошо, Михаил.

В этот день им пришлось переходить через маленькую речку Оку, но речка была так мелка, что переправа совершилась без всяких затруднений. Небо было облачно, холод довольно сносный. Во всяком случае, можно было надеяться, что дождливая погода еще не скоро установится. Дождь шел уже несколько раз, но всякий раз продолжался недолго. Они шли все по-прежнему, рука об руку, говорили мало. Надя поминутно оглядывалась во все стороны. Два раза в день они позволяли себе сделать небольшую остановку; ночью они отдыхали шесть часов. Надя опять нашла немного сушеной баранины — кушанья, настолько распростра-

ненного и обыкновенного в Сибири, что фунт этого мяса стоит всего две с половиной копейки. Но, вопреки тайному желанию Михаила Строгова, они не встретили на дороге ни одного домашнего животного. Лошади, верблюды — все было или перебито, или уведено. Итак, им приходилось идти пешком через эту бесконечную степь. Повсюду виднелись печальные следы направлявшегося в Иркутск татарского войска. Тут лежала убитая лошадь, там сломанная телега, по дороге то и дело попадались трупы несчастливых сибиряков. В особенности их было много при входе в села и деревни. Надя, превозмогая страх и отвращение, наклонялась и разглядывала каждый из них!.. В сущности, опасность была не впереди, а сзади. Авангард главной армии эмира, предводительствуемый Иваном Огаревым, мог нагнать их с минуты на минуту. Барки, отправленные с низовьев Енисея, должны были давно приплыть к Красноярску, и переправа войск эмира через реку должна была совершиться без всякой задержки. А там дорога была уже свободна. На каждом привале Надя взбиралась на какое-нибудь возвышение и оттуда смотрела на запад, но пока еще ни одно облачко пыли не возвестило им о приближении татарской конницы. Затем они опять шли, и, если Михаил Строгов чувствовал, что ему приходится тащить за собой бедную девушку, он замедлял шаги. Они разговаривали мало, только о Николае. Надя со слезами вспоминала, чем был для них этот человек. Михаил хорошо знал, что несчастный не мог избежать смертной казни, но он старался успокоить и утешить Надю. Однажды он сказал ей:

— Ты никогда не говоришь со мной о моей матери, Надя.

Его мать! Надя не хотела говорить о ней. Зачем растравлять его сердечную рану? Разве старая сибирячка не умерла? Разве сын ее не отдал ей последний поцелуй, когда труп ее лежал там, на площади в Томске?

— Расскажи мне о ней, Надя, — просил между тем Михаил, — расскажи, ты доставишь мне большую радость.

И тогда Надя исполнила его желание. Она рассказала ему все, что произошло между ней и Марфой со времени их встречи в Омске, где они свиделись в первый раз. Она рассказала ему, как какое-то непонятное чувство внушило ей подойти к старой пленнице, несмотря на то что она ее совсем не знала, как она старалась заботиться о ней, как та ее ободряла и утешала. В то время Михаил Строгов был для нее еще Николаем Корпановым.

— Им я и должен был всегда оставаться! — проговорил Михаил, и лицо его омрачилось. — Я преступил клятву, Надя, — прибавил он затем, — я клялся, что не увижу свою мать!

— Но ты и не искал с ней встречи, Михаил, — отвечала Надя. — Вас столкнула одна случайность!

— Я клялся, что бы ни случилось, никогда не выдавать себя!

— Михаил, Михаил! Разве ты мог сдержатъ себя при виде кнута, угрожавшего Марфе Строговой? Такой клятвы не существует, которая бы запрещала сыну защищать свою мать!

— Я преступил свою клятву, Надя, — повторил Михаил. — Да простит мне Господь Бог этот грех!

— Михаил, — сказала молодая девушка, — я хочу предложить тебе один вопрос. Если ты находишь, что я не имею права об этом спрашивать — не отвечай. От тебя мне ничего не обидно услышать.

— Спрашивай, Надя.

— Почему теперь, когда у тебя отняли письмо государя, ты так спешишь прийти в Иркутск?

Михаил Строгов сжал еще крепче руку своей спутницы, но ничего не ответил.

— Выйдя из Москвы, ты знал о содержании письма? — снова спросила Надя.

— Нет, не знал.

— Так неужели, Михаил, ты идешь в Иркутск только для того, чтобы проводить меня к моему отцу?

— Нет, Надя, — серьезно отвечал он. — Я бы тебя обманул, если бы сказал, что это так. Я иду туда, куда повелевает мне идти мой долг! Что же касается до того, чтобы провожать тебя в Иркутск, то, мне кажется, теперь ты ведешь меня туда, а не я тебя. Разве не твои глаза указывают мне дорогу, не твоя рука руководит мною? Разве ты не сторицею заплатила мне за мои прежние услуги тебе? Я не знаю, смирится ли над нами когда-нибудь судьба, но если настанет такой день, когда ты поблагодаришь меня за то, что я проводил тебя к твоему отцу, то я поблагодарю тебя за то, что ты довела меня до Иркутска!

— Бедный Михаил, — отвечала Надя, растроганная его словами. — Не говори так! Я совсем не об этом тебя спрашивала. Михаил, скажи мне, почему теперь ты так торопишься прийти в Иркутск.

— Потому что я непременно должен прийти туда раньше Ивана Огарева! — отвечал Михаил.

— Даже теперь?

— Даже теперь. И я там буду!

И когда он произносил эти последние слова, то не одна только ненависть к негодяю руководила им. Но Надя поняла, что ее спутник не все сказал ей и что он не может сказать ей всего.

Три дня спустя, а именно 15 сентября, молодые люди пришли в село Куитунское, отстоявшее в семидесяти верстах от села Тулуновского. Молодая девушка шла с большим трудом. Она еле держалась на ногах, но все-таки перевозмогала себя и из последних сил боролась с усталостью.

«Он не может видеть меня, и я буду идти до тех пор, пока упаду», — думала она.

К тому же со времени их последней встречи с татарами путешествие их совершалось довольно благополучно. Одна только усталость мучила их. Так прошло еще три дня. По-видимому, третья неприятельская колонна очень быстро подвигалась на восток. Это видно было по оставшимся после них развалинам, по остывшему пеплу пожарищ, по разлагающимся трупам, разбросанным по дороге. На западе же все было по-прежнему тихо. Авангард эмира так и не показывался. Михаил не мог объяснить себе ничем подобной задержки с их стороны и приходил к заключению самых невероятных предположений по поводу этого. Уж не русские ли войска, собравшись в достаточном количестве, встретились с татарами под Томском или Красноярском? Тогда третья колонна, отделившись от двух других, рисковала быть совершенно отрезанной? Если это так, то великому князю легко будет отстоять Иркутск и предупредить нападение.

Михаил позволял себе иногда мечтать подобным образом, но скоро он понимал, насколько неосуществимы были эти мечтания, и тогда рассчитывал только на одного себя, как будто судьба великого князя заключалась только в его руках!

Шестьдесят верст отделяют Куитунское от Кимилтейского, небольшого поселка, построенного недалеко от Динки, притока Ангары. Михаил Строгов боялся, как бы эта река не явилась новым для них препятствием. О барках или лодках не могло быть и речи, а он помнил, что когда-то в более счастливые времена, когда ему пришлось переправляться через нее, то переправа вброд была опасна. До Кимилтейского оставалось, по крайней мере, три дня ходьбы. Надя еле тащилась. Как ни сильна была ее нравственная энергия, физические силы заметно покидали ее. Михаил Строгов слишком хорошо знал об этом! Если бы он не был слеп, то Надя, наверное, сказала

бы ему: «Ступай один, Михаил, оставь меня в какой-нибудь избушке! Иди в Иркутск! Постарайся увидеться с моим отцом! Скажи ему, где я! Скажи, что я жду его, вы оба сумеете отыскать меня. Иди, я ничего не боюсь! Я спрячусь от татар! Я сберегу себя для него и для тебя! Иди же, Михаил, я не могу идти дальше!..»

Несколько раз Надя останавливалась. Тогда Михаил брал ее на руки и шел еще быстрее. Он был неутомим. 18 сентября в десять часов вечера они пришли наконец в Кимилтейское. Взойдя на пригорок, Надя увидела на горизонте небольшую темную полосу. То была Динка. Бледные, вспыхивающие по временам зарницы, слабо освещали им путь. Надя повела своего товарища через село. Пепел от пожарища уже совсем остыл. Прошло, по крайней мере, пять или шесть дней с тех пор, как здесь в последний раз проходили татары. Дойдя до крайних изб села, Надя в изнеможении упала на каменную скамейку.

— Ты хочешь отдохнуть? — спросил Михаил.

— Уже ночь наступила, — отвечала Надя. — Разве ты не устал?

— Я бы хотел переправиться через Динку, — отвечал Михаил. — Я был бы спокойнее тогда. Но ты не в состоянии даже двинуться с места, бедняжка!

— Пойдем, Михаил! — отвечала Надя, вставая и увлекая его за собой.

Вдруг Михаил и Надя остановились. По степи совершенно ясно разнесся собачий лай.

— Ты слышишь? — спросила Надя.

Затем вслед за лаем послышался жалобный крик, крик отчаяния, как бы последний стон умирающего человека.

— Николай! Николай! — закричала молодая девушка.

Предчувствие чего-то злобещего сжало ей сердце.

Михаил Строгов прислушался.

— Идем, Михаил, идем, — говорила Надя.

И она, будучи не в силах за час перед этим двигаться, вдруг, под влиянием возбуждения, обрела силы и энергию.

— Мы свернули с дороги? — спросил Михаил, чувствуя под ногами не пыль, а скошенную траву.

— Да... так надо! — отвечала Надя. — Это оттуда, справа, донесся к нам крик!

Через несколько минут они были в полуверсте от реки. Снова послышался лай собаки, на этот раз ближе, хотя и слабее. Надя остановилась.

— Да, — сказал Михаил, — это лает Серко! Он побежал за своим хозяином!

— Николай! — закричала молодая девушка.

Ответа не было. Только несколько хищных птиц, испуганные ее криком, поднялись и скрылись в облаках.

Михаил лег и приложил ухо к земле. Надя старалась всмотреться в темную даль, но ничего не видела. А между тем, человеческий крик опять повторился. На этот раз слышно было ясно, как кто-то жалобным голосом позвал: «Михаил». Вдруг выскочила собака вся в крови и бросилась прямо к Наде. Это был Серко. Значит, Николай был где-нибудь тут, недалеко от них! Он один мог назвать Михаила по имени! Но где же он? У Нади не хватило даже духу еще раз позвать его. Но вот Серко снова залаял и как бешеный бросился на громадную птицу, спустившуюся в эту минуту на землю. Это был ястреб. Когда Серко наскочил на него, он быстро поднялся на воздух и, также быстро спустившись, ударил своим острым клювом собаку в голову. Та снова бросилась на птицу. Между ними завязалась глухая борьба, но вот ястреб еще раз клюнул собаку в голову, и на этот раз бедный Серко упал замертво. В ту же минуту Надя вскрикнула от ужаса.

— Здесь... здесь... — прошептала она.

Из земли торчала голова! В темноте она чуть не наступила на нее ногой! Надя бросилась перед этой головой на колени. Николай, зарытый в землю по горло, по зверскому обычаю татар, был брошен в степи... Ему предстояло или умереть с голода или быть растерзанным волками или хищными птицами! Ужасная казнь! Несчастная жертва, заживо погребенная...

Михаил Строгов вынул нож и стал разрыхлять им землю вокруг несчастного, чтобы освободить его. Николай медленно открыл глаза. Он узнал Михаила и Надю.

— Прощайте, друзья мои, — прошептал он. — Я рад, что свиделся с вами! Помолитесь за меня!.. — Это были его последние слова.

Михаил продолжал рыть землю и наконец вытащил тело бедного страдальца. Он прислушался к его дыханию. Сердце уже не билось.

В эту минуту по дороге, на расстоянии какой-нибудь полуверсты, от них раздался шум.

— Надя, Надя, — тихо позвал ее Михаил.

Надя, молившаяся на коленях около тела покойного, встала и подошла к нему.

— Поди посмотри! — сказал он.

— Татары! — прошептала она.

Действительно, это был авангард эмира, быстро ехавший по Иркутской дороге!

— Они не помешают мне похоронить его, — сказал Михаил и продолжал свою работу.

Тело Николая со сложенными на груди руками было скоро опущено в свежую могилу.

Михаил и Надя опустили на колени и в последний раз помолились об его душе. Это было доброе, безобидное существо, заплатившее жизнью за свою преданность им.

— Теперь, — сказал Михаил, засыпая могилу, — ни волки, ни птицы не растерзают его! Пойдем, — обратился он к Наде, кончив свою грустную работу.

Но по большой дороге они не могли идти, там шли теперь татарские войска. Приходилось идти через степь, чтобы стороной подойти к Иркутску. Переходить через Динку уже не надо было. Надя не в силах была даже тащиться, но зато она могла указывать Михаилу дорогу. Он взял ее на руки и пошел на юго-восток. Ему оставалось пройти более двухсот верст! Как он прошел их! Как мог он вынести все эти лишения, всю эту усталость? Какая сверхъестественная сила помогла ему перейти через Саянские горы? Чем питались они за это время? Ни он, ни Надя не смогли бы ответить на это!

А между тем двенадцать дней спустя, 2 октября, в шесть часов вечера громадная водная поверхность, ровная как скатерть, развернулась у самых ног Михаила Строгова. То было озеро Байкал.

ГЛАВА X

БАЙКАЛ И АНГАРА

Озеро Байкал лежит на тысячу семьсот футов выше уровня моря. Длина его около девятисот, ширина — около ста верст. Глубина же его до сих пор неизвестна. Основываясь на рассказах местных моряков, госпожа Бурбулон в своих записках передает нам, что Байкал любит, когда его называют морем. Если его называют озером, он раздражается бурями. Но до сих пор еще не было случая, чтобы кто-нибудь из русских утонул в нем. Этот обширный бассейн пресной воды, питаемый более чем тремястами рек, окаймлен великолепной цепью вулканических гор. Байкал

дает начало одной только реке Ангаре, протекающей мимо города Иркутска и впадающей затем в реку Енисей немного выше города Енисейска. Горы, опоясывающие его, составляют отрасль громадной горной системы Алтаев. Уже в это время холод давал себя чувствовать. Осень в скором времени обещала превратиться в жестокую зиму. Стояли первые октябрьские дни. Солнце закатывалось теперь в пять часов пополудни. Ночи были длинные и холодные. Термометр падал ниже нуля. На соседних вершинах байкальских гор уже лежал первый снег. Потому ли что, вопреки его желанию, его называют озером, или по какой другой причине, более метеорологической, Байкал известен своими страшными бурями. Его волны, короткие, как во всех средиземных морях, чрезвычайно опасны для плотов, прамов (однопалубное судно) и маленьких пароходов, развезжающих по нему в летнюю пору. Михаил Строгов, неся на руках молодую девушку, вся жизнь которой, так сказать, сосредоточивалась теперь в одних только глазах, подошел с ней к юго-восточному берегу. Смерть, как следствие истощения, как результат всевозможных лишений, — вот все, что могли они ожидать в этой дикой, глухой местности. А между тем, легко сказать, они прошли уже шесть тысяч верст! Что же еще оставалось сделать, чтобы царский курьер мог наконец добиться своей цели? Да только пройти еще шестьдесят верст от озера до устья Ангары, да восемьдесят верст от устья Ангары до Иркутска, в общем сто сорок верст, то есть три дня ходьбы для сильного и здорового человека. Но был ли таким человеком Михаил Строгов? Небо, без сомнения, не пожелало подвергать его этому новому испытанию. Злой рок, тяготевший над ним, казалось, решил пощадить его хотя на мгновение. Этот край Байкальского озера, эта часть степи, которую он считал пустынной и какой она и была обыкновенно, на этот раз не была безлюдна. На берегу озера стояла толпа человек в пятьдесят народу. Надя, как только Михаил, несший ее на руках, стал спускаться с горы, сразу заметила эту толпу. В первую минуту молодая девушка испугалась. Ей представилось, что это татарский отряд, посланный для завоевания берегов Байкала, но, взглядевшись пристальнее, она увидела, что ошиблась.

— Русские! — воскликнула она.

И вслед за этим последним усилием веки ее вдруг сомкнулись, голова бессильно упала на грудь Михаила, и она потеряла сознание.

Но, к счастью, их уже заметили. Несколько человек, отделившись от толпы, побежали к ним навстречу, и вскоре слепой и

молодая девушка очутились на небольшой пристани, где стоял привязанный паром.

Паром собирался отъезжать.

Эти русские были беглые, они бежали из разных мест и при разных обстоятельствах, но здесь, у берегов Байкальского озера, их соединила одна общая цель. Преследуемые татарскими разведчиками, они искали спасения в Иркутске.

На расспросы окружающих Михаил отвечал очень кратко, совершенно умолчал при этом о происшедшей с ним истории в Томске. Он выдал себя за мещанина из города Красноярска, сказал, что не мог раньше попасть в Иркутск потому, что на реке Динке встретил войска эмира, и прибавил, что, наверное, большая часть татарских сил уже заняла позицию перед столицей Сибири.

Итак, нельзя было терять ни одной минуты. К тому же погода становилась все холоднее и холоднее. Ночью термометр показывал ниже нуля. На озере показалось несколько льдин. Если паром мог свободно маневрировать здесь, на озере, то дальше, меж берегов Ангары, когда льдины загромождают ему дорогу, это будет не так-то легко. В конце концов, все сводилось к тому, чтобы беглецы отправлялись в путь как можно скорее. В восемь часов вечера отвязали канаты, и паром поплыл по течению. Несколько рослых и сильных мужиков взялись за длинные шесты и, разместившись по бокам парома, стали отталкиваться от берега. Старик матрос, местный уроженец, принял на себя управление паромом. Это был шестидесятипятилетний старик с темным, загорелым лицом. Густая белая борода его спускалась по самую грудь. На нем был широкий, длинный, до самых пят, кожан, подпоясанный кушаком, и большая меховая шапка. Старик имел суровый и вместе с тем важный вид. Усевшись позади всех, он всю дорогу молчал и только знаками показывал мужикам, что и как делать. В сущности, все искусство заключалось только в том, чтобы направлять паром по течению, не слишком близко подходя к берегу и в то же время не выходя на середину озера. Толпа людей, находившаяся на пароме, была крайне разнообразна. Среди местных жителей, мужчин, женщин, стариков и детей, находились два-три странника, несколько монахов и один сельский священник. У странников за плечами висело по котомке, в руках у каждого было по посоху; тихим и жалобным голосом они распевали псалмы. Один из них пришел с Украины, другой побывал на Желтом море, третий обошел Финляндию. У этого последнего, на вид уже дряхлого старика, у пояса висела кружка с маленьким висячим замком, какие носят обыкновенно сборщики

на Божий храм. Из всех этих денег, собранных им за время его долгого и утомительного путешествия, ему не принадлежало ни копейки, и даже ключик от кружки был не у него, а у тех, кто послал его и кому по возвращении своем он обязан был отдать эту кружку. Монахи пришли с далекого севера. Вот уже три месяца, как они вышли из Архангельска. Они посетили Святые острова около Карельского полуострова, Соловецкий монастырь, побывали у Троицы, были и в Москве, и в Казани, заходили и в Киев поклониться святым мощам, и вот теперь, все в той же скромной монашеской одежде и в черных клобуках, они спешили в Иркутск. Что же касается священника, то это был простой деревенский поп — один из этих шестисот тысяч народных пастырей, насчитывающихся в России. Одежда его была такая же бедная и грубая, как и у мужиков, да и сам он, не обеспеченный материально, не имеющий ни надлежащего положения, ни надлежащей власти, принужденный обрабатывать свой клочок земли наравне с крестьянами, мало чем отличался от них по своей внешности. Желая свою и детей он спас от жестокостей татар, отослав их в северные губернии, а сам оставался в своем приходе до последней минуты. Наконец и он принужден был бежать, но дорога в Иркутск была уже заперта, и ему пришлось идти на Байкал.

Странники и монахи во главе с сельским священником столпились небольшой кучкой вперед паром, и их тихая, покорная молитва громко разносилась в ночной тишине. До сих пор все шло благополучно. Надя продолжала спать. Михаил, сидя около нее, бодрствовал. Он спал только урывками, да и во сне голова его не переставала работать. Всю ночь дул сильный ветер против течения. Паром двигался медленно, и на утро следующего дня оказалось, что до устья Ангары оставалось еще целых сорок верст. Было ясно, что ранее трех или четырех часов пополудни им ни за что не достигнуть реки. Никто, однако, не сожалел об этом, напротив, все понимали, что ночью спускаться по реке к Иркутску будет гораздо удобнее, а главное, безопаснее. Единственно, чего опасался старик матрос, так это образования льдин на воде. Он даже не раз высказывал вслух свои опасения. Ночь была страшно холодная. Ветром гнало на восток большие льдины, но эти льдины были не опасны, так как их всех пронесло мимо Ангары. Зато лед, шедший с востока, мог быть пригнан течением в реку, и вот этот лед мог не только затруднить ход парома, но даже загородить ему совсем дорогу в Иркутск. Об этом приходилось теперь серьезно подумать. Михаилу Строгову в высшей степени хотелось

узнать, в каком положении находилось озеро и много ли образовалось на его поверхности льда. Когда Надя проснулась, он стал ежеминутно обращаться к ней с расспросами, и она рассказывала ему подробно обо всем, что делалось на воде. В то время как шел лед, на озере совершались весьма любопытные явления. То были горячие источники, брызжащие великолепными фонтанами из артезианских колодцев, которыми природа наделила даже самое дно Байкала. Кипящая вода высоким столбом била прямо из озера, мириады брызг, сверкающих на солнце, рассыпались целым радужным снопом, почти моментально замерзая в воздухе. Такое оригинальное явление, разумеется, привело бы в восторг всякого туриста, разъезжающего для своего удовольствия тихо и спокойно по этому сибирскому морю.

В четыре часа пополудни между высоких гранитных береговых утесов показалось наконец устье Ангары. Направо виднелась маленькая пристань Лиственничная, церковь и несколько домиков, рассыпанных по крутому откосу горы. Но — важное обстоятельство — первые льдины, пришедшие с востока, уже вошли в берега Ангары и плыли теперь по направлению к Иркутску. К счастью, их было еще немного и холод был не настолько велик, чтобы они могли увеличиться в объеме. Паром подплыл к пристани и остановился у нее. Старик матрос сказал, что остановка необходима для некоторых, не терпящих отлагательства, поправок плота. Расшатавшиеся бревна угрожали развехаться, и их необходимо было скрепить заново. В хорошее время года пристань Лиственничная служит местом остановок для всех, кто едет через Байкал и Кяхту и обратно. Таким образом, пароходы и маленькие каботажные суда очень часто посещают ее. Но в данный момент пристань была совсем пуста. Жители маленького города, не желая быть разоренными татарами, отослали все суда и барки, зимовавшие обыкновенно в их пристани, в Иркутск, а затем и сами, забрав свое имущество, поспешили туда же. Вот почему старик матрос никак не ожидал принять к себе здесь новых пассажиров, а между тем, едва паром причалил к берегу, как двое мужчин, выбежав из одного дома, со всех ног бросились к пристани. Надя сидела сзади всех и рассеянным взглядом смотрела вдаль. Заметив бегущих людей, она вдруг внимательно пригляделась к ним, вскрикнула и схватила за руку сидевшего рядом с ней Михаила. Михаил поднял голову.

— Что с тобой, Надя? — спросил он.

— Те двое, что ехали тогда с нами вместе.

— Этот француз и англичанин, с которыми мы встретились на Урале?

— Да.

Михаил испугался. Его тайна могла быть нарушена.

Действительно, для них он был уже не Николаем Корпановым, а Михаилом Строговым, настоящим царским курьером. С тех пор как они расстались в Ишиме, журналисты встречались с ним уже два раза. Первый — в Забедьеро, когда он хлестнул кнутом по лицу Ивана Огарева, второй — в Томске, когда его судил Феофар-Хан.

— Надя, — обратился Михаил к молодой девушке, — как только иностранцы сойдут на плот, попроси их прийти ко мне.

Это были действительно Гарри Блэнт и Альсид Жоливе.

Не простая случайность, а серьезные обстоятельства заставили их явиться сюда.

Читатель помнит, что они присутствовали при въезде татарских войск в Томск и во время празднества находились в толпе любопытных, но, не дождавшись конца жестокой казни Михаила Строгова, уехали. Они не сомневались, что он будет убит, и никак не ожидали, что эмир приказал его только ослепить. Раздобыв себе лошадей, они в тот же вечер выехали из Томска с твердым намерением записывать с этих пор в своих хрониках все подробно о Восточной Сибири и нравах сибиряков. Альсид Жоливе и Гарри Блэнт отправились форсированным маршем прямо в Иркутск. Они надеялись опередить Феофара-Хана, и, конечно, это удалось бы им, если бы не неожиданное появление этой третьей колонны, пришедшей с низовьев реки Енисея. Так же как и Михаил Строгов, они были отрезаны от прямой дороги, не успев даже доехать и до Динки. Им пришлось спуститься до самого озера Байкал. Когда они приехали в Лиственничную, то поселок был уже пуст. Три дня находились они в таком затруднительном положении, и вот наконец явился паром.

Беглецы сообщили им свои планы. Разумеется, были шансы на то, что, оставаясь, благодаря ночной темноте, незамеченными, они могли проникнуть в Иркутск, и иностранцы решили попробовать счастья. Альсид Жоливе немедленно вступил в переговоры со стариком матросом, предлагая ему от себя и от товарища большие деньги за перевоз.

— Здесь не платят, — с важностью отвечал старик, — здесь рискуют своей жизнью, вот и все!

Журналисты вошли на паром, и Надя видела, как они поместились впереди, рядом со странниками, монахами и священником. Блэнт был все тот же невозмутимый и хладнокровный англичанин, едва удостоивший ее своим разговором во время перехода через Урал.

Жоливе казался немного серьезнее обыкновенного. Почувствовав, что кто-то дотронулся до его руки, он быстро обернулся и узнал Надю, сестру царского курьера Михаила Строгова.

Он чуть было не вскрикнул от изумления, но молодая девушка знаком попросила его молчать.

— Подите сюда, — сказала ему Надя.

Француз молча подозвал к себе англичанина, и оба последовали за ней.

Увидев Михаила живым и, по-видимому, невредимым, они пришли в еще большее удивление.

Но когда они подошли к нему, Михаил даже не пошевелился. Жоливе обернулся в сторону молодой девушки.

— Он вас не видит, господа, — сказала Надя, — татары выжгли ему глаза. Мой бедный брат ослеп!

Чувство живого сострадания изобразилось на лицах обоих иностранцев. Минуту спустя они уже сидели около Михаила Строгова, жали ему руки и с нетерпением ждали, чтоб он объяснил им, зачем тот их позвал.

— Господа, — сказал Михаил тихим голосом, — вы не должны знать, кто я и зачем пришел в Сибирь. Я прошу вас поддержать мою тайну. Обещаете ли вы мне это?

— Даю честное слово, — отвечал Альсид Жоливе.

— Клянусь честью джентльмена, — прибавил Блэнт.

— Благодарю вас, господа.

— Не можем ли мы быть вам в чем-нибудь полезны? — спросил Блэнт. — Не помочь ли вам в вашем деле?

— Нет, благодарю вас, я предпочитаю действовать сам лично, — отвечал Михаил.

— Но эти мерзавцы испортили вам зрение? — сказал Жоливе.

— Со мной Надя, ее глаза заменяют мне мои!

Альсид Жоливе и Гарри Блэнт, обещав Михаилу Строгову хранить его тайну, продолжали сидеть рядом с ним и разговаривать. Беседа велась с полчаса. Никто из них не сомневался, что все три колонны татарских войск уже соединились в одну и под предводительством эмира и Ивана Огарева подступили к Иркутску.

Но к чему эта поспешность со стороны Михаила Строгова теперь, когда царское письмо уже не могло быть передано лично им в руки великому князю, когда он даже не знал и содержания-то этого письма? Альсид Жоливе и Гарри Блэнт, так же как и Надя, не могли этого понять. К тому же они избегали говорить о прошедших событиях. Один только Жоливе считал своим долгом сказать Михаилу, что они оба с товарищем крайне сожалеют о том, что, перед тем как расстаться с ним на Ишимской станции, они не могли пожать ему руку.

— Что вы, — отвечал Михаил, — вы имели полное право счесть меня за подлеца!

— Во всяком случае, — прибавил Альсид Жоливе, — вы великолепно отхлестали этого негодяя! Я думаю, у него надолго останутся ваши знаки!

— Нет, я думаю, что ненадолго, — просто отвечал Михаил Строгов.

Окруженный льдинами, паром быстро неся вниз по реке. Как роскошная, движущаяся панорама, скользили мимо них живописные берега ее. Тут — высокие гранитные утесы причудливой формы, там — дикое ущелье с пробивающейся сквозь него бурной речкой. Порою вдруг открывалась широкая лощина с дымившейся еще деревней или густые, сосновые леса, объятые красным пламенем. Но хотя повсюду и видны были следы татарского нашествия, все же их самих еще не было видно.

В это время странники продолжали распевать свои псалмы, а старик матрос, поминутно отталкивая наскакивающие на паром льдины, старался направлять его по самой середине быстрого течения Ангары.

ГЛАВА XI

МЕЖДУ ДВУХ БЕРЕГОВ

В восемь часов вечера, как и надо было ожидать, судя по состоянию неба днем, глубокая тьма окутала всю окрестность. Молодой месяц еще не показывался. С середины реки берега не были видны. Их скалы сливались вместе с тяжелыми, низкими облаками, почти неподвижно висевшими над рекой. По временам с востока потягивал ветерок, но здесь, в этой узкой долине Ангары, все было тихо.

Разумеется, темнота как нельзя более благоприятствовала планам наших беглецов. Действительно, если татарские разведчи-

ки и разъезжали в эту пору по берегам Ангары, то паром, плывший по середине реки, мог легко остаться ими незамеченным. Также маловероятно было и то, чтобы татары заперли вход в Иркутск со стороны реки.

Они прекрасно знали, что русским нечего ждать помощи с юга, к тому же очень скоро и сама природа устроила бы с этой стороны преграду, сплотив морозом все эти льды между обоих берегов. На пароме царила теперь полная тишина.

С тех пор как они плыли вниз по реке, голоса странников совсем замолкли. Они продолжали еще молиться, но это был уже шепот, не достигавший берегов. Все лежали, и их растяннувшиеся на плоту тела приходились почти вровень с горизонтальной линией воды.

Старик матрос, лежа теперь впереди помогавших ему мужиков, бесшумно отталкивался шестом от льдин. Этот плавучий лед был также большим удобством для наших беглецов. (К несчастью, ему впоследствии суждено было превратиться в непреодолимое препятствие на пути парома.) Плывая наряду с этими ледяными массами всех величин и всех форм, паром с толпою людей издали, да еще в темную ночь, мог сойти за одну из этих ледяных масс. Шум же, происходивший от столкновения льдин между собою, совершенно заглушал собой всякий посторонний звук.

Острый, пронизывающий насквозь холод заставлял жестоко страдать несчастных беглецов, не имеющих для защиты от него ничего, кроме нескольких веток березы. Они жались друг к другу, стараясь согреться и поддержать теплоту своего тела, чтобы потом легче перенести десятиградусный ночной мороз. Небольшой ветерок, начинавший дуть с гор, уже покрытых снегом, сделался вдруг резким и колючим.

Михаил Строгов и Надя, лежа позади всех, без жалоб переносили все эти страдания. Альсид Жоливе и Гарри Блэнт, поместившиеся около них, также довольно терпеливо разделяли со всеми общую печальную участь.

Ни те, ни другие не разговаривали теперь даже вполголоса. Все были поглощены переживаемыми минутами. Каждую секунду могло произойти какое-нибудь несчастье, какая-нибудь катастрофа, каждую секунду им грозила гибель и смерть.

Для человека, близкого к осуществлению своей цели, Михаил Строгов казался как-то странно спокоен. Он уже мечтал о той блаженной минуте, когда ему позволено будет наконец думать о матери, Наде, о себе самом! Он опасался только одного: чтобы под Иркутском их плот не затерло льдом, но и в этом случае он

твердо решил действовать со свойственной ему смелостью и бесстрашием.

Надя, отдохнувшая после нескольких часов сна, тоже думала о том, что, что бы Михаил ни придумал для достижения своей цели, она заранее готова во всем помогать ему. Мысль об Иркутске вызывала в ней воспоминание об отце, и отец как живой восставал в ее памяти. Она представляла себе его в этом осажденном городе, вдали от любящих его близких людей, но, так как она в этом не сомневалась, воюющим с врагами со всем увлечением своего патриотизма. Через несколько часов, с Божьей помощью, она будет в его объятиях, она передаст ему последние слова покойной матери, и их ничто уже не разлучит. Если даже Василия Федорова не вернуть из ссылки, то дочь останется при нем. Затем мысль ее переходила к тому, кому обязана она будет встречей с отцом, к своему доброму, великодушному спутнику, к «брату», который по окончании войны уедет в Москву и которого она, быть может, никогда больше не увидит!..

Что же касается Гарри Блэнта и Альсида Жюливе, то оба они думали об одном и том же: что, во-первых, положение их было в высшей степени драматично, а во-вторых, что если бы все это в подробностях описать, то вышла бы замечательно интересная хроника. Англичанин, конечно, вспоминал при этом о читателях «Ежедневного Телеграфа», француз — о своей кузине Мадлене. В сущности же, оба страшно волновались и тревожились.

«Э, тем лучше! — рассуждал Альсид Жюливе. — Чтобы суметь заставить волноваться других, надо прежде самому все перечувствовать! Мне кажется, что по поводу этого существует какое-то знаменитое изречение, но, черт возьми, если я знаю его».

И своими зоркими глазами он старался проникнуть в густую темь, окутывающую всю окрестность.

Порою, однако, яркий вспыхивающий свет прорезывал ночную мглу и на минуту освещал скалистые берега Ангары, принимавшие тогда какие-то странные фантастические формы. То был лесной пожар или какая-нибудь догорающая деревушка — зрелище, казавшееся еще более зловещим ночью, чем днем. Вся Ангара тогда, от одной горы до другой, со всем плывущим по ней льдом, освещалась красным заревом. Но опасность заключалась еще не в этом.

Несчастье другого рода грозило нашим беглецам. Они не могли предвидеть этого несчастья, главное, не могли спастись от него. Альсид Жюливе узнал о нем случайно и вот при каких обстоятельствах.

Лежа на самом краю парома, он нечаянно опустил руку в воду и вдруг ощущение чего-то липкого заставило его мгновенно отдернуть ее назад. Он поднес ее к лицу, понюхал и убедился, что вся рука была выпачкана в нефти. Да, положительно, на воде лежал целый слой нефти, и эта нефть плыла вместе с течением Ангары в Иркутск. Так неужели же и паром плыл по нефти, по этой горючей, так легко воспламеняющейся жидкости? Откуда же взялась эта нефть? Было ли это просто случайное явление природы или заранее подстроенная татарами хитрость? Неужели они собирались поджечь Иркутск, пользуясь такими средствами, которые между цивилизованными нациями даже не разрешаются законами войны? Задавая себе эти вопросы, Альсид Жюливе решил поделиться своим неожиданным открытием с англичанином, и оба согласились с тем, что лучше совсем умолчать об этой новой опасности, чем пугать и без того напуганных женщин и детей.

Известно, что почва Средней Азии, как губка, пропитана жидким светильным газом. В порту Баку, на границе Персии, на Апшеронском полуострове, в Малой Азии, в Китае, в Бирме существуют целые миллионы нефтяных источников. Это поистине страна масел, с которой в настоящее время может сравниться одна только Северная Америка.

В дни религиозных праздников, преимущественно в порту Баку, туземцы-огнепоклонники выливают в море нефть, которая, будучи легче воды, остается на ее поверхности. С наступлением ночи они зажигают светильный газ и любуются необыкновенным зрелищем огненного океана, то потухающего, то разгорающегося под порывами ветерка. Но что в Баку составляет одно только удовольствие, то на водах Ангары могло принести лишь несчастье.

Малейший недосмотр, малейшая неосторожность с огнем, и пожар во мгновение ока разлился бы по всей реке, до самого Иркутска. Собственно, на плоту неосторожности с огнем, конечно, нечего было бояться. Вся опасность заключалась в пожарах по берегам Ангары. Одной головешки, даже искорки, упавшей в воду, достаточно было, чтобы загорелась вся плывшая по реке нефть.

Тем временем паром быстро скользил среди льдин, все более и более сплывающих между собой.

До сих пор на берегах Ангары не показывался еще ни один татарский отряд; паром, как видно, еще не поравнялся с их аванпостами.

Но вот в десять часов вечера англичанину показалось, как будто по льдинам двигалась целая масса черных тел. Эти прыгающие тени быстро приближались к ним.

«Татары!» — подумал он.

И, проскользнув вперед, где лежал старик матрос, он указал ему на подозрительное явление.

— Это волки, — сказал тот. — По-моему, это лучше, чем татары! Но защищаться все-таки придется, а главное, защищаться без шума!

В самом деле, беглецам приходилось бороться против этих диких хищников, загнанных сюда голодом и морозом. Волки почуяли добычу и атаковали паром. Битва казалась неизбежной. Женщины и дети собрались посредине парома, мужчины же, вооруженные кто шестом, кто ножом, кто просто дубиной, встали по краям, чтобы не подпускать близко зверя. Ни одного человеческого крика не было слышно, только вой волков оглашал воздух. Михаил Строгов, не желая оставаться без дела, взял также свой нож и, растянувшись на самом краю плота, стал, в свою очередь, бить волков куда попало. Журналисты не отставали от других. Защита велась храбро и неутомимо. Но главное, — все совершалось в глубоком молчании, несмотря на то что многие из мужчин были серьезно ранены. Между тем битва обещала еще не скоро кончиться. Волки все прибывали да прибывали, правый берег Ангары, должно быть, был весь покрыт ими.

— Да этому конца не будет! — говорил Альсид Жоливе, то и дело отмахиваясь своим окровавленным кинжалом.

Уже полчаса, как продолжалась битва, а волки все еще бежали целыми сотнями к плоту.

Беглецы, утомленные, обессиленные, стали, видимо, ослабевать. Успех битвы склонялся не в их сторону. В эту минуту с десяток волков, громадных размеров, разъяренных голодом и гневом, с горящими как уголья глазами, ворвались на паром. Альсид Жоливе и Гарри Блэнт бросились в середину их, как вдруг все переменялось. В несколько секунд волки покинули не только паром, но и лед, плавивший по реке.

Дело в том, что вся Ангара осветилась вдруг таким ярким огнем, что на плоту сделалось светло как днем. То было зарево от громадного пожара. Горело все село Поздавское. На этот раз там действовали сами татары. С этого пункта они занимали оба берега вплоть до Иркутска.

Итак, беглецы достигли наконец самого опасного места в своем путешествии, а до столицы Сибири между тем оставалось еще

целых тридцать верст! Было одиннадцать с половиною часов вечера.

Паром продолжал скользить в тени между льдин, оставаясь по-прежнему незаметным, но длинные, огненные языки бросали иногда свой яркий свет и на него. Поэтому беглецы, лежа на плоту, старались не двигаться, чтобы не выдать себя. Пожар в селе распространялся с необыкновенной яростью. Деревянные дома, построенные большей частью из сосны, горели как солома. Их было там сто восемьдесят, и они горели все сразу. Треск от рушившихся зданий смешивался с диким ревом татар.

Старик матрос оттолкнул паром ближе к правому берегу. Их разделяло теперь пространство в триста-четыре фута.

Но можно представить себе, что чувствовал Альсид Жоливе и Гарри Блэнт, вспоминая, что ведь они плывут по нефти! Из пылающих домов то и дело вылетали снопы искр. Огненные головни летали на высоте пятсот-шестисот футов в воздухе. К счастью, однако, ветер дул в противоположную сторону от плота и можно было надеяться, что беглецы избегнут этой новой для них опасности.

И действительно, горевшее село скоро осталось позади. Мало-помалу зарево побледнело, шум затих, и наконец за крутым поворотом реки скрылся и последний зловеющий отблеск. Было около полуночи.

Сгустившаяся темнота снова успокоила наших беглецов.

Татары были близко, они разъезжали взад и вперед по обоим берегам. Их не было видно, но зато было слышно. Постовые огни сверкали повсюду.

Между тем лед продолжал сплавиваться, и необходимость заставляла маневрировать с особенною осторожностью.

Старик матрос встал, мужики опять взялись за шесты. Все работали усердно, плот же двигался вперед с большим трудом. Руслó реки, видимо, суживалось.

Михаил Строгов пробрался вперед. Альсид Жоливе последовал за ним. Оба стояли и слушали, что говорили старик матрос и толпившиеся около него люди.

— Смотри направо!

— Вот налево несет льдины!

— Отталкивайся, отталкивайся шестом!

— И часу не пройдет, как мы станем...

— На все воля Божья! — отвечал старик. — Против Его воли ничего не поделаешь!

— Вы слышали, что они говорят? — спросил Жоливе.

— Да, — отвечал Михаил, — но Господь не оставит нас!

Положение между тем становилось все серьезнее.

Если плот остановится, то беглецы не только не попадут в Иркутск, но еще принуждены будут оставить свой плавающий дом, так как его затрет льдинами и он потонет. Несчастные очутятся прямо на льду. Настанет день, татары увидят их и перебьют. Михаил вернулся назад к ожидавшей его Наде. Он подошел к молодой девушке, взял ее за руку и спросил:

— Надя, готова ли ты?

— Да, я готова, — отвечала она.

Они проехали еще несколько верст, лавируя между плавающими льдинами. Но что, если Ангара замерзнет и плыть по течению будет невозможно? Уж и теперь они двигаются гораздо медленнее, чем час тому назад. Ежеминутные толчки, повороты, объезды, в конце концов, постоянные задержки — все это приводило их в нетерпение и тревогу. Действительно, утро было уже недалеко. Если они не приедут в Иркутск до пяти часов утра, то они никогда не попадут туда.

И вот в половине второго часа ночи, несмотря на все усилия, плот натолкнулся на громадную льдину и окончательно застрял на одном месте. Плывшие позади льдины с шумом налетели на него и прижали к ледяной горе.

Если бы они могли прорубить это ледяное поле, то, быть может, время и не было бы для них потеряно? Но у них не было ни пилы, ни топора — ничего, чем бы можно было пробить эту ледяную кору, крепкую, как гранит. Что делать, что предпринять?

В эту минуту с правого берега Ангары раздались выстрелы. Целый дождь пуль посыпался на плот. Несчастных, значит, заметили? Разумеется, так как и с левого берега начались такие же выстрелы. Беглецы, попавшие между двух огней, сделались мишенью татарских стрелков. Некоторые были ранены, несмотря на то что татары в темноте стреляли наудачу.

— Идем, Надя, — шепнул Михаил Строгов на ухо молодой девушке.

Безмолвно, готовая на все, Надя взяла за руку Михаила.

— Мы должны перейти через лед, — сказал он ей тихо. — Веди меня, но сделай так, чтобы никто не видел, что мы уходим с плота.

Надя повиновалась. Они быстро проскользнули на лед. Надя шла впереди. Пули свистели над их головами. Цепляясь за неровный, колючий лед, они изранили себе руки до крови, но ничто не пугало их, и они шли бодро вперед. Десять минут спустя

ледяное поле было пройдено. Впереди открывалась Ангара, холодная, бурная и снова свободная. Некоторые льдины понемножку отделялись от ледяного поля, и их несло вместе с течением вниз к городу.

Надя угадала мысль своего товарища. Она сразу заметила одну большую льдину, державшуюся на узеньком языке.

— Идем, — сказала Надя.

И оба легли на этот кусок льда и стали ждать. Течением оторвало льдину, и они поплыли. Русло реки становилось все шире и шире, дорога делалась свободнее.

Михаил и Надя молча прислушивались к выстрелам, к крикам отчаяния, к вою татар... Мало-помалу все смолкло.

— Бедные! — прошептала Надя.

Прошло полчаса, как они плыли таким образом. Течение несло их очень быстро, но они каждую минуту опасались, чтоб лед не расстался под ними.

Михаил Строгов, со стиснутыми зубами, напряженно прислушиваясь, молчал. Никогда не был он так близок к своей цели! Он чувствовал, что достигнет ее.

Около двух часов утра двойной ряд огней осветил темный горизонт с исчезающими в нем берегами Ангары.

Направо были огни Иркутска, налево — татарского лагеря. Они были только в полуверсте от города.

— Наконец-то! — прошептал он.

Но вдруг Надя вскрикнула. При этом крике Михаил выпрямился во весь рост на покачивавшейся льдине. Он протянул руку вперед. Его лицо все освещенное голубоватым отсветом береговых огней, сделалось ужасным. Глаза, казалось, прозрели.

— Ах! — вскричал он. — Сам Бог против нас!

ГЛАВА XII

ИРКУТСК

В Иркутске, столице Восточной Сибири, в настоящее время насчитывается до тридцати тысяч жителей. Город со своим величественным собором и массою других церквей, с домами, разбросанными в живописном беспорядке, стоит на правом, довольно высоком берегу Ангары. Если смотреть на него со стороны, с высоты горы, возвышающейся верст на двадцать на большой сибирской дороге, то этот город со своими церквами и колокольнями, с высокими шпицами как на минаретах, с пузатыми

куполами, похожими на японские пагоды, носит характер чисто восточный.

Но стоит только въехать в самый город, как первое впечатление тотчас же изменяется. Город, наполовину византийский, наполовину китайский, становится сразу европейским, как только вы увидите его мощные улицы с широкими тротуарами, искусственные каналы, обсаженные по берегам гигантскими березами, его каменные и деревянные дома, между которыми есть даже и многоэтажные здания, бесчисленные экипажи, снующие по улицам, и не просто тарантасы и телеги, а хорошенькие фаэтоны, изящные кареты и коляски наконец, все это городское население, носящее на себе отпечаток интеллигентности и цивилизации, эти шикарные дамские туалеты, сшитые по последней парижской моде.

В это время Иркутск был переполнен приезжими и, главным образом, сибирскими провинциалами. Жизнь была там ключом. Но город был богат — это был главный торговый пункт между Китаем, Средней Азией и Европой, — и потому правительство не побоялось созвать сюда всех крестьян с долины Ангары, тунгузов, бурят и прочих иноверцев, образовав между завоевателями и городом целую пустыню.

Иркутск считается резиденцией генерал-губернатора Восточной Сибири. Кроме генерал-губернатора управлением города заведуют гражданский губернатор, в руках которого сосредоточена вся административная власть, начальник полиции — человек чрезвычайно занятой, так как Иркутск переполнен ссыльными, и наконец, городской голова — лицо очень важное, благодаря своему миллионному состоянию и громадному влиянию, оказываемому им на своих подчиненных.

Гарнизон в Иркутске состоял тогда из пешего казачьего полка, числом около двух тысяч человек и местного жандармского корпуса, носящего каску и голубую с серебряным галуном форму.

Кроме того, вследствие совсем особых причин в городе, как известно, с начала вторжения татар находился сам брат государя.

Случилось же это следующим образом. В тот год великий князь совершал путешествие по Сибири с политической целью. Он побывал во всех главных сибирских городах, разъезжая всюду не как великий князь, а как простой военный генерал, без всякого блеска, лишь с несколькими приближенными офицерами, конвоируемый небольшим казачьим отрядом. Достигнув крайних пределов обширного Московского государства и посетив Николаевск, последний русский город при Охотском море, великий князь

вернулся в Иркутск, предполагая оттуда проехать прямо в Европу, как вдруг до него дошли слухи об этом внезапном и грозном восстании татар. Он поспешил в столицу Сибири, но когда он приехал туда, то оказалось, что все сношения с Россией уже прерваны. Он получил еще несколько телеграмм из Петербурга и из Москвы, мог даже ответить на них, но затем телеграф был перерезан при обстоятельствах, уже известных читателю.

Иркутск был изолирован от всего света. Великому князю пришлось остаться в городе, что он и сделал, с присущим ему хладнокровием и твердостью духа.

Известие о взятии Ишима, Омска и Томска дошли последовательно и до Иркутска. Надо было во что бы то ни стоило спасти хоть эту столицу Сибири. На скорую помощь со стороны рассчитывать было нечего. То же количество войска, что было разбросано в Иркутской губернии и Приамурских областях, было слишком недостаточно для противодействия татарским ордам. А так как Иркутску невозможно было избежать столкновения с татарами, то прежде всего необходимо было укрепить город, что бы он мог, хотя бы некоторое время, вынести осаду. Работы начались в тот самый день, когда Томск был взят татарами.

Одновременно с этой последнею новостью великий князь узнал, что татарами предводительствует сам эмир бухарский со своими союзниками, ханом кокандским и ханом кундузским. Он не знал только, что главным советником этих варваров был Иван Огарев, русский офицер, им же самым разжалованный в солдаты, хотя лично и неизвестный ему.

Прежде всего, как уже известно, всем жителям Иркутской губернии было приказано оставить свои города и села и переселиться в Иркутск. Те, кто не желал оставаться в столице, могли ехать дальше, за Байкал, куда татары, по всей вероятности, не стали бы углубляться.

Громадные подводы с хлебом и другими съестными припасами были заблаговременно отправлены в Иркутск; жители стали деятельно готовиться к наступлению неприятеля.

Иркутск, основанный в 1661 году, стоит при слиянии двух рек, Иркуты и Ангары, на правом берегу этой последней. Два деревянных моста, построенных на сваях и разводимых во время навигации, соединяют город с его предместьем, расположенным по левую сторону реки. С этой стороны защищаться было легко: стоило только жителям выехать из предместья и сломать мосты. Русло Ангары в этом месте было настолько широко, что неприятельский огонь не мог достигнуть до города. Но зато с востока

Иркутск был совершенно открыт, и с этой стороны жителям грозила серьезная опасность.

Поэтому прежде всего начались фортификационные работы. Работали неустанно день и ночь. Великий князь нашел в Иркутске трудолюбивое население, ревностно исполнявшее свое дело, а впоследствии и храброе при защите города войско.

Солдаты, купцы, ссыльные и крестьяне — все были готовы жертвовать собой на общее благо. За восемь дней до появления татар на берегах Ангары кругом города выросли высокие земляные стены. Между эскарпом и контрэскарпом был вырыт ров, куда отвели воду из Ангары. Теперь не так-то легко было взять город, надо было прежде осадить его, да еще осадить по всем правилам военного искусства!

Третья татарская колонна, та, что поднялась по длине Енисея, явилась к Иркутску 24 сентября. Она мгновенно заняла покинутое русскими предместье города, где самые дома были даже разрушены для того, чтобы артиллерия великого князя, к несчастью очень многочисленная, могла бы действовать более успешно. Татары в ожидании эмира и его войска не начинали военных действий. Соединение всех трех колонн произошло 25 сентября, на берегу Ангары, и вся армия, исключая только несколько гарнизонов, оставленных в завоеванных городах, поступила под командование самого Феофар-Хана. По совету Ивана Огарева, большая часть войска переправилась через реку, в нескольких верстах ниже города, по мосту, составленному для этой цели из барок. Великий князь не решился противодействовать им. У него не было полевой артиллерии, и он остался в запертом городе. Татары заняли правый берег реки, затем они поднялись к городу, закли по дороге летний дом генерал-губернатора, стоявший в лесу на горе, и начали осаду Иркутска.

Иван Огарев как искусный инженер, разумеется, умел вести правильную осаду, но, чтобы действовать успешно, ему не хватало материальных средств. А потому он и надеялся завладеть Иркутском обманом. Оказалось же, что обстоятельства повернули дело совсем не так, как он этого желал.

С одной стороны, татарская армия была задержана неожиданным сражением при Томске, с другой — великий князь слишком поспешил с приготовлениями к защите города: все это вместе разрушило его планы. Он очутился в необходимости начать правильную осаду. Между тем под его же влиянием эмир пробовал два раза брать город приступом, и каждый раз это стоило ему громадных потерь. Он бросал своих солдат на

земляной вал, казавшийся со стороны слабым укреплением, но оба раза татары были с силою отброшены вниз. Великий князь и офицеры не щадили в этих случаях собственной жизни.

При втором приступе татарам удалось разбить ворота в стене и ворваться в город. В конце Большой улицы, тянувшейся на две версты через весь город и выходящей на берег Ангары, произошла жестокая схватка. Но казаки, жандармы и горожане оказали им такое сильное сопротивление, что татары принуждены были вернуться на свои позиции. Тогда, видя, что никакая сила не поможет, Иван Огарев решил прибегнуть к хитрости. Он давно уже составил себе план, как проникнуть тайным образом в город, как добраться до великого князя, войти к нему в доверие, а затем, при первом удобном случае, открыть осаждающим городские ворота и отомстить за себя великому князю, брату царя. Цыганка Сангарра, следовавшая за ним по пятам, заставила его привести этот план в исполнение.

Действительно, медлить было невозможно. Из Якутской области к Иркутску шли русские войска. Они должны были прийти через каких-нибудь пять-шесть дней. Иван Огарев более не колебался.

Однажды вечером, а именно 2 октября, в большом зале генерал-губернаторского дворца, где жил в то время великий князь, состоялся военный совет. Этот дворец находился в конце Большой улицы и главным фасадом своим выходил на набережную Ангары. Из окон залы был виден весь неприятельский лагерь.

Великий князь, генерал Воронцов, генерал-губернатор, губернатор, городской голова и несколько высших военных чинов вели между собой серьезную беседу.

— Господа, — говорил великий князь, — вы хорошо знаете, в каком мы находимся теперь положении. Я твердо надеюсь, что мы выдержим осаду до прибытия якутских войск. Тогда, конечно, нам не трудно будет прогнать эти дикие орды, и от меня уже будет зависеть, наказать их за их дерзкое восстание. О, они дорого заплатят за это!

— Ваше высочество, можете рассчитывать в этом случае на все население Иркутска, — сказал генерал Воронцов.

— Да, генерал, знаю, — ответил великий князь, — и я преклоняюсь перед их патриотизмом. Благодарение Богу, в городе нет ни эпидемии, ни голода, и я надеюсь, что мы избежим этого нового несчастья. Что же касается до защиты города, то я в восторге от храбрости горожан. Я вас попрошу, — обратился он к городскому голове, — передать им мои слова.

— Благодарю вас, ваше высочество, от лица всего города, — проговорил городской голова, вставая и кланяясь великому князю. — Осмелюсь спросить, ваше высочество, как скоро можно ожидать нам помощи от якутских войск?

— Самое большее через шесть дней, — отвечал великий князь. — Один ловкий и храбрый разведчик пробрался сегодня утром в город и сообщил мне, что к нам идет пятьдесят тысяч русского войска под начальством генерала Киселева. Два дня тому назад они были на берегах Лены, в Киренске, и теперь никакие снега, никакие морозы не помешают им дойти до Иркутска. Пятьдесят тысяч свежего войска, ударивши в тыл татарам, легко освободят нас.

— Осмелюсь прибавить от себя, ваше высочество, — сказал городской голова, — что в тот день, когда вашему высочеству угодно будет принять какое-либо решение, мы всегда будем готовы исполнить его.

— Хорошо, — отвечал великий князь. — Подождем, когда якутские войска покажутся на горах, и мы раздавим тогда наших врагов!

Затем, обратившись в генералу Воронцову, он сказал:

— Завтра мы осмотрим работы на правом берегу. По Ангаре идет лед, она скоро замерзнет, и тогда татарам легко будет перейти через нее.

— Позвольте, ваше высочество, сказать вам одну вещь, — сказал городской голова.

— Говорите.

— У нас бывают иной раз морозы в тридцать-сорок градусов, Ангара никогда вся не замерзает. Уж слишком быстрое у нее течение, да и ключей много. Так что если татарам другого какого способа перейти реку нет, то я могу поручиться, ваше высочество, что им никогда не пробраться в Иркутск.

Губернатор подтвердил слова городского головы.

— Для нас это большое счастье, — отвечал великий князь. — Тем не менее мы должны быть готовы ко всему. А вы, — обратился он к начальнику полиции, — ничего не имеете сообщить мне?

— Я должен сообщить вашему высочеству, — отвечал тот, — об одной просьбе, порученной мне передать вашему высочеству.

— От кого?

— От ссыльных в Сибири, ваше высочество. В настоящее время их пятьсот человек у нас в городе.

Политические преступники, сосланные в разное время, в разные города Сибири, при начале войны с татарами были действительно собраны все в Иркутск. Им приказано было выехать из городов и сел, где они занимали разные должности, одни — в качестве докторов, другие — домашних наставников и учителей. При осаде Иркутска великий князь, вполне доверяя их патриотизму, приказал раздать им оружие, и он не ошибся. Ссылные оказались храбрыми и верными защитниками своего отечества.

— В чем состоит просьба ссыльных? — спросил великий князь.

— Они просят ваше высочество, — отвечал начальник полиции, — чтобы вы разрешили им составить отдельный корпус, и затем, чтобы вы дозволили им быть впереди всех при первой вылазке.

— Да, — отвечал великий князь (он был растроган и не желал скрывать этого), — ведь эти ссыльные — русские и они имеют полное право защищать свое отечество.

— Смею уверить, ваше высочество, — заметил генерал-губернатор, — что это будут лучшие солдаты вашей армии.

— Но им нужен командир? Кого же мы им назначим?

— Они хотели предложить вам, ваше высочество, — сказал начальник полиции, — одного из них, человека, уже имевшего случай не раз отличиться.

— Он русский?

— Да, русский, из прибалтийских провинций.

— Его имя?

— Василий Федоров.

Этот ссыльный был отец Нади. Василий Федоров занимался в Иркутске докторской практикой. Это был человек образованный и в высшей степени гуманный, с характером смелым и отважным и искренний патриот в душе. Все свободное от посещения больных время он употреблял на деятельное участие в приготовлениях к осаде. Он же собрал и товарищей своих по ссылке, заставив их действовать сообща. Ссылные не раз уже обращали на себя внимание великого князя. Они участвовали во многих вылазках и кровью смыли долг свой перед святой Русью. Да, поистине святой и обожаемой своими сынами Русью! Василий Федоров вел себя как настоящий герой. Его имя упоминалось не раз за последнее время, но он никогда ничего не просил: ни милостей, ни награды; когда же ссыльные города Иркутска задумали сформировать свой особый отряд, он даже и не подозревал, что

они намереваются выбрать его себе в командиры. Когда начальник полиции назвал его имя, великий князь сейчас же заметил, что это имя ему уже знакомо.

— Действительно, — сказал генерал Воронцов, — Василий Федоров человек достойный и храбрый. Он всегда имел большое влияние на своих товарищей по ссылке.

— Как давно он в Иркутске? — спросил великий князь.

— Два года.

— А его поведение?

— Безукоризненно, — отвечал начальник полиции.

— Генерал, — сказал великий князь, — будьте так добры представить мне этого человека немедленно.

Приказание великого князя было исполнено, и не прошло и получаса, как Василий Федоров уже стоял в дверях большой залы генерал-губернаторского дворца.

Это был человек лет за сорок, высокий, с суровым и печальным лицом, всю жизнь свою проводивший в борьбе и страданиях.

Дочь была живым портретом отца. Вторжение татар поразило его более чем кого-либо, разбив последнюю надежду человека, оторванного на восемь тысяч верст от своего родного города. Несколько месяцев тому назад он узнал о смерти своей жены и одновременно с этим об отъезде дочери, получившей разрешение от правительства жить с ним в Иркутске. Надя должна была выехать из Риги 10 июля.

— Василий Федоров, — сказал великий князь, — твои товарищи по ссылке просят разрешения сформировать отборное войско. Им известно, что в таких войсках надо уметь биться насмерть?

— Известно, ваше высочество, — отвечал Василий Федоров.

— Они хотят, чтобы ты был их командиром.

— Я, ваше высочество?

— Согласен ты стать во главе их?

— Согласен, если того требует благо России.

— Командир Федоров, ты больше не ссыльный! — сказал великий князь.

— Благодарю, ваше высочество, но разве я могу командовать ссыльными?

— Они больше не ссыльные.

Наступила ночь. Из окон дворца видно было, как по ту сторону Ангары, в татарском лагере, сверкали бесчисленные огни. По реке шел лед. Течение Ангары было настолько сильно, что середина реки была почти совсем свободна. Весь лед прибывало

к берегам, некоторые льдины наталкивались на сваи разведенных деревянных мостов и, зацепившись за них, застревали там.

Очевидно, городской голова был прав, говоря, что Ангара никогда сплошь не замерзает и что с этой стороны Иркутску нечего опасаться нападения татар.

Пробило десять часов вечера.

Великий князь только что хотел отпустить своих офицеров и удалиться в собственные покои, как у дворцового подъезда послышался шум.

Почти в ту же минуту дверь залы открылась, вошел адъютант и, приблизившись к великому князю, сказал:

— Ваше высочество, приехал царский курьер.

ГЛАВА XIII

ЦАРСКИЙ КУРЬЕР

Вошел человек. У него был усталый, истомленный вид. На нем была старая, изорванная, местами простреленная пулями крестьянская одежда. Широкий, еще не успевший зажить шрам рассекал надвое его бледное злое лицо. Этот человек, по-видимому, совершил долгое и трудное путешествие. Его пыльная, истрепанная обувь свидетельствовала, что он шел долгое время пешком.

— Его высочество, великий князь! — вскричал он, входя в комнату.

Великий князь подошел к нему.

— Ты царский курьер? — спросил он.

— Да, ваше высочество.

— Откуда ты приехал?..

— Из Москвы.

— Когда ты выехал из Москвы?..

— Пятнадцатого июля.

— И тебя зовут?..

— Михаилом Строговым.

Это был Иван Огарев. Он взял имя и звание того, про кого думал, что погубил навеки. Начиная с великого князя его никто не знал в Иркутске, ему даже не нужно было изменять черты своего лица. А так как он мог подтвердить свои слова еще вещественными доказательствами, то никто не мог и сомневаться в его личности. И вот, поддерживаемый своей железной волей,

он явился сюда, чтобы обманом и убийством ускорить развязку войны.

После ответа Ивана Огарева великий князь дал знак своим офицерам, чтобы они удалились. Лже-Михаил Строгов и великий князь остались одни в зале.

Великий князь в продолжение нескольких минут пристально смотрел на Ивана Огарева.

— Ты был пятнадцатого июля в Москве? — спросил он его наконец.

— Да, ваше высочество, и в ночь от четырнадцатого на пятнадцатое я видел его величество государя императора в Кремлевском дворце.

— У тебя есть письмо от царя?

— Вот оно.

Огарев подал великому князю царское письмо, сложенное почти в микроскопические кусочки.

— Это письмо было отдано тебе в таком виде? — спросил великий князь.

— Нет, ваше высочество, я сам разорвал конверт, чтобы лучше спрятать письмо от татар.

— Разве ты был у них в плену?

— Да, ваше высочество, я был в плену несколько дней, — отвечал Иван Огарев. — Вот почему хотя я и вышел из Москвы пятнадцатого июля, как это сказано в письме, но в Иркутск попал только второго октября. Я был в дороге семьдесят девять суток.

Великий князь взял письмо. Он развернул его и увидел подпись царя и несколько слов, написанных его собственной рукою. Ни в подлинности этого письма, ни в подлинности самого курьера не могло быть больше никакого сомнения. Если зверское лицо этого последнего и возбудило вначале недоверие к нему великого князя, то теперь всякое недоверие должно было исчезнуть. Великий князь молчал. Он медленно читал письмо, как бы стараясь лучше проникнуть в его смысл.

— Михаил Строгов, — произнес он наконец, — ты знаешь содержание этого письма?

— Знаю, ваше высочество. Обстоятельства могли заставить меня уничтожить его, чтобы оно не попало в руки татарам, и тогда я должен был бы передать вашему высочеству его текст устно.

— Ты знаешь, что в этом письме нам приказывается скорее умереть в Иркутске, чем сдать его врагам?

— Я знаю это.

— А ты знаешь, что в этом письме имеются также распоряжения насчет наших войск, составленные с целью остановить движение татар?

— Да, ваше высочество, но эти распоряжения не имели успеха.

— Что хочешь ты этим сказать?

— Я хочу сказать, что Ишим, Омск и Томск, не говоря о других менее важных городах, один за другим были заняты солдатами Феофар-Хана.

— Но разве битва была? Разве наши казаки уже встречались с татарами?

— Несколько раз, ваше высочество.

— И их оттеснили?

— Их было недостаточное количество.

— Где произошли эти схватки, о которых ты говоришь?

— В Колывани, в Томске...

До сих пор Иван Огарев говорил только правду, но теперь, чтобы привести в замешательство осажденных города Иркутска, преувеличив победы, одержанные татарами над русскими, он прибавил:

— И третий раз под Красноярском.

— И эта последняя схватка?.. — спросил великий князь, стиснув зубы.

— Это была больше чем схватка, ваше высочество, — отвечал Огарев, — это была битва.

— Битва?!

— Двадцать тысяч русских, пришедших из пограничных губерний и из Тобольска, наткнулись на сто пятьдесят тысяч татар и, несмотря на свою храбрость, были истреблены.

— Ты лжешь! — вскричал великий князь, с трудом сдерживая свой гнев.

— Я говорю правду, ваше высочество, — холодно отвечал Иван Огарев. — Я был очевидцем этой битвы при Красноярске, там меня и захватили в плен.

Великий князь успокоился и знаком дал понять Ивану Огареву, что он больше не сомневается в правдивости его слов.

— Какого числа была эта битва под Красноярском? — спросил он.

— Второго сентября.

— И теперь все татарские войска собрались вокруг Иркутска?

— Все.

— И сколько их будет, по-твоему?

— До четырехсот тысяч человек.

Это была новая выдумка Ивана Огарева, сказанная им с той же целью.

— Значит, я не могу ожидать никакой помощи с запада? — спросил великий князь.

— Никакой, ваше высочество, по крайней мере, до конца зимы.

— Итак, слушай же, что я скажу тебе, Михаил Строгов. Если б даже мне и совсем неоткуда было ждать помощи, ни с востока, ни с запада, а татар было бы хоть шестьсот тысяч человек, то и тогда я бы не отдал им Иркутск.

Иван Огарев прищурил слегка злые глаза, но промолчал.

— Ты знаешь, Михаил Строгов, что в этом письме упоминается об одном негодяе, которого мне надо остерегаться?

— Знаю, ваше высочество.

— Он должен пробраться в город переодетым, втереться ко мне в доверие и в конце концов выдать город врагам.

— Я все это знаю, ваше высочество, я знаю даже, что Иван Огарев поклялся лично отомстить брату государя.

— За что?

— Говорят, что этот офицер был разжалован великим князем в солдаты.

— Да... я вспоминаю теперь... Но он этого заслуживал! Это был негодяй, он потом изменил своему отечеству, он повел врагов на Россию!

— Его величество, государь император, — отвечал Иван Огарев, — заботится главным образом о том, чтобы вы были предупреждены против злодейских замыслов Ивана Огарева, направленных лично на особу вашего высочества.

— Да... в письме об этом говорится...

— Его величество сказали мне это лично, предупредив, чтобы и я во время своего путешествия по Сибири, остерегался бы этого мерзавца.

— Ты встречался с ним?

— Да, ваше высочество, после битвы под Красноярском. Если бы он мог заподозрить, что я несу письмо, адресованное вашему высочеству, где избочлчаются все его замыслы, он не пощадил бы меня.

— Да, ты был в безвыходном положении! — отвечал великий князь. — Как же тебе удалось избежать с ним столкновения?

— Я бросился в Иртыш.

— А в Иркутск как ты попал?

— Благодаря вылазке. Это было сегодня вечером: наши хотели прогнать один татарский отряд. Я вмешался в толпу осажденных, затем сказал, кто я и откуда, и меня сейчас же привели во дворец к вашему высочеству.

— Хорошо, Михаил Строгов, — отвечал великий князь. — Ты выказал храбрость и усердие в этом, возложенном на тебя, поручении. Я не забуду тебя. Не имеешь ли ты какой особой просьбы до меня?

— Никакой, кроме той, чтобы вы позволили мне сражаться рядом с вашим высочеством, — отвечал Иван Огарев.

— Хорошо, Михаил Строгов, с этого дня я прикомандирую тебя к себе, и ты будешь жить со мной во дворце.

— А если, сообразно с намерением, приписываемым ему, Иван Огарев явится к вашему высочеству под ложным именем?

— Мы его разоблачим с помощью тебя и арестуем. Ступай.

Иван Огарев отдал по-военному честь великому князю, не забывая, что он носит на себе чин капитана и звание царского курьера, и удалился из залы.

Таким образом, Иван Огарев с успехом сыграл свою недостойную роль. Он приобрел полное доверие великого князя и мог злоупотреблять этим доверием, как ему было угодно. Он будет жить в этом самом дворце. Он узнает все тайны готовящегося к обороне города. Иркутск в его руках. Никто здесь его не знает, никто не сорвет с него маску. Он решил действовать не откладывая.

Действительно, время не позволяло медлить. Надо было взять город до прихода русских войск, шедших с севера и запада, а их ждали в Иркутске через несколько дней. Но раз татары завладеют Иркутском, отнять его у них будет нелегко. Во всяком случае, если им придется потом оставить город, то не прежде, как они разрушат его до основания и голова великого князя скатится к ногам Феофар-Хана.

Иван Огарев, пользуясь своей безграничной свободой все видеть, все наблюдать, везде быть, на другой же день занялся осмотром укреплений. Повсюду встречал он дружеский прием от офицеров, солдат и горожан. Этот царский курьер был для них звеном, соединяющим их с государством. Иван Огарев с большим апломбом, ни разу не проговорившись, рассказывал им о всех перипетиях своего вымышленного путешествия. Затем без всяких предисловий он перешел к войне и стал говорить о безвыходном положении осажденных, преувеличивая военные успехи татар и силы, которыми они в настоящее время располагали, — одним

словом, все то, что он говорил и великому князю. По словам его выходило, что ожидаемая помощь, даже если она и появится, настолько незначительна, что можно опасаться, как бы сражение под стенами Иркутска не имело такого же печального исхода, как сражения под Колыванью, Томском и Красноярском.

На подобные злые речи Огарев, что называется, не скупился. Он действовал очень ловко и осторожно, и все его слушатели мало-помалу прониклись его мрачными предположениями. Сам же он, казалось, говорил об этом с сожалением и нехотя.

— Во всяком случае, — прибавлял он, — надо защищаться до последней капли крови, и лучше взорвать город, чем сдать его врагам!

Случилось так, что с самого приезда Ивана Огарева в Иркутск между ним и одним из самых храбрых защитников города, Василием Федоровым, установились частые сношения. Несчастный отец страшно беспокоился о своей дочери. Если Надя выехала из России того числа, каким помечено ее последнее письмо, посланное из Риги, то что случилось с ней? Была ли она все еще в дороге, или татары взяли ее в плен? Василий Федоров чувствовал некоторое успокоение только тогда, когда ему приходилось биться с татарами, но такие случаи, на его несчастье, были слишком редки. Когда он узнал о неожиданном приезде царского курьера, то у него явилась надежда, что курьер этот может сообщить ему о его дочери. Это была, конечно, эфемерная надежда, но он ухватился за нее. Ведь этот курьер был в плену у татар, а разве Надя не могла быть взята также в плен?

Василий Федоров поехал в генерал-губернаторский дворец к Ивану Огареву, а тот ухватился за этот случай, чтобы войти с ним в ежедневные сношения. Думал ли ренегат воспользоваться этим обстоятельством? Судил ли он всех людей по себе? Думал ли он, что русский, даже политический изгнанник, мог быть настолько низким, чтобы предать свое отечество?

Как бы то ни было, Огарев отвечал на любезность Надиного отца такой же любезностью.

Василий Федоров рассказал ему, в силу каких обстоятельств его дочь, молоденькая девушка, должна была покинуть Европейскую Россию и как теперь его пугала эта неизвестность постигшей ее участи. Иван Огарев совсем не знал Нади, хотя и встретился с ней на станции в Ишиме в тот день, когда она там была с Михаилом Строговым. Поэтому он не мог сообщить ему ничего о его дочери.

— Но когда именно, — спросил Иван Огарев, — ваша дочь должна была выехать из России?

— Почти одновременно с вами, — отвечал Василий Федоров.

— Я выехал из Москвы пятнадцатого июля.

— И Надя должна была выехать из Москвы в этот же день, так, по крайней мере, говорилось в ее письме.

— Она была в Москве пятнадцатого июля? — спросил Огарев.

— Да, пятнадцатого июля.

— Ну, так... — начал Иван Огарев, но затем, как бы опомнившись, продолжал: — Но нет, я ошибаюсь... Я верно перепутал числа, — прибавил он. — К несчастью, очень возможно, что ваша дочь уже переехала границу. Единственно, на что вы еще можете надеяться, так это, что она, узнав о нашествии татар, не поехала дальше и вернулась назад!

Василий Федоров печально поник головою. Он знал Надю, и знал хорошо, что ничто не могло помешать ей уехать. Иван Огарев поступил действительно жестоко с бедным отцом. Он мог успокоить его одним словом. Хотя Надя и переехала сибирскую границу при обстоятельствах, уже известных читателю, но, сопоставив числа, когда дочь его находилась в Нижнем Новгороде и когда был издан указ, запрещающий выезжать из города, Василий Федоров мог бы вывести такое заключение: что Надя не могла подвергнуться опасностям войны, так как она помимо своего желания находилась еще в Европейской России. Иван Огарев мог сказать ему это, но он был из тех людей, кого не трогают страдания других, и потому он промолчал. Василий Федоров ушел от него с разбитым сердцем. После этого свидания исчезла его последняя надежда.

В последующие два дня, третьего и четвертого октября, великий князь несколько раз требовал к себе самозванца и заставлял его повторять все то, что тот слышал в кабинете императора в Кремлевском дворце. Иван Огарев, приготовивший заранее ответы на все эти вопросы, отвечал без запинки. Он не скрыл от великого князя, что русское правительство было крайне удивлено неожиданным вторжением татар, что восстание этих последних было подготовлено в большом секрете, что татары уже были хозяевами на Оби, когда о них узнали в Москве, и наконец, что в России еще ничего не было готово и она не могла сразу выставить войска, необходимого для защиты Сибири.

Затем пользуясь полной свободой, Иван Огарев начал изучать Иркутск, его укрепления, его слабые пункты, чтобы в скором

времени суметь воспользоваться этими наблюдениями. Но подробнее всего он занялся изучением городских ворот на Большой улице, тех самых, через которые он собирался впустить неприятеля. Он приходил туда каждый вечер и гулял по откосу вала, не опасаясь попасть под пули осаждающих, хотя первые посты их и находились меньше чем в версте от города. Он знал, что в неприятельском лагере его узнали и что стрелять в него не станут.

Он видел какую-то тень, проскользнувшую под горой... Сангарра, рискуя своей жизнью, пробралась сюда, чтобы попробовать завести сношения с Иваном Огаревым.

И Иван Огарев не заставил себя долго ждать. В тот же вечер с высокого городского вала в руки Сангарры упала маленькая записка.

На следующий день, в ночь с 5 на 6 октября, в два часа утра Иван Огарев решил предать Иркутск.

ГЛАВА XIV

НОЧЬ С 5 НА 6 ОКТЯБРЯ

План Ивана Огарева был так ловко составлен, все в нем было так обдумано и заранее предусмотрено, что, за исключением самых невероятных случайностей, он должен был увенчаться полным успехом.

Все заключалось в том, чтобы в ту минуту, как Огарев будет сдавать Иркутск татарам, большие ворота были бы свободны. Поэтому необходимо было в это время отвлечь внимание осажденных куда-нибудь в другое место, подальше от главных ворот. И вот по предварительному соглашению с эмиром Огарев решил устроить следующее. В то время как на правом берегу Ангары, со стороны предместья Иркутска, в двух различных пунктах произойдет серьезная атака, на левом берегу ее татары сделают попытку переправиться в город через реку; тогда весьма возможно, что ворота на Большой улице останутся без защиты, тем более что и татарские аванпосты, отодвинутые назад, будут казаться тоже снятыми. Было 5 октября. Через двадцать четыре часа столица Восточной Сибири должна быть в руках эмира, а великий князь во власти Огарева!

В этот день в неприятельском лагере происходило небывалое движение. Из окон дворца и других домов, стоящих на правом берегу, видно было ясно, что там делались какие-то важные приготовления. Многочисленные татарские отряды со всех сторон

стекались в лагерь, усиливая с каждым часом войско эмира. Это была заранее решенная и совершенно открыто подготовляемая диверсия.

К тому же Иван Огарев нисколько не скрывал от великого князя, что в эту ночь им следовало опасаться неприятельской атаки.

— Я знаю, — говорил он, — что татары собираются штурмовать город с двух противоположных концов его, и потому советую укрепить эти оба пункта.

Сообщение, сделанное Иваном Огаревым, наблюдения над неприятельским лагерем — все это требовало серьезного внимания. Собравшийся во дворце военный совет решил, что для защиты правого берега необходимо сосредоточить там все главные силы. А этого только и добивался Иван Огарев. Он не рассчитывал на то, что Большие ворота останутся вовсе без охраны, но он надеялся, что охрана эта будет немногочисленна. К тому же на всякий случай у него была наготове еще одна, недостойная по своему замыслу, и верная по расчету, хитрость. Даже и в том случае, если бы Иркутску не грозила с трех сторон атака, этой хитрости было бы достаточно, чтобы привлечь всех защитников города туда, куда именно желал повести их Иван Огарев и где должна была произойти ужасная катастрофа. Таким образом, все шансы были за то, что Большие ворота, никем в известный час не защищаемые, будут свободны, и тысячи татар, скрывающихся в лесных чащах на востоке, войдут беспрепятственно в город.

Во весь этот день гарнизон и все население Иркутска были настороже. Все меры для отражения неизбежной атаки были приняты. Великий князь в сопровождении генерала Воронцова лично объехал все укрепленные по его приказанию посты. Отборное войско Василия Федорова занимало северную часть города, но оно готово было во всякую минуту броситься туда, где опасность была всего сильнее. С этими мерами, принятыми заблаговременно, благодаря совету Ивана Огарева, можно было надеяться, что подготовляемая татарами атака не удастся и что обескураженный неприятель отложит новую попытку завладеть городом еще на несколько дней, а тем временем ожидаемое с часу на час русское войско может подойти к ним на помощь. В общем же участь Иркутска держалась, что называется, на волоске.

В этот день солнце, взошедшее в шесть часов двадцать минут утра, зашло в пять часов сорок минут пополудни. Томительные осенние сумерки тянулись целых два часа! И вот наконец наступила холодная, непроглядная ночь.

Уже несколько дней как стояли довольно сильные морозы, первые предвестники суровой сибирской зимы; в этот же вечер было особенно холодно. Солдаты, стоявшие на постах вдоль правого берега Ангара, чтобы не выдать себя, не разводили костров; они жестоко страдали. Внизу, в нескольких футах от них, увлекаемые быстрым течением, с глухим шумом неслись, большие и малые, высокие и низкие, серые ледяные массы. Лед шел целый день. Великий князь, наблюдавший за состоянием реки, был крайне обрадован этим обстоятельством. Если Ангара будет загромождена плавучим льдом, то переправа через нее сделается не только опасна, но и невозможна. О плотях и о барках не могло быть и речи; если же допустить, что река в эту ночь встанет и что татары переправятся через нее по льду, то и это последнее предположение было неосновательно. Новый, еще не успевший окрепнуть лед не мог выдержать напора многотысячной татарской орды. Казалось бы, что это обстоятельство, так радовавшее всех русских во главе с великим князем, должно было огорчить Ивана Огарева? Ничуть не бывало! Дело в том, что изменник знал прекрасно, что татары даже и не думают переправляться через реку.

Но к десяти часам вечера, к великому удивлению и горю осажденных, Ангара вдруг совсем очистилась ото льда. Как-нибудь пять или шесть льдин одиноко плыли по ее темно-свинцовым водам.

Офицеры, следившие за ледоходом, донесли об этом великому князю. По всей вероятности, где-нибудь выше Иркутска, в том месте, где русло Ангара суживается, льда нанесло так много, что образовался затор.

Так оно и было на самом деле.

И вот переправа через Ангару снова сделалась возможной. Русским приходилось теперь наблюдать за своими постами с большим вниманием, чем когда-либо.

Вплоть до полуночи не произошло ничего особенного. С востока, со стороны Больших ворот, — полная тишина.

В темной массе лесов, под низко нависшими облаками — ни одного огонька. В неприятельском лагере, напротив, довольно сильное оживление, там то и дело мелькали огни, слышался глухой шум, все доказывало, что татары были уже на ногах и ждали только сигнала...

Прошел еще час, но и этот час не принес ничего нового. На колокольне городского собора должно было пробить сейчас два часа утра, а неприятель все еще не трогался с места.

Великий князь и его офицеры невольно спрашивали самих себя: не введены ли они в заблуждение и действительно ли татары собираются штурмовать город?

Ни одна из предыдущих ночей не была так спокойна, как эта.

Как известно, Иван Огарев занимал одну из комнат во дворце. Это была довольно обширная зала в первом этаже. Окна ее выходили на широкую каменную террасу, спускающуюся к самой реке. В комнате царила глубокая темнота. Иван Огарев стоял у окна и ждал наступления заветного часа. Он подаст сигнал, войско и народ бросятся навстречу татарам, а он тем временем оставит дворец и покончит со своим делом...

И он ждал в темноте, как дикий зверь, готовый броситься на свою добычу.

Между тем за несколько минут до двух часов великий князь приказал позвать к себе Михаила Строгова — он мог назвать его только этим именем.

Один из адъютантов отправился в его комнату, но дверь была заперта. Он позвал его.

Огарев не отзывался.

Тогда великому князю донесли, что царского курьера нет во дворце.

Прошло два часа. Наступило время действовать. Иван Огарев открыл окно, перелез на террасу и встал в правом углу ее. Внизу, у его ног, текла Ангара, волны глухо шумели, разбиваясь о торчавшие из воды деревянные сваи. Он вытащил из кармана кусок пакли, зажег ее и бросил в воду.

Нефть на Ангаре была разлита по распоряжению Ивана Огарева. В то время между Иркутском и селом Поскавским разрабатывались нефтяные источники. Негодяй задумал воспользоваться этим обстоятельством, чтобы спалить Иркутск. Завладеть одним из громадных резервуаров, содержащих горючую жидкость, проломить в нем стену и пустить нефть по реке было нетрудно для этого человека. Вот как Иван Огарев понимал войну!

Перейдя на сторону татар, он действовал, как татарин. И против кого же? Против своих же соотечественников!

Кусок зажженной пакли упал в воду. В ту же минуту нефть вспыхнула, и пожар с быстротою электричества разлился вниз и вверх по реке. Голубоватое пламя вспыхивало и перебегало с одного берега на другой. Лед таял и трескался, и над всем этим стоял густой чад. Почти одновременно с пожаром, с двух противоположных концов города, с севера и с юга, послышалась стрельба. Татары тысячами бросились на городской вал. Деревья

вянные дома, разбросанные по уступам гористого берега, загорелись со всех сторон. Яркий свет зарева рассеял ночную тьму.

— Наконец-то! — воскликнул Иван Огарев.

И он имел полное право гордиться своей изобретательностью! Придуманная им диверсия была ужасна.

Русские очутились между двух огней: с одной стороны — атакующий неприятель, с другой — пожар. На колокольнях забили в набат. Обезумевшие жители бросились тушить пожар, угрожавший всему городу. Большие ворота были почти свободны, там оставался только небольшой отряд из ссыльных.

Иван Огарев вернулся в свою комнату. Она вся была залита зловещим красным светом. Ему не сиделось. Он встал и опять направился к двери, но едва взялся он за ручку ее, как в комнату вбежала какая-то женщина в промокнувшей одежде, с растрепанными волосами.

— Сангарра! — вскричал Огарев.

Какая же другая женщина, кроме цыганки, могла явиться сюда?

Но то не была Сангарра, то была Надя.

Когда, лежа на льдине, молодая девушка вскрикнула от ужаса при виде пожара на реке, Михаил Строгов схватил ее на руки и бросился с ней в воду. Они были в каких-нибудь тридцати саженях от набережной Иркутска. Михаил Строгов добрался до города вплавь.

Наконец-то цель его была достигнута! Он был в Иркутске!

— В губернаторский дворец! — сказал он Наде.

Менее чем через десять минут они уже подходили к дворцу. Он был открыт для всех, и молодые люди вошли в него беспрепятственно. Среди общей сумятицы их никто не заметил, даже мокрые одежды их не обратили на себя ничьего внимания. Большая нижняя зала была наполнена офицерами и солдатами. Толпа разлучила их. Надя совсем растерялась, она бегала по всем залам и то громко звала Михаила, то просила провести себя к великому князю.

Вдруг перед ней открылась дверь в комнату, всю залитую огненным светом. Она вбежала и очутилась лицом к лицу с тем, кого видела сперва в Ишиме, потом в Томске, с тем, чья рука через минуту должна была предать город неприятелю.

— Иван Огарев! — вскричала она.

Услышав свое имя, негодяй задрожал. Если узнают, кто он — все планы его рушатся. Ему оставалось только одно: убить, кто бы он ни был, того, кто произнес его имя.

Иван Огарев бросился на Надю, но молодая девушка, выхватив нож, успела отскочить в сторону.

— Иван Огарев! — снова закричала она, зная прекрасно, что это ненавистное всем имя привлечет к ней на помощь людей.

— А! Я тебя заставлю замолчать! — прошипел изменник.

— Иван Огарев! — в третий раз закричала неустрашимая молодая девушка; ненависть придала ее голосу необычайную силу.

Вне себя от ярости Иван Огарев с кинжалом в руке кинулся вторично на Надю и припер ее в самый угол своей комнаты. Но в эту минуту чья-то мощная рука схватила его за шиворот и, приподняв в воздухе, отбросила в сторону.

— Михаил! — вскричала Надя.

Да, это был Михаил Строгов. Он услышал Надин крик и, руководимый ее голосом, поспешил в комнату Ивана Огарева; на его счастье дверь оставалась открытой.

— Не бойся ничего, Надя, — сказал он, становясь между ней и Иваном Огаревым.

— Ах! — вскричала молодая девушка. — Брат, берегись!.. Изменник вооружен!.. Он хорошо видит...

Иван Огарев уже успел подняться с полу и, вспомнив, что перед ним слепой, он бросился на Михаила.

Но слепой, схватив одной рукой зрячего, а другой, вырвав у него оружие, снова бросил его на пол.

Иван Огарев, бледный от бешенства и стыда, вспомнил, что при нем есть еще шпага. Он выхватил ее из ножен и снова кинулся на врага.

Он тоже узнал Михаила Строгова. Слепой! Ведь, в сущности, он имел дело только со слепым!

Да, судьба была за него!

Надя в ужасе от опасности, грозившей ее товарищу в этой неравной борьбе, бросилась к двери, зовя на помощь.

— Запри эту дверь, Надя, — сказал Михаил. — Не зови никого, оставь меня в покое! Царскому курьеру нечего бояться сегодня этого мерзавца! Пускай только осмелится подойти ко мне! Я жду его.

Между тем Иван Огарев молчал. Он хотел тихо и незаметно подкрасться к слепому и сразу нанести ему в голову смертельный удар.

Надя страшно волновалась и в то же время надеялась, следя с каким-то восторгом за всей этой ужасной сценой.

У Михаила все оружие состояло из одного только сибирского ножа; противника своего, вооруженного шпагой, он даже не видел.

Но с помощью какой же ниспосланной ему свыше силы он до сих пор оставался победителем? Каким образом, стоя неподвижно на одном месте, он мог так ловко обороняться своим ножом против направленной на него шпаги?

Иван Огарев с видимым беспокойством следил за своим странным противником. Это нечеловеческое спокойствие действовало на него раздражающе. Напрасно, взывая к рассудку, говорил он себе, что борьба эта неравна, что все выгоды лежат на его стороне! Эта неподвижность слепого леденила в нем кровь. Глазами он искал уже то место, куда вернее нанести удар своей жертве... Он нашел его!.. Что же мешает ему нанести этот удар? Но вот наконец он сделал прыжок, направив удар своей шпаги прямо в сердце Михаилу.

Ловкое, незаметное движение ножа слепого отразило удар.

Холодный пот выступил на лбу у Огарева. Он отступил на один шаг и снова кинулся на своего врага. Но и второй его удар был так же ловко отпарирован. Теряя рассудок от бешенства и ужаса перед этой живой статуей, он остановил свой растерянный взор на широко раскрытых глазах слепого. Эти глаза, казалось, проникали ему в душу и видели все, что творилось в ней.

Вдруг Иван Огарев вскрикнул. Неожиданная мысль озарила его разум.

— Он видит! — закричал он. — Он видит!

И, как дикий зверь, прятнувшийся в берлогу, он шаг за шагом стал пятиться в глубь своей комнаты.

Тогда «статуя» зашевелилась, слепой направился прямо на Огарева и, подойдя к нему, сказал:

— Да, я вижу! Я вижу удар кнута, которым я тебя отметил, изменник, мерзавец! Я вижу то место, куда я ударю тебя сейчас! Защищайся же! Я вызываю тебя на дуэль, хотя ты и недостойн этого! Мне достаточно и ножа против твоей шпаги!

— Он видит! — повторяла Надя. — Милосердный Боже, он видит!

Огарев чувствовал себя потерянным. Собрав, однако, последнюю храбрость, он бросился на Строгова, держа шпагу впереди. Оружия скрестились, но не прошло и минуты, как Михаил выбил из рук его шпагу, и изменник, пораженный в сердце, замертво упал на землю.

В эту минуту дверь открылась, и в комнату вошел великий князь со всей свитой. Великий князь вышел вперед. Он узнал лежавший на земле труп того, кого до сих пор считал за царского курьера.

— Кто убил этого человека? — спросил он строгим голосом.

— Я, — отвечал Михаил.

Один из офицеров схватил револьвер, готовясь выстрелить в него.

— Твое имя? — спросил великий князь.

— Ваше высочество, — отвечал Михаил, — спросите лучше, как имя человека, лежащего у ваших ног?

— Этого человека я знаю! Это слуга моего брата. Это царский курьер!

— Ваше высочество, этот человек не царский курьер! Это Иван Огарев!

— Иван Огарев? — вскричал великий князь.

— Да, Иван-изменник!

— А ты, кто же ты таков?

— Я — Михаил Строгов!

ГЛАВА XV

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Михаил Строгов не был слеп, он никогда не был слепым.

Явление чисто человеческое, нравственное и физическое в одно и то же время нейтрализовало действие раскаленной стали, ожегшей, но не ослепившей его глаза.

Читатель помнит, что во время жестокой расправы Марфа Строгова стояла тут же, простирая руки к несчастному сыну. Михаил смотрел на нее так, как смотрит любящий сын на мать в последнюю минуту тягостной разлуки. Напрасно крепился он. Слезы ручьями хлынули из глаз его, и эти слезы спасли ему зрение. От близости раскаленного металла они превратились в пары, а пары охладили жар. Это был факт, тождественный с тем, что происходит, когда плавильщик, омочив предварительно руку в воде, погружает ее затем, совершенно безнаказанно для себя, в расплавленный металл.

Михаил Строгов сразу же понял, какая опасность грозила ему в случае, если бы он открыл кому-нибудь свою тайну, и в то же время он чувствовал, какую выгоду мог он извлечь из своего нового положения. Пусть думают, что он слеп! По крайней мере, его оставят в покое, он будет свободен! Но необходимо уверить в своей слепоте всех, даже Надю. Необходимо строго следить за собой, чтобы ни одно слово, ни один жест не дали бы повода к сомнению. Принятое им решение было непоколебимо. Одна

только мать знала истину, только ей одной поведал он свою тайну, и это было на той самой площади в Томске, когда, склонившись над ней в темноте, он покрывал ее руки и лицо поцелуями. Теперь понятно, что, когда Иван Огарев со злой иронией, воображая, что перед ним стоит слепой, поднес к якобы потухшим глазам его царское письмо, Михаил Строгов прочел это письмо и узнал о разоблачавшихся в нем подлых замыслах изменника. Отсюда эта энергия, не покидавшая его за последнее время. Отсюда это непоколебимое желание достичь Иркутска и исполнить немедленно возложенное на него поручение. Он знал, что город должен быть предан неприятелю! Он знал, что жизни великого князя угрожала опасность! Спасение брата государя, спасение Сибири было еще в его руках.

Вся эта история в нескольких словах была передана великому князю. И с каким одушевлением рассказывал Михаил Строгов о деятельном участии, принятом для достижения его цели Надей!

— Кто эта молодая девушка? — спросил великий князь.

— Дочь ссыльного, Василия Федорова, — отвечал Строгов.

— Дочь командира Федорова, а не дочь ссыльного, — поправил его великий князь. — В Иркутске нет более ссыльных!

Молодая девушка, сильная духом в горе, не выдержала этой радости и в слезах упала на колени перед великим князем. Через час она была уже в объятиях своего отца.

Михаил Строгов, Надя и Василий Федоров были все вместе, они наслаждались минутами блаженства.

Атака татарам не удалась, русские прогнали их с обоих концов города. Василий Федоров со своим отрядом разбил наголову первых же смельчаков, явившихся под Большие ворота. Предчувствие заставило его остаться на этом посту и лично охранять его. Как только татары были выгнаны из города, осажденные принялись тушить пожар. Нефть на Ангаре сгорела сама собой, а пожар ограничился только набережной Иркутска.

Еще солнце не взошло, как татары уже вернулись в свой лагерь. У них была масса убитых. В числе последних находились и цыганка Сангарра. В продолжение двух дней осаждающие не делали никакой новой попытки к нападению. Смерть Ивана Огарева отняла у них всякую храбрость. Этот человек был душой задуманного им дела. Он один имел влияние на ханов и на их орды; если бы не он, они, пожалуй бы, и не дерзнули пойти на завоевание Азиатской России. Несмотря на это, защитники Иркутска были настороже и зорко следили за неприятелем.

Но вот 7 октября, едва только забрезжил свет, как с гор, окружающих Иркутск, раздался вдруг пушечный выстрел. То была русская армия, посланная под предводительством генерала Киселева на помощь Иркутску.

Татары, не желая новой битвы, тотчас же покинули свой лагерь. Иркутск был наконец освобожден. С первыми русскими солдатами в город вошли и старые друзья Михаила Строгова, неразлучные Блэнт и Жоливе. Они вместе со всеми, находившимися на плоту, перебежали по льду на правый берег Ангары и таким образом успели спастись от речного пожара. По этому случаю Альсид Жоливе отметил в своей записной книжке следующее: «Нам предстояла та же участь, что лимону, брошенному в пуншевую чашу». Когда они встретили Надю и Михаила Строгова и когда они узнали, что молодой человек не был слеп, — радость их была вполне искренна. Гарри Блэнт, в свою очередь, записал в своих заметках следующее: «Раскаленное добела железо не всегда может уничтожить чувствительность зрительного нерва. Заметить!»

Затем оба корреспондента наняли себе в Иркутске квартиру и, устроившись в ней основательно, принялись приводить в порядок все впечатления своего путешествия. Вскоре после этого в Лондон и в Париж полетели две очень интересные хроники относительно вторжения татар в Сибирь, и, что было большой редкостью, эти обе хроники почти ни в чем не противоречили друг другу.

Кампания эта в конце концов была неблагоприятна для эмира и его союзников, мало того, она была для них очень гибельна. Русские войска разбили татарские орды на части и отобрали от них все завоеванные ими города. Сверх того, наступила жестокая зима. Половина войск эмира перемерзла на дороге, и в татарские степи вернулась только незначительная часть их.

Дорога от Иркутска до Урала была свободна. Великий князь торопился уехать в Москву, но он отложил свой отъезд, чтобы присутствовать на трогательной церемонии, совершившейся через несколько дней по вступлении в город русских войск.

Однажды, когда Надя сидела с отцом, пришел Михаил Строгов и, подойдя к молодой девушке, спросил ее:

— Надя, сестра моя, когда ты уезжала из Риги в Иркутск, ты не оставила там никакого другого горя, кроме горя, причиненного тебе потерей твоей матери?

— Нет, — отвечала Надя, — решительно никакого.

— Значит, там не осталось ни одной частички твоего сердца?

— Ничего не осталось, Михаил!

— В таком случае, — сказал он, — я не думаю, что Господь, заставив нас встретиться друг с другом, заставив нас пережить вместе столько горя, столько суровых испытаний, не пожелал бы соединить нас иначе, как навеки.

— Ах! — воскликнула Надя и бросилась на грудь Михаилу. — Отец! — обернулась она к нему, вся розовая от волнения и охватившего ее счастья.

— Надя, — отвечал ей Василий Федоров, — я буду счастлив назвать вас обоих моими детьми.

Их венчали в соборе. Свадьба предполагалась быть скромной, но, благодаря присутствию великого князя, его свиты, массы военных и статских, пожелавших лично почтить молодых новобрачных, одиссея которых сделалась уже легендарной, она вышла блестящей, шумной и очень веселой. Альсид Жоливе и Гарри Блэнт, разумеется, также присутствовали на этой свадьбе. Они намеревались сообщить о ней своим читателям.

— И это не возбуждает в вас желания подражать им? — спросил Жоливе у своего товарища.

— Гм... — промычал Блэнт. — Пожалуй... если бы у меня была такая же кузина, как у вас...

— На моей кухне уже нельзя жениться, — отвечал со смехом француз.

— Тем лучше, — прибавил англичанин. — А вы слышали, что поговаривают о натянутых отношениях между Лондоном и Пекином? Вы не имеете желания отправиться туда и узнать, в чем дело?

— А, черт возьми, мой дорогой Блэнт! — воскликнул француз. — Да я только что хотел вам это предложить!

И вот таким образом двое неразлучек отправились в Китай.

Несколько дней спустя после свадьбы Михаил и Надя Строговы в сопровождении своего отца, Василия Федорова, отправились в Европу. Эта дорога, усеянная столькими несчастьями, столькими неудачами во время их первого путешествия, теперь, на возвратном пути, сделалась самой счастливой в их жизни. Они ехали в санях, на перекладных, с быстротой курьерского поезда. На берегу Динки, не доезжая села, они сделали остановку на один день. Михаил отыскал то место, где был похоронен бедный Николай. Они поставили там крест, и Надя в последний раз помолилась на могилке их скромного и преданного друга, память о котором сохранилась навеки в их сердцах. В Омске, в маленьком домике Строговых, их ждала старая Марфа.

Со слезами радости на глазах прижимала она к своей груди ту, которую уже сто раз в своем сердце называла дочерью. Доблестная сибирячка на этот раз имела полное право признать своего сына и открыто гордиться им.

После нескольких дней, проведенных в Омске, Михаил и Надя Строговы вернулись в Европу и поселились в Петербурге, в доме своего отца.

С тех пор молодые люди никогда не покидали его, исключая разве тех случаев, когда ездили в Омск навещать свою престарелую мать.

Молодой курьер представлялся государю, и государь, назначив его в свои личные адъютанты, пожаловал ему Георгиевский крест.

Михаил Строгов достиг впоследствии высоких чинов и занимал одно из видных государственных мест.

Но не повесть его блестящих успехов на жизненном пути, а повесть тяжелых испытаний, посланных ему судьбою, заслуживала быть рассказанной.

СОДЕРЖАНИЕ

А.Дюма. Учитель фехтования. <i>Пер. с фр. Б.И.Гордон</i>	5
Луи Буссенар. Герон Малахова кургана. <i>Пер. с фр. В.Карпинской</i>	163
Жюль Верн. Михаил Строгов. <i>Пер. с фр.</i>	325

Для детей старшего школьного возраста

Александр Дюма
УЧИТЕЛЬ ФЕХТОВАНИЯ

Луи Буссенар
ГЕРОИ МАЛАХОВА КУРГАНА

Жюль Верн
МИХАИЛ СТРОГОВ

Редактор **И.В. Дубровина**
Художественный редактор **Н.Д. Викторова**
Технический редактор **И.И. Павлова**
Корректоры **А.З. Лазуткина, Л.В. Дорофеева, Л.М. Логунова**

ИБ № 6249

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 010058 от 18.09.91.
Подписано в печать с оригинала-макета 08.10.93. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура академическая. Печать высокая. Бумага кн.-журнальная. Усл. п. л. 25,20.
Усл. кр.-отт 25,62. Уч.-изд. л. 28,98. Тираж 30 000 экз. Заказ № 155. С 59.
Изд. инд. ЛХ-29.

Набор выполнен в издательстве «Русская книга»
Комитета Российской Федерации по печати.
123557 Москва, Б. Тишинский пер., 38.

Отпечатано на Тульской типографии
Комитета Российской Федерации по печати
300600, г Тула, пр. Ленина, 109